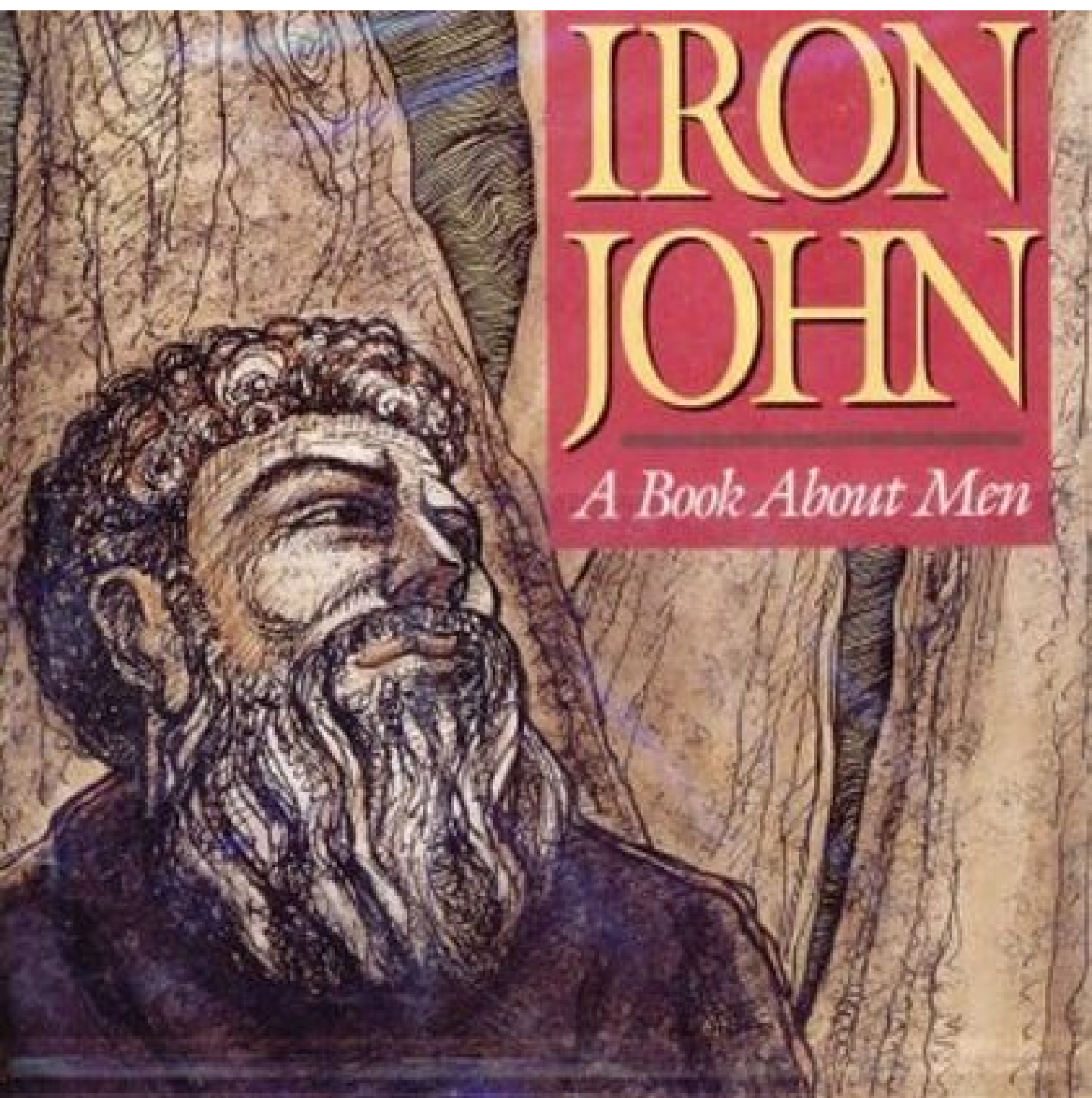

IRON JOHN

A Book About Men

Железный Джон: мужчины и мужественность

Комментарий редакции:

Книга Роберта Блая «Железный Джон» — попытка через миф (сказку братьев Гримм) осмыслить, что такое зрелая мужественность, как она достигается. Автор проводит читателя через этапы взросления, используя метафоры. Речь идет о преодолении мягкости и пассивности, об обретении контакта с внутренней мужской силой, эмоциями, которые часто подавляются в современном обществе, требующем от мальчика быть «удобным», или которые просто некому вырастить в мальчике при отсутствующем отце.

Книга стала одной из ключевых для мужского движения, вобрав идеи, которые Роберт Блай уже проверил в многочисленных семинарах для мужчин.

Книга написана в юнгианской парадигме, это стоит учитывать и читать с рассуждением; кого это смущает, отметим, что христианским подражанием ему стала книга Дж. Элдриджа [«Необузданное сердце»](#), а также G. Dalbey [“Healing the Masculine soul”](#).

В этом потрясающем, ставшем классическим произведении, Роберт Блай пишет о том, что образы зрелой мужественности, предлагаемые современной культурой, изношены, и что мужчины больше не могут зависеть от них. Опираясь на психологию, антропологию, мифологию, на фольклор и легенды, он ищет новое видение того, кем может являться мужчина. Результат его поиска — это и бестселлер, облетевший весь мир, и чрезвычайно важная работа, по-прежнему оказывающая на нас огромное влияние.

Роберт Блай

Роберт Блай (родился 23 декабря 1926 года) — американский поэт, эссеист, активист и лидер мифопоэтического мужского движения. Его самая известная прозаическая книга — «Железный Джон: книга о мужчинах» (1990), которая провела 62 недели в списке бестселлеров New York Times и является ключевым текстом мифопоэтического мужского движения.

Железный Джон: примечание автора

Читая Железного Джона десять лет спустя
Роберт Блай

Это скромная книга. Она принадлежит к простому литературному жанру, который можно назвать сказочной историей — и как и во всех сказочных историях, в ней нет реальных фактов (и это приводит в ярость буквалистов и социологов), но есть множество метафор. Сквозь эти метафоры мы видим страдания и радости реального мира — свой жизненный опыт, приходящий к нам в воспоминаниях, в рассказанных на ночь историях, в сценах из старых романов и в обращениях политиков. Так случайности и намерения, частицы и обрывки мыслей, озарения и гипотезы — усиливают историю.

В семидесятых и восьмидесятых в США, когда в ВУЗах стали появляться совершенно новые слои населения, и ещё до того, как телевидение установило столь сильный контроль над вниманием, было не так трудно найти людей с которыми можно было обсудить вопросы психологии и другие общие интересы. Я всегда любил быть учителем, но не хотел работать в университете; и вот пару раз в месяц я оставлял мой дом и улетал в Нью-Йорк или Лос-Анжелес, или Чикаго, или Сиэтл, иногда будучи приглашённым в Юнгианский учебный центр, иногда в церковь, иногда в медитативный центр — или это мог быть психологический институт, который пытался бороться с проблемами зависимости, развода, преступности среди несовершеннолетних или общей несчастья. Когда я преподавал, я каждый раз выбирал сказочную историю, чтобы использовать её в качестве темы лекции. Я мог использовать тексты Фрейда, Адлера, Хорни, Юнга или Эдингера — они мне нравятся. Но сказочные истории древнее; и их истины нравятся мне столь же сильно. Когда ты преподаёшь по сказке, то не ссылаешься на какую-то конкретную книгу; ты надеешься дать своим слушателям что-то вроде небольшого количества чистой воды, на протяжении столетий просочившейся сквозь всех людей Земли. Эти сказки являются чудесами. Они несут в себе налёт древней религиозной жизни; они быстро двигаются между страстями, предательствами и трансформациями, но самым блестящим их даром является описание издревле присущих человеку трудностей, игнорируемых почти любой академической классификацией или суждением. Я согласен с Джозефом Кэмпбеллом в том, что сказки — это фундаментальный дар, полученный нами от древнего дописьменного мира. Они безудержнее Аристотеля, глубже Цицерона, правдивее прозы Августина.

С 1970 по 1990 я давал лекции по трём десяткам сказок из разных мифологий: немецких, русских, норвежских, шведских, арабских. Как правило, в группах собиралось от двадцати до сорока взрослых, две трети из них — женщины. На протяжении этих лет стало ясно, что большинство историй братьев Гримм концентрируются на женских жизненных кризисах, например: Белоснежка, Лиза с гусями, Гусятница у колодца, Пёстрая шкурка, Рапунцель, Синдерелла, Дева Малейн, Девушка-безручка, Беляночка и Розочка и т.д. В конце концов, после долгого поиска среди 236 историй братьев Гримм, я обнаружил, что только шесть из них концентрируются на мужских жизненных кризисах.

Первой я обнаружил историю Железный Джон, или «Eisenhans» — по-немецки. Я хочу затронуть открывающую сцену: в начале истории молодой охотник появляется у короля и фактически спрашивает у него «Есть ли что-нибудь опасное в округе?» Король отвечает, что тот мог бы посетить некоторый пруд в лесу, но оттуда никто не возвращался. Когда этот молодой человек находит пруд, то из него появляется рука и утаскивает его собаку. Многие молодые мужчины находят в своём опыте эту внезапную потерю, произошедшую с ними на третьем десятке жизни. Эти мужчины могут поделиться историями, связанными со следующим

шагом охотника: он заключался в том, чтобы взять ведро, терпеливо вычерпать пруд и вытащить то, что находится внизу. Как оказалось, на дне пруда жил некий Дикарь, являясь силой на этой стадии недоступной. Эта деталь может помочь многим мужчинам, говорящим о возрастании монотонности и стерильности современных мужских жизней. Дикарь был вытащен из пруда, заперт Королём в клетку во дворе, и далее история рассказывает, что Король «отдал ключ на хранение Королеве». Случается так, что восьмилетний сын Короля, играя золотым мячом, закатывает его в клетку Дикаря. Когда мальчик просит вернуть мяч, Дикарь отвечает, что он вернёт мяч, если мальчик откроет дверь клетки. Наконец, мальчик признаётся, что не знает, где ключ. Дикарь отвечает: «Ключ под подушкой твоей матери».

Идея ключа, существующего под подушкой матери глубоко беспокоила многих читательниц «Железного Джона». При этом она не была откровением для мужчин; большинство из них сказали: «Так вот где этот ключ, здорово». Но многие женщины пропускают главу «Подушка и ключ». Мы часто виним во всём матерей и до сих пор в этом было что-то необъяснимое. Женщины знают, что не они сделали клетку, в которую заключена здоровая дикость. Фактически это сделал Король. Но идея о том, что ключ может находиться в таком приятном и эротическом месте, как место под подушкой, вызывала у них беспокойство. Мы знаем, что отцы испытывают эротическое возбуждение по отношению к своим дочерям, хотя они часто и не хотят называть это так или вообще упоминать об этом. Возможно, матери испытывают то же самое по отношению к своим сыновьям.

Также история предполагает, что мужчина более старшего возраста в качестве наставника, является более важным для взросления сына, чем отец. Это тоже плохо сочетается с современными теориями воспитания.

Недавно я вновь прочитал Железного Джона — впервые за последние десять лет. И я был удивлён тому, что в сказке (и не только в ней) пропущено очень важное содержание — серьёзное отношение к громадной боли, вызванной отделением мальчика от его матери. Сказка мельком упоминает, что мальчик прищемил палец, когда открывал клетку Дикаря украденным ключом. Этой метафоры совершенно недостаточно для описания долгой непрекращающейся боли, которую приносит мальчику отделение от матери. Болезненный опыт дочерей тоже весьма велик, но дочь, глядя на свою мать, говорит себе: «Это то, чем я стану» (имея в виду женщину). Сын говорит: «Это не то, чем я стану». И затем выходит вовне, в холодный равнодушный мир. Отделение от матери таит в себе множество опасностей. Бернадин Джекот и Лиам Хадсон хорошо описывают эту боль мальчиков в своей книге Путь мужской мысли: интеллект, интимность и эротическое воображение. Они отмечают, что если отделение сына от матери произошло слишком рано, например, во время латентного периода (примерно от семи до двенадцати лет), это может привести к формированию в нём холодной сдержанности, и он может выбрать в дальнейшем профессию учёного, техника или математика. Если же отделение произошло слишком поздно, он в большей степени будет склоняться к профессиям артиста, поэта или музыканта. Другими словами время отделения очень важно. Я полагаю, что эта прекрасная книга может стать важным дополнением к «Железному Джону».

Я по-прежнему глубоко восхищён интенсивностью старой немецкой сказки, особенно её живыми яркими метафорами спуска в пепел, голода по Королю во время отсутствия отца, любви к «Женщине-Богине» и стадий развития красного, белого и чёрного цветов. Эти метафоры помогают и мужчинам, и женщинам. Я получаю удовольствие, перечитывая присланные мне множеством людей истории и случаи из их жизней, и я очень доволен количеством стихотворений в этом тексте. Эта книга принесла мне много благодарностей и много волнений, не всегда заслуженных. Но вся эта суматоха напомнила как труден и сложен переход от детства к взрослой жизни. Существует много красоты и утончённости, и надежды в

отношениях матери и сына, также как и в отношениях сына и отца.

«Железный Джон» вышел десять лет назад и много всего произошло с тех пор. Я думаю, что теперь у нас есть более острое осознание по многим спорным вопросам, поднимаемым в этой книге.

Железный Джон: предисловие

Мы живём в значимое и плодотворное время, когда становится очевидно, что образы мужественности, пропагандируемые поп-культурой, изношены; мужчина больше не может зависеть от них. К тридцати пяти годам он знает, что образы правильного мужчины, сильного мужчины, настоящего мужчины, принимаемые на веру со школы, не работают в жизни. Такой мужчина открыт для нового видения того, кем является мужчина или кем он может стать. Сказочные истории словно вода сквозь грунт прошли сквозь поколения мужчин и женщин. Мы можем верить их метафорам больше чем историям сочинённым, скажем, Хансом Кристианом Андерсеном. Метафоры старых сказок дают нам украсть ключ из-под подушки матери, поднять золотое перо, упавшее с пылающей груди Жар-Птицы, найти Дикаря под озёрной гладью, следовать через лес по следам собственных ран, и найти, что они похожи на следы бога — все эти метафоры предназначены для медленного впитывания всем телом. Они продолжают разворачиваться лишь будучи интегрированными. Всё это есть в старых мифах, которые мы слышим: например, энергия Зевса — это позитивная лидерская энергия мужчины, которую поп-культура постоянно декларирует как несуществующую; у Короля Артура мы учимся ценности мужчины-учителя в жизни юноши; в истории Железного Джона мы видим важность движения из материнской сферы в отцовскую; и как и во всех посвящающих сказках мы учимся тому, как важно полностью оставить родительские ожидания и найти второго отца, или «второго Короля».

Существует мужское посвящение, женское посвящение и человеческое посвящение. В этом книге я говорю только о мужском посвящении. Я сразу хочу прояснить, что в этой книге нет призыва к превращению мужчин в женщин, в ней нет призыва к возврату мужской деспотии и подавления женщин и их ценностей, как это было в прошлые века. Мысли этой книги не ставят под сомнение женское движение. Два движения связаны друг с другом, но самостоятельны. Горе мужчин устойчиво растёт, начиная с Промышленной революции, и достигло такой глубины, что его уже невозможно игнорировать.

Тёмная сторона мужчин понятна. Их безумное потребление ресурсов Земли, обесценивание и унижение женщин, а их одержимость племенными войнами неоспорима. Не только генетическая наследственность помогает формированию этих одержимостей, но и культура, и окружающая нас обстановка. Мы имеем дефективную мифологию, которая игнорирует глубину мужских чувств, назначает мужчинам место на небесах, а не на земле, учит подчиняться фальшивым силам, не даёт мальчикам становиться мужчинами, и к тому же впутывает и мужчин, и женщин в систему промышленного господства, которое исключает и матриархат, и патриархат.

В этой книге я говорю о Дикаре, и различие между варваром и Дикарём — абсолютно принципиально. Варварский способ жизни приносит огромный вред душе, земле и человечеству; мы можем сказать, что варвар ранен, и старается этого не замечать.

Дикарь, замечающий свою рану, больше походит на дзен-монаха, шамана или отшельника, сблизившегося с природой.

Знание того, как строить гнездо в пустом дереве, как лететь на зимовку, как исполнять

брачный танец — вся эта информация хранится в инстинктивных резервуарах птичьего разума. Но человеческие существа, зная, как много гибкости им может понадобиться в новых ситуациях, решили хранить этот тип знаний вне инстинктивных систем; они хранили их в историях. Истории того времени — сказки, легенды, мифы, байки у очага — составляют сокровищницу, где хранятся новые способы реагирования, которые можно заимствовать, когда традиционные и привычные способы износились.

Некоторые из знатоков этой сокровищницы в последние столетия: Георг Гроддек, Гурджиев, Карл Юнг, Генрих Циммер, Джозеф Кэмпбелл и Жорж Дюмезиль. Моей первой учительницей по анализу сказок была Мария-Луиза фон Франц, и я старался быть таким же искренним в анализе маскулинных историй, какой была она в анализе феминности во многих своих книгах.

Эта книга основывается на целом сообществе мужчин, долго работавших в этой области до того, как в ней появился я. Первый среди них — это Александр Митчерлих, немецкий аналитик, умерший в 1981 году; есть много замечательных англоязычных мыслителей. Я глубоко впечатлён мужчинами, у которых имел удовольствие учиться в течение последних восьми лет: Майкл Мид, Джеймс Хиллман, Терри Добсон, Роберт Мур и Джон Стокс, и многие другие. Я благодарю Кейта Томпсона за его интерес к мужскому материалу и за изменение первой главы после нашего интервью. И я благодарю моего издателя, Вильяма Патрика, за его энтузиазм и его озарения.

Я также признателен многим людям, доверившимся мне достаточно, чтобы выслушать, и достаточно меня уважающим, чтобы рассказать свои истории или просто певшим, танцевавшим, или плакавшим.

Даже несмотря на то, что в этой книге я выкладываю путь инициации, состоящий из восьми этапов, другие мужчины могут увидеть другой порядок этих этапов или совершенно другие этапы. Мы делаем путь, по которому идём. Антонио Мачадо сказал:

*Ты путешественник, но вокруг нет дорог
Лишь ветер прокладывает тропинки на море*

Глава 1: Подушка и ключ

В западном мире мы очень много говорим об «американском мужчине» или «европейском мужчине» как будто существуют некие характерные черты, остающиеся постоянными на протяжении десятилетий или хотя бы в течение одного десятилетия.

Например, мужчины, живущие в Америке сегодня, сильно отличаются от Сатурнианского фермера старой закалки, гордого своей интровертичностью, приехавшего из Новой Англии в 1603 году и усердно высиживающем по три службы в неотапливаемой церкви. На юге, напротив, развит тип экспансивного, привязанного к матери кавалера, и никто из этих «Американских мужчин» не походит ни на энергичного железнодорожного дельца, появившегося позже на Севере страны, ни на опрометчивую «я-обойдусь-без» культуру поселенцев Востока.

Даже в наше время социально приемлемые модели были эффектно изменены. Например, в пятидесятые в Американский характер добавилось немного упорства, и это стало эталоном мужественности, принятым многими мужчинами: Мужчина пятидесятых.

Он рано начинает работать, ответственно трудится, содержит жену с детьми и восхищается дисциплиной. Рейган — мумифицированная версия такого упорного человека. Это была версия

мужчины, который плохо понимал женские души, но высоко ценил их тела; а его взгляд на культуру и роль Америки был мальчишеским и оптимистичным. Сильнейшими его качествами были решительность и уверенность в себе, но под маской обаяния и грубоватого добродушия было и оставалось много изолированности, потерь и пассивности. Если он не имел врагов, он не был уверен в том, что жив.

Мужчина пятидесятих полагал, что должен любить футбол, быть агрессивным, защищать Соединённые Штаты, никогда не плакать и всегда быть кормильцем. Но в этом образе мужчины было мало пространства для чувств или для интимности. Личности не доставало ощущения жизни. Душе не хватало сострадания, и это отчасти было причиной безумной гонки Вьетнамской войны; позже это проявилось в том, что мы можем назвать «тепличным» пространством в голове Рейгана, приведшим его к чёрствости и жестокости по отношению к беспомощным людям Сальвадора, старикам, безработным, школьникам и бедным людям в целом.

У Мужчины пятидесятих было ясное видение того, что такое мужчина, и в чём состоит его ответственность, но изолированность и односторонность этого видения были опасны.

В шестидесятые появилась другая версия мужчины. Расточительство и жестокость Вьетнамской войны поставили перед мужчинами вопрос: что же такое взрослый мужчина на самом деле. Если взрослость означает Вьетнам, хотят ли они стать частью этого? Между тем, феминистское движение заставило мужчин по-настоящему посмотреть на женщин, заставляя их осознать свои проблемы и страдания — то, чего избегал Мужчина пятидесятих с помощью тяжёлого труда. Из-за того, что мужчины начали изучать историю женщин и женскую чувствительность, некоторые мужчины начали прислушиваться к сигналам своей женской части и обращать на них внимание. Этот процесс продолжается и по сей день, и я бы сказал, что большинство мужчин так или иначе участвуют в нём.

Есть нечто замечательное в этой эволюции — я имею в виду практику доброжелательного отношения мужчин к своему «феминному» самосознанию и выращивание его. Это важно — однако я чувствую в этом какую-то ошибку. Мужчина за последние двадцать лет стал более вдумчивым, более добрым. Но это не сделало его более свободным. Он хороший мальчик, радующий не только свою Мать, но и молодую женщину, живущую с ним.

В семидесятых я начал видеть по всей стране феномен, который можно обозначить как «мягкий мужчина». Даже сегодня я иногда смотрю в аудиторию, и, могу назвать едва ли не половину юношей мягкими. Это привлекательные, полезные люди — мне они нравятся — они интересуются тем, как не навредить земле или не развязать войну. Во всём их существе и образе жизни очень много бережного отношения к окружающему миру.

Но множество из этих мужчин несчастны. Вы быстро заметите в них недостаток энергии. Они скорее сохраняют жизнь, чем дают её. Забавно, но вы можете часто увидеть этих мужчин с решительными женщинами, которые излучают позитивную энергию.

Здесь мы имеем прекрасно воспитанного юношу, экологически превосходящего своего отца, полного сочувствия к целостности и гармонии окружающего мира, но пока в нём слишком мало жизненности, чтобы что-то сделать для этого мира.

Решительные или дающие жизнь женщины, появившиеся в шестидесятых, и, так сказать, унаследовавшие старый дух, играют большую роль в появлении такого сохраняющего жизнь, но не дающего жизнь мужчины.

Я помню стикер на бампере появившийся в шестидесятые: «ЖЕНЩИНЫ ГОВОРЯТ ДА МУЖЧИНАМ, ГОВОРЯЩИМ НЕТ». Мы признаём, что требовалось много мужества, чтобы противостоять призыву, сесть в тюрьму или переехать в Канаду, но столько же мужества требовалось и чтобы пойти по призыву и уехать во Вьетнам. Но женщины двадцать лет назад определённо говорили, что они предпочитают более мягких чувствительных мужчин.

Таким образом, мужское развитие немного пострадало из-за таких предпочтений. Менее чувствительное возмужание было приравнено к насилию, а более чувствительное — вознаграждалось.

Некоторые энергичные женщины и в то время, и сейчас в девяностые, выбирали и до сих выбирают в любовники мягких мужчин и, таким образом, вполне возможно, их сыновей. Новое распределение энергии «Ян» внутри таких пар не случайно. Юноши по разным причинам хотят более жёстких женщин, а женщины начинают жаждать более мягких мужчин. Какое-то время это выглядело, как правильная перекомпоновка, но мы жили так достаточно долго, чтобы увидеть, что она не работает.

Я впервые узнал о страданиях «мягких» мужчин, когда они рассказывали свои истории на ранних мужских собраниях. В 1980 Лама сообщества в Нью-Мехико попросил меня вести их первую мужскую конференцию, где собралось около сорока мужчин. Каждый день мы концентрировались на одном греческом боге и на одном мифе, а позже во второй половине дня, собирались, чтобы поговорить. Когда юноши говорили, для них не было ничего необычного в том, чтобы проплакать пять минут. Количество горя и страдания в этих юношах поразило меня.

Часть их горя поднималась из отчуждённости от своих отцов, которую они остро чувствовали, но часть горя вытекала из их проблем в браке или в отношениях. Они учились быть чувствительными, но одной чувствительности недостаточно, чтобы провести брак сквозь трудные времена. В каждом отношении время от времени необходимо что-то жёсткое: и мужчина, и женщина должны иметь это. Но, часто в тот момент, когда это было необходимо, юноши были к этому не готовы. Они были воспитаны, но требовалось что-то другое — для их отношений и для их жизни.

«Мягкий» мужчина был способен сказать: «Я могу чувствовать твою боль, и я считаю твою жизнь такой же важной как моя, и я буду заботиться о тебе, и ободрять тебя». Но он не мог сказать, чего он хочет и держаться этого. Решение такого рода было слишком трудным для него.

В Одиссее Гермес наставляет Одиссея, что, когда тот приблизится к Церцее, обладающей определённым видом матриархальной энергии, он должен поднять или показать свой меч. В этих ранних сессиях для многих юношей было трудно увидеть разницу между показом меча и причинением боли. Один мужчина — своего рода воплощение определённого духовного восприятия шестидесятых, мужчина, который в буквальном смысле жил на дереве в течение года за пределами Санта Круза, оказался не в состоянии вытянуть руку, держа меч. Он так хорошо научился не причинять никому боль, что он не мог поднять сталь, даже для того, чтобы поймать ей солнечного зайчика. Но демонстрация меча не всегда означает драку. Она может также наводить на мысль о радостной решимости.

Путешествие многих американских и западных мужчин в мягкость, в чувствительность, в «развитие женской части» было очень ценным путешествием, но большее путешествие впереди. Этот этап не последний.

Часть 1: Обнаружение железного Джона

Одна из сказок, рассказывающих о третьей возможности для мужчин, это история под названием «Железный Джон» или «Железный Ганс». Хотя это была первая история, записанная братьями Гримм в 1820 году, эта история могла произойти и десять и двадцать тысяч лет назад.

Итак, история начинается, и мы обнаруживаем что нечто странное происходит в отдалённой области леса у королевского замка. Когда охотники идут в эту область, они пропадают и никогда не возвращаются. Двадцать раз туда уходят люди и не возвращаются. В какой-то момент люди начинают чувствовать, что в этой части леса сокрыто что-то странное, и они «не ходят туда больше никогда». Однажды неизвестный охотник появляется в замке и говорит: «Что я могу сделать? Есть что-нибудь опасное в округе?».

Король отвечает: «Ну, я могу упомянуть лес, но это большая проблема. Люди, которые входят в него, не приходят обратно. Шансы вернуться невелики».

«Это как раз то, что мне нужно», — говорит юноша. Итак, он углубляется в лес и, что интересно, он идёт в одиночестве, с ним лишь его пёс. Юноша и его пёс блуждают по лесу и проходят мимо пруда. Внезапно из воды вытягивается рука, хватая пса и утягивает его вниз.

Юноша не впадает в истерику. Он просто говорит: «Должно быть, это то место».

Сильно привязанный к своему псу, он очень неохотно покидает его, возвращается в замок, собирает трёх мужчин с ведрами, они все вместе возвращаются к пруду и вычёрпывают воду.

Любой кто попытается это сделать, быстро поймёт, что вычёрпывание — это очень медленная работа. Спустя время они находят лежащего на дне пруда большого мужчину, покрытого шерстью с головы до ног. Шерсть рыжая — как ржавое железо. Они берут мужчину обратно в замок и лишают свободы. Король называет его «Железный Джон», сажает его в железную клетку во внутреннем дворе замка и отдаёт ключ на хранение Королеве.

Давайте на секундочку остановимся здесь.

Когда современный мужчина свысока смотрит в свою душу, он может, если позволяют условия, найти под водой своей души, в области, которую долгое время никто не посещал, древнего лежащего мужчину, покрытого шерстью.

Мифологические системы ассоциируют шерсть, волосы, с инстинктивным, сексуальным и примитивным. Я имею в виду, что в каждом современном мужчине есть лежащее на дне его души большое примитивное начало с ног до головы покрытое шерстью. Установление контакта с этим Дикарём — это шаг, который ещё предстоит предпринять Мужчине восьмидесятых или Мужчине девяностых. Тот процесс вычёрпывания ещё не начался в нашей современной культуре.

Итак, история очень деликатно подсказывает, что есть больше, чем маленький

страх вокруг этого Волосатого Мужика, также как вокруг любого изменения. Когда мужчина начинает развивать чувствующую часть себя и получает больше своей изначальной легкомысленности, он обычно находит этот опыт замечательным. Он начинает писать стихи и сидеть на берегу океана, и ему больше не нужно всегда быть на высоте в сексе, он становится эмпатичным — и это новый, гудящий, удивительный мир.

Но идти вниз сквозь воду, и соприкоснуться с Дикарём на дне пруда — это совсем другое дело. Встающее существо пугает, и кажется даже больше теперь, когда корпорации сделали так много для того, чтобы продезинфицировать, обрить и сделать мужчину более поверхностным. Когда мужчина принимает свою отзывчивость или, как мы это иногда называем, внутреннюю женщину, он часто ощущает себя более тёплым, более дружелюбным, более живым. Но когда он приближается к тому, что я называю «глубинный мужчина», он чувствует опасность. Приглашение Волосатого Мужика — это страшно и опасно, и это требует смелости совсем иного сорта.

Встреча с Железным Джоном требует готовности спуститься в мужскую психику и принять тьму, находящуюся там, и питающую нас.

Из поколения в поколения индустриальное сообщество предостерегает молодых бизнесменов от приближения к Железному Джону, не питает к нему тёплых чувств и христианская церковь.

Фрейд, Юнг и Вильгельм Райх — это три исследователя, имевшие смелость спуститься в глубину пруда и принять то, что они нашли там. Работа современных мужчин — следовать за ними вниз.

Некоторые мужчины уже выполнили эту работу, и Волосатый Мужик был вытащен из пруда в их психике, и живёт во внутреннем дворе. «Во внутреннем дворе» означает, что индивид или культура вытащили его в солнечное место, где все могут его видеть. Это само по себе некоторый прогресс относительно удерживания Волосатого Мужика в подвале, где большая часть каждой культуры хочет его удержать. Но, конечно, в любом случае, он всё ещё в клетке.

Часть 2: Потеря золотого мяча

Теперь вернёмся к истории.

Однажды восьмилетний сын Короля играет во внутреннем дворе со своим любимым золотым мячом, и тот закатывается в клетку Дикаря. Если маленький мальчик хочет вернуть мяч, он должен приблизиться к Волосатому Мужiku и попросить его об этом. Но это проблематично.

Золотой мяч напоминает нам о внутренней гармонии, которая была у нас, когда мы были детьми — это своего рода сияние или целостность, бывшая у нас до того, как мы разделились на мужчин и женщин, богатых и бедных, плохих и хороших. Мяч золотой, как солнце, и круглый. Как и солнце он излучает изнутри сияющую энергию.

Обратите внимание, что мальчику восемь лет. Каждый из нас, будь то мальчик или девочка, теряет нечто важное в возрасте около восьми лет. Если мы сохранили золотой шар в детском саду, то мы теряем его в начальной школе. А то, что осталось, окончательно теряем в средней школе. В «Короле-лягушонке» мяч принцессы падает в колодец. Мужчины мы или женщины, как только золотой мяч ушёл, мы тратим всю оставшуюся жизнь на попытки получить его обратно.

Первым шагом в получении мяча является принятие — решительное, непоколебимое — того факта, что мяч потерян. Фрейд сказал: «Существует печальная разница между блистательным интеллектом ребёнка и немощным рассудком среднего взрослого». Так где же золотой мяч? Говоря метафорически, культура шестидесятых говорила мужчинам, что они найдут их золотой мяч в чувствительности, восприимчивости, сотрудничестве и неагрессивности. Но многие мужчины, отказавшиеся от агрессивности, так и не нашли золотой мяч.

История о Железном Джоне говорит, что мужчина может не надеяться найти золотой шар в женской реальности, потому что его там нет. Новобрачный тихо просит жену вернуть ему золотой мяч. Я думаю, она отдала бы его, если бы могла, потому что большинство женщин в моём опыте не пытаются блокировать развитие мужчины. Но она не может дать ему то, чего у неё нет. Более того, она сама потеряла свой золотой мяч и не может найти ни тот, ни другой.

Очень сильно упростив, можно сказать, что Мужчина пятидесятих всегда хочет женщину для возвращения своего золотого мяча. Мужчина шестидесятых и семидесятых с тем же неудачным результатом просит свою внутреннюю женщину вернуть его.

История Железного Джона предполагает, что золотой мяч лежит в магнитном поле Дикаря. Дикарь — это концепция, которую нам очень трудно ухватить. Мы должны принять возможность того, что истинная сияющая энергия в мужчине не скрыта, не находится, не ждёт нас ни в женской реальности, ни в реальности мачо Джона Уэйна, но скрыта, находится и ждёт нас в магнитном поле глубинной мужественности. Она защищена инстинктом, скрытым под водой неизвестно сколько времени.

В «Короле-Лягушонке» — это лягушка, неприятная, при виде которой каждый говорит «Фу!» — которая приносит золотой мяч обратно. И в версии братьев Гримм лягушка сама превращается в принца — только когда рука бросает его об стену.

Многие мужчины нуждаются в каком-нибудь приятном человеке, который вернёт им мяч, но история намекает, что мы не найдём мяч в силовом поле азиатского гуру или даже в силовом поле мягкого Иисуса. Наша история не антихристианская, она предхристианская, за тысячу или более лет до христианства. И её идея по-прежнему верна — возвращение золотого мяча несовместимо с качествами традиционного послушания и правильности.

Вид дикости или неправильности, присущий образу Дикаря — это не то же самое, что энергия мачо, о которой мужчины знают достаточно. Энергия Дикаря, по контрасту, сопровождает сильную и действующую ответственность, не жестокую, но решительную.

Дикарь не отвергает цивилизацию, но и не обусловлен ею. Этическая надстройка народного Христианства не поддерживает Дикаря, хотя есть некоторые предположения, что Христос был им сам. В начале его служения, волосатый Джон (Иоанн) в конце концов крестил его.

Когда приходит время для юноши поговорить с Дикарём, он может найти этот разговор очень отличающимся от разговора со священником, раввином или гуру. Беседа с Дикарём это не разговор о блаженстве или разуме, или духе, или «высшем сознании», это разговор о влажном, тёмном и низменном — о том, что Джеймс Хиллман называет «душа».

Первый шаг заключается в том, чтобы приблизиться к клетке и попросить золотой мяч обратно. Некоторые мужчины уже готовы к этому шагу, другие ещё не начали вычерпывать воду из пруда — они ещё не оставили коллективной мужской идентичности и идут в неизведанную область в одиночестве или со своим псом.

История рассказывает о том, что после того как пёс «утащен вниз», нужно начинать работу с ведрами. Нет никакого гиганта, который придёт и высосет воду из пруда для вас: такой магии нет и она вам не поможет. И выходные в Эсалене не сделают этого. Кислота и кокаин не сделают этого. Это делает мужчина, ведро за ведром. Это напоминает медленное обучение искусству: эту работу уже сделал Рембрандт; и Пикассо, и Йейтс, и Рильке, и Бах сделали это. Вычерпывание требует большей дисциплины, чем это делают многие мужчины.

Дикарь, как указывал Кейт Томпсон в разговоре со мной, не собирается просто вручать

золотой шар кому-либо. Какой была бы история, если бы Дикарь сказал: «Да, хорошо, вот твой шар?»

Юнг заметил, что все успешные запросы в психике включают в себя сделку. Психика любит заключать сделки. Если часть вас, например, слишком ленива и не хочет выполнять какую-то работу, вымученное решение перенести всё на

Новый год не принесёт никакой пользы. Дело пойдёт лучше, если вы скажете ленивой части: «Ты дашь мне час для работы, а я позволю тебе быть неряхой в течение часа — идёт?» Так и в «Железном Джоне», сделка заключена: Дикарь соглашается вернуть золотой мяч, если мальчик откроет клетку.

Мальчик, видимо испугавшись, убегает. Он даже не отвечает. Разве это не то, что происходит? Нам так часто слышим это от родителей, священников, школьных учителей и директоров, что мы не должны иметь ничего общего с Дикарём, что когда он говорит «Я верну тебе мяч, если ты дашь мне выйти из клетки», мы даже не отвечаем.

Может быть прошло десять лет. На «второй день» мужчине может быть двадцать пять. Он возвращается к Дикарю и говорит: «Могу я получить обратно мой мяч?». Дикарь отвечает: «Да, если ты дашь мне выйти из клетки».

Вообще говоря, как раз возвращение к Дикарю во второй раз — это удивительная вещь; некоторые мужчины вообще никогда не возвращаются. Двадцатипятилетний мужчина слышит утверждение, что всё в порядке, но у него уже две Тойоты и ипотека, может быть жена и ребёнок. Как он может дать Дикарю выйти из клетки? Мужчина обычно уходит во второй раз, также не сказав ни слова.

Прошло ещё десять лет. Давайте скажем, что теперь мужчине тридцать пять... вы уже видели выражение смятения на лице тридцатипятилетнего мужчины? Чувствуя перегруженность, отчуждённость, пустоту он спрашивает Дикаря на этот раз от всего сердца: «Могу я получить мой золотой мяч обратно?»

«Да» — отвечает Дикарь, — «Если ты дашь мне выйти из моей клетки».

И теперь в истории происходит нечто чудесное. Этот мальчик начинает говорить с Дикарём, и продолжает беседу. Он говорит: «Даже если я захочу выпустить тебя, я не могу, потому что я не знаю, где ключ».

Это здорово. К тому времени нам уже тридцать пять и мы не знаем, где находится ключ. Не совсем точным будет сказать, что мы забыли, где он находится — в первую очередь мы никогда этого не знали.

История говорит, что когда Король запер Дикаря, «он отдал ключ на хранение Королеве», но нам тогда было всего лишь около семи лет, и наш отец никогда не говорил нам, что он сделал с ключом. Так где же ключ?

Я даю аудитории попытаться ответить на этот вопрос:

«Он на шее мальчика».

Нет.

«Он спрятан в клетке Железного Джона».

Нет.

«Он внутри золотого мяча».

Нет.

«Он в замке. На крючке внутри Сокровищницы».

Нет.

«Он в Башне. На крючке, вбитом высоко в стене».

Нет.

Дикарь отвечает: «Ключ под подушкой твоей матери».

Ключ не внутри мяча, не внутри сундука с золотом, не в сейфе... ключ под подушкой наших матерей — именно там, где говорил Фрейд.

Возвращение ключа из-под подушки матери — хлопотное занятие. Фрейд, принимая совет от Греческих игр, говорит, что мужчина не должен допускать даже обоюдного влечения между собой и своей матерью, если он хочет прожить долгую жизнь. Подушка матери, помимо всего прочего, лежит на кровати, где она занимается любовью с вашим отцом. Кроме того, с подушкой связан ещё один подтекст.

Майкл Мид, рассказчик мифов, однажды заметил мне, что подушка также является местом, где матери хранят все свои ожидания относительно вас. Она мечтает: «Мой сын — доктор». «Мой сын — юнгианский аналитик». «Мой сын — гений Уолл Стрита». Но очень мало матерей мечтает: «Мой сын — Дикарь».

Со стороны сына: он не уверен, что хочет взять ключ. Просто перенести ключ от матери под подушку гуру тоже не поможет. Забыть, что это материнские процессы было бы большой ошибкой. Материнская работа, в конце концов, цивилизовать мальчика, и это очень естественно для неё хранить этот ключ. Все семьи на этой планете поступают одинаково: «Король отдаёт ключ на хранение Королеве». Атаковать мать, конфронтировать её, кричать на неё, как призывают нас некоторые фрейдисты, может не привести к желаемому результату — она может просто улыбаться и разговаривать с вами, опираясь локтём на подушку. Разговоры Эдипа с Иокастой не привели ни к чему хорошему, как и крик Гамлета.

Мой друг упомянул, что это мудро — украсть ключ в тот день, когда мать и отец ушли. «Мои отец и мать ушли сегодня» подразумевает день, когда голова свободна от родительских запретов. Джоя Тимпанелли писательница и рассказчица, заметила, что мифологически воровство ключа принадлежит миру Гермеса.

И ключ должен быть украден. Я помню, как разговаривал с аудиторией мужчин и женщин об этой проблеме с кражей ключа. Один юноша явно хорошо натренированный на курсах Нью Эйдж их методам действий, сказал: «Роберт, я обеспокоен этой кражей ключа. Кража — это неправильно. Можем ли мы просто пойти к матери и сказать: 'Мама, могу я забрать ключ?'"»

Его метод был вероятным консенсусом, способом, которым персонал магазина здорового питания урегулирует спорные вещи. Я почувствовал, как души всех женщин в аудитории взвились в воздух, чтобы убить его. Мужчины, таким образом, так же опасны для женщин, как и женщины для мужчин.

Нет матери, ценность которой заключалась бы в том, чтобы когда-нибудь отдать ключ. Если сын не может его украсть, он его не заслуживает.

«Я хочу выпустить Дикаря наружу!»

«Иди сюда и поцелуй мамочку».

Матери интуитивно знают, что произойдёт, если они отдадут ключ: они потеряют своих мальчиков. Чувство собственности, которое свойственно матерям по отношению к своим сыновьям — не говоря уже о чувстве собственности, которое свойственно отцам по отношению к своим дочерям — никогда не стоит недооценивать.

Средства получения ключа различны для каждого мужчины, но достаточно сказать, что демократические или нелинейные подходы не приблизят этот день.

Один довольно упрямый юноша однажды протанцевал всю ночь шесть часов подряд, а наутро заметил: «Я получил ключ прошлой ночью».

Другой мужчина заново обрёл ключ, когда первый раз в жизни искренне действовал как обманщик, полностью осознавая своё ловкое поведение. Ещё один мужчина украл ключ, когда противостоял своей семье и отказался выполнять позорное для всей семьи дело.

Мы можем целыми днями говорить о краже ключа в практической плоскости. Сама же история оставляет это открытым, и просто говорит: «Однажды он украл ключ, приблизился к клетке Дикаря, и открыл замок. И когда он это сделал, он прищемил палец». (Эта деталь имеет важное значение в следующей части истории.) Дикарь наконец стал свободен и было ясно, что вернётся в свой лес, «недалеко от замка».

Часть 3: Что делать мальчику?

В этой точке может случиться множество вещей. Если Дикарь возвращается в свой лес, а мальчик остаётся в замке, то фундаментальный исторический конфликт в психике между примитивным мужчиной и цивилизованным мужчиной повторит себя в мальчике. Мальчик со своей стороны может оплакивать потерю Дикаря всю оставшуюся жизнь. Или он может, может вернуть ключ под подушку, пока его родители не вернулись, и сказать, что он ничего не знает о побеге Дикаря. После этой уловки он может стать корпоративным управленцем, министром, штатным профессором — кем-нибудь, кем его родители могли бы гордиться, тем кто «никогда не видел Дикаря».

Мы все возвращали ключ много раз и ввали об этом. Тогда одинокий охотник в нас должен снова войти в лес со своим телом-псом, сопровождающим его, и пёс снова будет утащен вниз. Мы потеряли много «псов» таким образом.

Мы можем вообразить другой сценарий. Мальчик убеждает, или воображает, что смог убедить Дикаря остаться во внутреннем дворе. Если это произошло, он и Дикарь могли бы вести цивилизованную беседу друг с другом в чайном саду, и эта беседа могла продолжаться много лет. Но история подсказывает, что Железный Джон и мальчик не могут быть вместе — то есть не могут получить опыт их первоначального союза — во внутреннем дворе замка. Возможно это слишком близко к подушке матери или к книге правил отца.

Напоминаю, что мальчик в этой истории, когда он говорил с Дикарём, сказал, что не знает, где находится ключ. Это смело. Некоторые мужчины никогда не говорят этого Дикарю.

Когда мальчик открыл клетку, Дикарь отправился обратно в свой лес. Мальчик из этой истории или тридцатипятилетний мужчина в нашей голове — как вам угодно — делает в этот момент нечто чудесное. Он снова заговаривает с Дикарём: «Подожди минутку! Если мои родители вернутся домой и обнаружат, что ты ушёл, они избьют меня». От этого утверждения падает сердце, особенно если мы знаем кое-что о практике детского воспитания, преобладавшего в течение длительного времени в Северной Европе.

Алиса Миллер напоминает нам в своей книге «Для вашего собственного блага», что детские психологи Германии в девятнадцатом веке особо предупреждали родителей об изобилии. Изобилие в детстве — это плохо и при первых признаках этого родители должны быть очень серьёзны. Изобилие подразумевает, что дикость мальчика или девочки больше не заперты. Пуританские родители в Новой Англии часто наказывали детей очень серьёзно, если они беспокойно вели себя во время долгой службы в церкви.

«Если они приедут домой и увидят, что ты ушёл, они избьют меня».

Дикарь говорит: «Это хорошая мысль. Тебе лучше пойти со мной». Дикарь сажает мальчика себе на плечи и они вместе отправляются в лес. Это окончательно. Мы все так счастливы.

Что касается мальчика уходящего в лес, ему в данный момент приходится преодолевать свой страх дикости, иррациональности, волосатости, интуитивности, эмоциональности, телесности и естественности. Железный Джон не так примитивен, как воображает мальчик, но мальчик — или его разум — пока не знает об этом.

Кроме того, полный разрыв с матерью и отцом, которого требуют старейшины, произошёл. Железный Джон говорит мальчику: «Ты никогда не увидишь своих отца и мать снова. Но у меня больше сокровищ, чем тебе когда-нибудь понадобится». Что есть, то есть.

Часть 4: Заснуть на плечах дикаря

Момент, когда мальчик уходит с Железным Джоном — это момент в древнегреческой жизни, когда слугитель Диониса принимает юношу в студенты, или момент в жизни сегодняшнего эскимоса, когда шаман, иногда полностью покрытый шерстью диких животных, увешанный когтями россомахи, со змеиными позвонками вокруг шеи и шапкой из медвежьей головы, появляется в деревне и уводит мальчика прочь для духовного обучения.

В нашей культуре нет таких моментов. Мальчики в нашей культуре продолжают нуждаться в посвящении в мужской дух, но старики вообще не предлагают этого. Священник иногда пытается, но и он является частью корпоративной деревни наших дней.

Среди Хопи и других коренных американских индейцев Юго-запада, старики уводят мальчика далеко от деревни, когда ему исполняется двенадцать лет. Они доставляют его в чисто мужскую область кива. Он остаётся там в этом помещении в течение шести недель, и не видится со своей матерью в течение следующих полутора лет.

Недостатков сегодняшней нуклеарной семьи не так много, чтобы это сводило с ума или сильно запутывало (это так же истинно для общин и офисов — фактически для любых групп). Недостаток заключается в том, что старики за пределами нуклеарной семьи больше не предлагают эффективного пути для сына разорвать его связь с родителями без нанесения себе травмы.

Древние сообщества верят, что мальчик становится мужчиной только через ритуал и усилие —

только через «активное вмешательство старейшин».

Для нас становится ясным, что возмужалость не случается сама по себе; она не происходит просто потому что мы едим хлопья. Активное вмешательство старейшин подразумевает, что старейшины приглашают юношу в древний, мифологизированный, инстинктивный мужской мир.

Одна из лучших историй, что я слышал о такого рода приглашении — это ритуал, каждый год происходящий среди народа Кикуйю в Африке. Когда мальчик становится достаточно взрослым для посвящения, его уводят от его матери и приводят в специальное место, которое мужчины создали на некотором расстоянии от деревни. Он постится там три дня. На третью ночь он находит собственное место в кругу вокруг огня со старейшинами. Один из старейшин поднимает нож, вскрывает вену на своей руке, и даёт стечь небольшому количеству своей крови в тыквенную чашу. Каждый старейшина в кругу вскрывает свою руку тем же ножом, когда чаша обходит круг, и отдаёт немного своей крови. Когда чаша доходит до юноши, ему предлагают напиться из неё.

В этом ритуале мальчик учится многим вещам. Он учится, что питание приходит не только от его матери, но также от мужчин. И он учится, что нож может быть использован для многих целей помимо нанесения ранений. Может ли он сомневаться теперь, когда был приглашён быть мужчиной среди других мужчин?

Как только это приветствие заканчивается, старейшины учат его мифам, историям и песням, которые воплощают отчётливые мужские ценности: я имею в виду не только конкурентные ценности, но и духовные. Когда эти «увлажняющие» ценности выучены, мифы сами собой уводят юношу далеко за пределы его личного отца к смутным теням отцов, уходящих в прошлое от столетия к столетию.

Что происходит в отсутствие осознанно выполняемых усилий стариков? Посвящение западных мужчин продолжалось в течение некоторого времени в альтернативной форме даже после того, как фанатики разрушили греческую школу посвящения. В течение девятнадцатого века деды и дядья жили в одном доме, и старики участвовали в общих делах. Через охоту, через работу, которую мужчины вместе делали на фермах и в домах, и через спортивные игры пожилые люди проводили много времени с юношами и передавали им знания о мужском духе и мужской душе.

Вордсворт в начале «Прогулки» описывает старика, который день за днём сидел под деревом и подружился с Вордсвортом, когда тот был мальчишкой:

Он любил меня; из розовых мальчишек толп
Он выделил меня, как в шутку он сказал бы —
Уж слишком вдумчивым я выгляжу для лет своих.
Пока я рос, моим предметом восхищения было то,
Что он товарищем меня избрал своим. И много раз
На праздниках, бродили мы в лесу...

Теперь осталось мало подобных шансов или случайного общения. Мужские клубы и сообщества медленно исчезают. Деды живут в Фениксе или в доме престарелых, и множество мальчиков имеют опыт общения исключительно с другими мальчиками своего возраста, которые с точки зрения стариков ничего не знают.

В шестидесятые некоторые юноши черпали силу от женщин, которые в свою очередь получали её от женского движения. Здесь можно сказать, что многие юноши шестидесятых пытались получить посвящение от женщин. Но только мужчины могут посвящать мужчин, и только женщины могут посвящать женщин. Женщины могут вырастить мальчика из эмбриона, но только мужчины могут вырастить мужчину из мальчика. Старейшины говорят, что мальчики нуждаются во втором рождении, на этот раз от мужчин.

Кейт Томпсон в одном из своих эссе, описывал себя двадцатилетнего, как типичного юношу «посвящённого» женщинами. Его родители развелись, когда Кейту было двенадцать, и он жил со своей матерью, в то время как его отец переехал в квартиру неподалёку.

В старшей школе Кейт был ближе к женщинам, чем к другим мужчинам, и та же ситуация продолжилась в колледже, где его основными друзьями были феминистки, которых он описывал как чудесных, умных и великодушных людей, научивших его огромному количеству важных вещей. Затем его наняли в государственное управление Огайо, где он работал с женщинами и уделял много внимания женским проблемам.

Примерно в это время он увидел сон. Он и стая волчиц бежали по лесу. Волки наводили на мысли о его первобытной независимости и мощи. Волчий клан строем быстро двигался сквозь лес, и в конце концов они выбежали на берег реки. Каждая волчица смотрела на воду и видела в ней своё отражение. Но Кейт смотрел на воду и не видел ничего.

Сны неуловимы и запутаны, и было бы опрометчиво делать какие-либо скоропалительные выводы. Последняя картина, однако, наводит на тревожную мысль. Когда женщины, любые женщины с лучшими побуждениями, воспитывают мальчика в одиночестве, он может не иметь мужского лица, или не иметь лица вовсе.

Старейшины-инициаторы, наоборот, передают мальчику некую невидимую и необъяснимую уверенность, помогающую ему увидеть своё настоящее лицо, своё истинное начало.

Так что же можно сделать? Тысячи и тысячи женщин, будучи одинокими родителями, растят мальчиков без взрослого мужчины в доме. Неотъемлемая трудность такой ситуации проявилась однажды в Эванстоне, когда я читал лекцию о посвящении мужчин в группе, состоящей в основном из женщин.

Женщины, которые растили сыновей одни были очень внимательны к опасности немужской модели поведения. Одна женщина обнаружила, что к тому времени, когда её сын стал юношей, он нуждался в большей твёрдости, чем она могла ему действительно дать. Но, по её словам, если она станет вести себя с ним жёстче, она может потерять связь со своей женственностью. Я упомянул классическое решение многих традиционных культур, когда мальчик в двенадцатилетнем возрасте посылался к отцу. Некоторые женщины категорически отвечали: «Нет, мужчины не воспитатели; они не будут о нём заботиться». Однако многие мужчины — и я один из них — нашли в себе потребность в воспитании, которая не проявлялась, пока у неё не было объекта.

Даже когда отец живёт в доме, всё ещё возможна очень сильная скрытая связь между матерью и сыном, вытесняющая отца, связь, которая равнозначна заговору, и поэтому трудно преодолима. Одна женщина с двумя сыновьями любила каждый год ездить на конвенцию в Сан-Франциско, оставляя мальчиков дома. Но однажды весной, только что вернувшись с женского ретрита, она почувствовала необходимость побыть в одиночестве и сказала своему мужу: «Почему бы тебе не взять мальчиков в этом году?». Отец так и сделал.

Мальчики, около десяти и двенадцати лет, никогда, как выяснилось, не проводили время с отцом без присутствия матери. После этого, они захотели больше времени проводить со своим папой.

Когда через год подошло время конвенции, матери снова захотелось побыть в одиночестве, а мальчики вновь уехали с отцом. В тот момент, когда они вернулись домой, так случилось, что мать стояла на кухне спиной к двери, и старший из двух мальчиков подошёл и обнял её сзади. Она не знала, как это произошло, но её тело как будто взорвалось — и мальчик через всю комнату отлетел к стене. По её словам, когда он поднялся, их отношения стали другими. Что-то бесповоротно изменилось. Она была довольна этими изменениями, а мальчик выглядел удивлённым и немного успокоившимся из-за того, что ему, очевидно, отныне не было нужды вести себя по-старому.

Эта история подразумевает, что работа по сепарации может быть выполнена даже если нет старейшин-инициаторов, выполняющих её. Мать может выполнить этот разрыв сама. Мы видим, что это требует большого напряжения, и мы замечаем, что эту работу выполнило тело женщины, а не её ум, что это было тяжело.

Другая женщина рассказала историю, в которой заговор матери-сына был разрушен мальчиком. Она была матерью-одиночкой сына и двух дочерей, и девочки вели себя хорошо, а мальчик нет. В четырнадцать мальчик хотел жить со своим отцом, но остался у него в течение месяца или около того, а затем вернулся. Когда он вернулся, мать осознавала, что три женщины в доме создают слишком большое количество феминной энергии для её сына, но что она могла поделать? Прошла одна-две недели. Однажды ночью она сказала сыну: «Джон, пора ужинать» и дотронулась до его руки и он буквально взорвался, и она отлетела к стене — тот же телесный взрыв, что и в предыдущей истории. Мы обращаем внимание, что не было никакого злого умысла, и очевидно, что это событие очень похоже на то, о котором я рассказывал ранее. И в той, и в другой истории психика или тело знали то, чего не знал разум. Когда мать пришла в себя, она сказала: «Для тебя пришло время вернуться к отцу», а мальчик сказал: «Ты права».

Традиционное посвящение рывком безусловно предпочтительно, и отводит в сторону жестокость. Но по всей стране сейчас видишь грубых сыновей, совершающих скверные поступки на кухне и грубо разговаривающих со своими матерями, и я думаю, это попытки кажутся им самим неприятными. Если старики не имеют возможности завершить свою работу по разрыву союза матери-сына, что ещё могут мальчики сделать, чтобы вырваться, кроме как разговаривать грубо. Это почти бессознательно и совершенно неэлегантно во всём.

Начисто порвать с матерью — это решающий шаг, но это не происходит само по себе. Это не означает, что женщины делают какую-то ошибку: я думаю, что проблема больше в том, что старики действительно не выполняют свою работу.

Традиционный путь взросления сына, который теряется в тысячелетиях, заключается в том, что отцы и сыновья живут неразлучно — убийственно неразлучно — в близости, где отец учит сына ремеслу: возможно, фермерству или плотницкому делу, или кузнечному делу, или портняжному делу. Как я уже намекал ранее, любовь, более всего пострадавшая от Промышленной революции, была любовью между отцом и сыном.

Нет смысла в идеализации доиндустриальной культуры, но мы знаем, что сегодня многие отцы работают в двадцати или тридцати километрах от дома, и к тому времени, когда они возвращаются домой их дети часто уже в кровати, да и сами они слишком устали, чтобы быть активными отцами.

Промышленная революция, нуждающаяся в офисных и фабричных работниках тащит отцов прочь от их сыновей, и кроме того, принуждает детей к обязательному обучению в школах, где учителями являются в основном женщины. Д.Г. Лоренс описал на что это было похоже в своём эссе «Мужчины должны работать, и женщины также». Его род в угледобывающих областях Британии почувствовал всю силу этих изменений, когда новые отношения сосредоточились на одной идее: тяжёлый физический труд — это плохо.

Лоренс вспоминает, как его отец, никогда не слышавший об этой теории, ежедневно работал на рудниках, наслаждаясь чувством товарищества с другими мужчинами, приходил домой в хорошем расположении духа, и принимал ванну на кухне. Но в это время новые школьные учителя прибыли из Лондона, чтобы научить Лоренса и его одноклассников тому, что тяжёлый физический труд — это низко и недостойно, и что мужчины и женщины должны стараться двигаться выше, к более «духовному» уровню, высокоорганизованной умственной работе. Дети его поколения логически вывели, что их отцы делали что-то неправильно всё это время, что мужская физическая работа — это ошибка, и что их чувствительные матери, предпочитавшие белые занавески и возвышенную жизнь, были правы и правы всегда.

В подростковом возрасте, описанным им в романе «Сыновья и любовники», он искренне верил своим новым учителям. Он хотел «более высокой» жизни и встал на сторону своей матери. И так было до тех пор, пока за два года до его смерти в Италии, уже больной туберкулёзом, он не начал описывать жизнь итальянских рабочих. В этот момент он почувствовал глубокую страстную тоску по своему отцу. Он осознал, что высокодуховность его матери была ошибочной для него, и побуждала его отделиться от своего отца и от своего собственного тела на этом бесплодном пути.

Эта идея отчётлива, полностью понятна, и распространяется как заразная болезнь: «Физическая работа — это плохо». Многие люди, как и Лоренс принимают эту идею, а в следующем поколении яма между отцами и сыновьями становится глубже. Мужчина, работающий за письменным столом в офисе, сам становится отцом, но у него нет дела, которым он мог бы поделиться со своим сыном, он не может объяснить сыну, что он делает. Отец Лоренса был способен взять своего сына с собой, в шахту; как и мой отец, бывший фермером, брал меня к себе на трактор и показывал всё вокруг. Я знал, что он делал весь день в любой месяц года.

Когда офисная работа и «информационная революция» начинают преобладать, связь отца и сына распадается. Если отец живёт дома по паре часов в день, по вечерам, то женские ценности становятся единственными ценностями в доме.

Теперь можно сказать, что отец теряет своего сына через пять минут после его рождения.

Когда мы идём в современный дом, часто вперёд выходит уверенная мать. Отец — это невнятное существо где-то позади неё. У меня есть стихотворение, которое называется «В поисках отца».

Мой друг, нам тело предлагает нас даром провезти, как море брёвна носит на себе. И день за днём стенает с величайшей скорбью; на брызги разлетаясь, разбрасывая крабов мелких, по бокам струясь.

Но кто-то в дверь стучит. У нас нет времени одеться. Он хочет, чтобы с ним пошли мы, сквозь дождь и ветер, к дому в темноте.

Пойдём туда, нам тело говорит, и там найдём отца, с которым незнакомы были, кто вышел в

снежный шторм в ту ночь, когда мы родились, кто память потерял, с тоской живя по своему ребёнку, которого он видел лишь однажды... он был сапожником в то время, в Австралии был пастухом, был в ресторане поваром, кто красит ночь.

Когда ты лампу включишь, ты его увидишь. Сидит он перед дверью. Так брови тяжелы, так светел лоб. Он одинок всем телом, и он ждёт тебя.

Часть 5: Отдалившийся отец

Немецкий психолог Александр Митчерлих пишет об этом кризисе отца-сына в своей книге «Общество без отца». Суть его идеи в том, что если сын не имеет возможности видеть, чем его отец занимается в течение дня двенадцать месяцев в году, в его душе возникает дыра, и дыра заполняется демонами, которые говорят ему, что работа его отца — это зло, и что его отец — это зло.

Страх сыновей, что отсутствующий отец — это зло, способствовал студенческим волнениям шестидесятых. Мятежные студенты Колумбийского Университета взяли президентский кабинет, увидев в его действиях доказательство связи с ЦРУ. Университет, похож на отца тем, что выглядит высокомерно и отстранёно, но где-то в его глубине, вы чувствуете что-то демоническое. Это ощущение возникает внутри, потому что подсознательные ощущения сыновей вступают в конфликт с их сознательными проявлениями. Этот внутренний конфликт возникает не потому что отец злой, а потому что отец отдалён.

Молодёжь пошла на проблемы с захватом президентского кабинета, чтобы преодолеть этот конфликт. Вся страна была в похожем процессе, порой находя письма из ЦРУ, но это не удовлетворило глубокой тоски — нужды сыновнего тела в близости с телом отца. «Где мой отец. Почему он не любит меня? Что происходит?»

Кинокартина «Марафонец» сосредоточена на молодом американце, подозревавшем более старших мужчин. Главный герой, которого играет Дастин Хоффман, потерял своего отца, доведённого левыми до самоубийства в эру МакКарти. Заговор ставит юношу в опасное противостояние с доктором, создавшим концентрационный лагерь, которому Хоффман должен дать отпор и победить прежде чем он сможет найти мир со своим умершим отцом.

Когда демоны так подозрительны, как может сын, став старше, создать сколько-нибудь крепкую связь со взрослой мужской энергией, особенно энергией взрослого мужчины в позиции власти или лидерства. Как музыкант он будет разбивать вручную сделанные стариками гитары, а как учитель — подозревать более старых писателей, «вскрывать их противоречия». Как гражданин он охотнее будет участвовать в лечении, чем в политике. Он будет чувствовать себя чище, когда он не во власти. Он уедет в северную Калифорнию и будет выращивать марихуану или ездить на мотоцикле с коляской по штату Ман.

В настоящее время все уверены, что каждый человек во власти является или скоро станет коррупционером и тираном. Тем не менее греки понимали и восхваляли позитивную мужскую энергию, принявшую на себя власть. Они звали её энергией Зевса, включавшей в себя интеллект, крепкое здоровье, сердобольную решимость, добрую волю и щедрое лидерство. Энергия Зевса — это мужская власть, принятая ради общества.

Индейцы Северной Америки верят в здоровую мужскую власть. У Сенека вождь — мужчина, но выбранный женщинами — принимает власть ради племени. Он не владеет практически ничем. Все великие культуры кроме нашей сохраняли и жили с образом этой позитивной мужской энергии.

В Соединённых Штатах энергия Зевса планомерно уничтожается десятилетие за десятилетием. Поп-культура изначально подрывала уважение к этой энергии, начав с «Мегги и Джиггс» и «Блонди и Дагвуд» — комиксов 20-х и 30-х годов, в которых мужчина всегда был слабым и глупым. Оттуда образ слабого взрослого мужчины вошёл в мультфильмы.

Отец в современной телевизионной рекламе никогда не знает, какие лекарства лечат от простуды. А в комедийных ситуациях «Кросби Шоу» несмотря ни на что, мужчины непорядочны, неуклюжи и их легко перехитрить. Это женщины — те, кто обводит их вокруг пальца, и преподаёт им уроки, и те, благодаря кому город существует. Это не совсем то, чего «хотят мужчины». Много молодых голливудских сценаристов, конфликтовавших со своими отцами в Канзасе, мстят им на расстоянии, делая всех взрослых мужчин полными глупцами.

Они атакуют уважение к мужской целостности, которое каждый отец в глубине души хочет передать своим внукам и правнукам. По контрасту, в традиционных культурах, старые мужчины и старые женщины часто первыми говорят на публичных собраниях; юноши молчат и в безмолвном уважении внимают старейшинам. Теперь же мы видим двадцатисемилетних мужчин, занимающихся недружественными поглощениями, покупающих издательские дома, и в течение шести месяцев распродают то, что старики создавали в течение тридцати лет.

Я приложил руку к подрыву энергии Зевса, будучи двадцатилетним и тридцатилетним. В литературном сообществе я нападал на каждого старика в радиусе моей атаки, и наслаждался, глядя, как мои стрелы вонзаются в них — то были стрелы нервного возбуждения, сдерживаемого в моей психике. Я видел много кусков дневной жизни моего отца, его привычный стиль работы и его щедрое отношение к рабочим; но это всё, что я видел, и дыра во мне заполнилась демонами, как и предсказывал Митчерлих. Старики, которых я едва знал, получали мой гнев.

Когда сын действует из страха перед демонами, это делает его плоским, чёрствым, изолированным и сухим. Он не знает, как восстановить свою свежую илистую часть. Через несколько лет я начал чувствовать, что уменьшаюсь, не столько в своей «женственной» части, сколько в мужественной. Я обнаружил, как мне недостаёт контакта с мужчинами — или я должен сказать, с моим отцом?

Я начал думать о нём, не только как об одном из тех, кто недодал мне любви или внимания, или дружеского общения, но как одного из тех, кто сам недополучил этого от своего отца и своей матери, и культуры в целом. Это переосмысление продолжается до сих пор.

Каждый раз, когда я вижу отца, у меня появляются новые сложные чувства: сколько лишений я испытал по его воле, а о скольких он просто не знал и не догадывался?

Юнг сказал нечто тревожное об этой трудности. Он сказал, что когда сын помещает на первое место чувства матери, он учится женской позиции относительно мужественности, и принимает женский взгляд на своего отца и свою мужественность. Он будет видеть своего отца глазами своей матери. Так как между отцом и матерью существует конкуренция за привязанность сына, вы не получите ни полноценного образа отца от вашей матери, ни полноценного образа матери от вашего отца.

Некоторые матери транслируют, что цивилизованность и культура, и чувствительность, и взаимоотношения — это для матерей и дочерей, или для матерей и чувствительных сыновей, тогда как отец поддерживает и воплощает жёсткость, может даже жестокость, бесчувственность, заикленность, рациональность, одержимость деньгами, безжалостность. «Твой отец не может изменить этого». Так сын часто растёт с раненым образом своего отца —

совсем не обязательно созданным действиями отца или его словами, а основанным на взгляде матери на эти действия или слова.

Я знаю, что в моём собственном опыте я первый раз встретился со своими чувствами через мою мать. Она обеспечила мне мой первый опыт различения чувств, спросив: «Тебе грустно?». Но эта встреча с чувствами повлекла за собой неодобрительный взгляд отца, не слишком много говорящего о чувствах.

Нужно время, чтобы сын преодолел эти ранние неодобрительные взгляды отца. Психика цепко держится за эти ранние восприятия. Идеализация матери или одержимость ею, любовь или ненависть к ней, может оставаться с сыном в тридцать, в тридцать пять, в сорок. Где-то около сорока или сорока пяти движение к отцу становится естественным — желание видеть его более ясно, сблизиться с ним. Это происходит необъяснимо, как будто по биологическому расписанию.

Друг рассказал мне, как это было в его жизни. Около тридцати пяти он начал задаваться вопросом, какой его отец на самом деле. Он не видел его около десяти лет. Прилетев в Сиэтл, где жил его отец, он постучал в дверь, и когда его отец открыл дверь, сказал: «Я хочу, чтобы ты понял одну вещь. Я больше не согласен с тем, что мать думала о тебе».

«И что случилось?» — спросил я.

«Мой отец заплакал и сказал: Теперь я могу умереть». Отцы ждут. Что ещё им остаётся?

Я не говорю, что все отцы хороши; матери могут быть правы относительно негативных сторон отца, но также они могут быть склонны к критике проявлений мужественности за то, что они не похожи на женственность, и за их непредсказуемость.

Если сын учится чувствовать преимущественно от матери, впоследствии он,

скорее всего, примет женскую точку зрения и на собственную мужественность. Он может быть очарован ей, но он будет бояться её. Он может сострадать ей и хотеть изменить, или не доверять ей и хотеть уничтожить. Он может восхищаться своей мужественностью, но он никогда не почувствует себя с ней свободно.

В конце концов, мужчине нужно избавиться от всех этих представлений и начать самостоятельно чувствовать, что есть его отец и что есть мужественность. Отличной помощью в решении этой задачи являются старинные истории, потому что они свободны от современных психологических предубеждений, потому что они выдержали проверку поколениями мужчин и женщин, и потому что они дают и тем, и другим, свет в теневой стороне зрелого возраста, восхитительной и опасной. Их модель — это ни модель совершенного мужчины, ни модель чрезмерно духовного мужчины.

В греческих мифах Аполлон выглядит как золотой мужчина, стоящий на чудовищно огромном сгустке энергий тьмы, тревоги, опасности, зовущемся Дионисом. Дикарь в нашей истории включает в себя части обеих энергий, и Аполлона, и Диониса.

Бутанцы делают птичьи маски с собачьими зубами. Это подразумевает хорошую двойную энергию. Мы все знаем, что защитники храма установлены перед восточными воротами храма. Защитник — это мужчина с насупленными бровями и жёстким выражением лица, с поднятой будто в танце ногой и занесённой дубинкой, сделанной из цветка. Индусы часто изображают мужественным Шиву, который одновременно был аскетом и хорошим любовником, сумасшедшим и мужем. Он принимает клыкастую форму Бхайравы и в этом аспекте он очень

далёк от добродетельного образа традиционного Иисуса.

В поведении Христа есть намёк на энергию Бхайравы, когда он приходит в храм и изгоняет менял. Кельтская традиция предлагает мужчинам образ Кухулина — когда он разгорячится, мышцы его голени перемещаются вперёд, а из его головы идёт дым.

Эти мощные энергии внутри мужчин являются Королём, который как и Железный Джон, находится в прудах, мимо которого мы проходили в прошлом. Хорошо, что божественность ассоциируется с Девой Марией и блаженным Христом, но мы можем почувствовать, насколько она могла бы отличаться, если бы также ассоциировалась с безумными танцорами, жестокими клыкастыми мужчинами и начиналась глубоко под водой, покрытая волосами.

Все мы, и мужчины, и женщины чувствуем некоторый страх, приближаясь к этим образам. В течение нескольких десятилетий мы пытались должным образом понять недостатки разрушительного типа личности мачо, и это внимание, как мне кажется, поможет сохранить в уме различия между Дикарём и варваром.

Когда мужчина связывается с Дикарём, он может обрести истинную силу. Он становится способным кричать и говорить, чего ему хочется таким образом, на какой были неспособны Мужчины шестидесятых и семидесятых. Приближение или воплощение чувственного пространства, которого добился Мужчина шестидесятых-семидесятых — это бесконечная ценность и она не будет оставлена. Но как я писал в поэме под названием «Медитация в философии»:

Когда ты кричишь, они не отвечают.

Они поворачивают лица к стене кровати и умирают.

Способность мужчины кричать и быть жестоким не предполагает его доминирования, отношения к людям как к безжизненным объектам, требования земель или империй, погружения в Холодную Войну — всё это модель мачизма.

Женщины в семидесятые требовали развития того, что известно в индийской традиции как проявление энергии Кали: возможностей говорить о том, что хочется, танцев с черепами вокруг своего гнезда и разрыву отношений, когда они того пожелают.

Мужчинам нужно создать параллельную связь с жёсткой энергией Диониса, которую Индусы зовут Кала. Наша история говорит, что первым шагом Короля в поиске Дикаря было погружение на дно пруда. Некоторые мужчины и так способны спуститься в это место сквозь накопленное горе. Однако соединение с энергией Кала позволит получить тот же эффект, что и от встреч женщин с их энергиями. Если мужчины не сделают этого, то не смогут сохранить себя.

Мужчины страдают прямо сейчас — юноши особенно. Сейчас, когда так много мужчин соприкасаются со своим горем, со своей тоской по связи с отцом и наставником, мы в большей степени готовы увидеть Дикаря и ещё раз вернуться к посвящению. Я чувствую здесь много надежды.

В этой точке много вещей могут случиться.

Глава 2: Когда волос становится золотым

Мы можем спросить: «Почему не остановиться здесь?». У нас есть юноша, укравший ключ из-под подушки своей матери. Он ушёл от матери с отцом, он находится в контакте с Дикарём, и через него — с дикостью. Подобно Геку Финну, он начинает «спуск по Миссиссиппи» на плоту с товарищем из другого мира. Но раз наша история описывает посвящение, мы наверняка будем иметь дело с какой-то раной, каким-то переломом, каким-то протыканием кожи, изображающим рану. Всё это части одного и того же.

Мирча Элиаде в своих описаниях опыта посвящения в десятках культур по всему миру, отмечает, что посвящения мальчиков всегда начинается с двух событий: первое — это полный разрыв с родителями, после которого новичок идёт в лес, пустыню или дикую пустошь. Второе — это рана, наносимая мальчику старейшиной — сдирание кусочка кожи, порез ножом, хлестание крапивой, выбивание зуба. Но мы не должны вскакивать, думая, что травмы нанесены садистски. Инициаторы юношей в большинстве культур знают, что причиняемая при травме боль не бессмысленна, а несёт в себе глубинное значение. Практика посвящения аборигенов Австралии — это хороший пример. Старейшины уводят мальчиков из поселения и рассказывают им истории о первом человеке, Дарвелле. Мальчики сосредоточенно слушают эти истории о прародителе, их Адаме. Оказывается, что Дарвелла сидит вон в том дереве.

Пока мальчики пытаются увидеть Дарвалла в дереве, старейшина проходит вдоль их линии и выбивает каждому мальчику по зубу. Затем старейшина напоминает мальчикам, что нечто подобное случилось с Дарвеллой. Большинство из нас откажется от зуба, чтобы иметь живую связь с Адамом.

Подростковый период — это традиционное время для начала инициации, и мы все помним как много травм мы получили в то время. Половое созревание — это рискованное время для мальчиков, и эти рискованные действия также очень желательны в посвящении.

Количество травм, получаемых типичным мужчиной поражает. Однажды в Сан-Франциско я ясно увидел это, когда несколько сотен мужчин собрались в большой комнате. Один из учителей Дуг ван Косс, раздал две или три тысячи полосок красной ткани и попросил каждого мужчину закрепить или повязать полоску ткани вокруг той части тела, которая была когда-либо травмирована — резанные раны, сломанные кости, ножевые ранения, шрамы.

Многие мужчины использовали десять и более полосок. У некоторых мужчин ярко-красной была вся правая сторона тела, с головы до лодыжки, у других красным была покрыта вся голова, у кого-то обе руки или обе ноги. Когда упражнение было закончено, комната была морем красного.

Что-то в подростковой мужественности хочет риска, стремится к опасности, крайности — даже к смерти.

Каждый из нас знает, что означает раненный палец мальчика из нашей истории. Мы получили эти раны в попытках выпустить «Дикаря» из клетки. Не старейшины нанесли нам эти раны. Мы сделали это сами. Шрам от раны или болезненная татуировка — сделали их старейшины или мы сделали это самостоятельно — останется навсегда, как пропавший зуб, который каждый из нас чувствовал своим языком. Раненный палец в нашей истории становится раной, полученной каждым юношей в нашей культуре. Давайте вернёмся к истории:

Часть 1: История: Первый день у пруда

Когда Дикарь возвращается в свой тёмный лес, он снимает мальчика с плеч, ставит на землю и говорит: «Ты никогда не увидишь своего отца и свою мать, но я позволю тебе жить со мной. Ты освободил меня и я хорошо отношусь к тебе. Если ты будешь слушаться меня, всё будет хорошо. У меня больше золота и сокровищ, чем у кого-либо на целом свете».

Затем Дикарь приготовил мальчику постель из мха, чтобы он поспал, а утром отвёл его к источник. «Ты видишь этот источник? Он чист как кристалл и полон света. Я хочу чтобы ты сидел рядом с ним и следил, чтобы в него ничего не попало, потому что если это произойдёт, ему это повредит. Я буду приходить каждый вечер и смотреть, как ты выполняешь моё поручение».

Мальчик сел на краю родника. Иногда видя промелькнувшую золотую рыбу или золотую змею, он тщательно следил за тем, чтобы ничего не упало в родник. Но пока он там сидел, его раненный палец так разболелся, что он случайно окунул его в воду. Он тут же вытащил его, но увидел, что палец стал золотым. И сколько он его не оттирал, это ничем не помогло.

Железный Джон вернулся вечером и спросил: «Сегодня что-нибудь случилось с родником?». Мальчик, прятая свой палец за спиной, чтобы Железный Джон его не увидел, ответил: «Нет, ничего не происходило».

«Ох, ты окунул палец в родник» — сказал Дикарь. «Мы можем позволить этому случиться единожды, но не повторяй этого снова».

В своё время мы обсудим то, как золото связано с кончиком пальца, но сейчас мы остановимся, чтобы немного побыть с раной. Рана болит так сильно, что мальчик невольно погружает её в пруд. Это основное, о чём говорит история.

Если мы хотим жить в этой истории, а не просто наблюдать со стороны, мы должны спросить себя: «Какая рана причиняет нам такую боль, что мы хотим погрузить её в воду?». Посвящение важно для юношей тем, что помогает им запомнить рану, и здесь мы имеем в виду душевные раны или эмоциональные травмы. Иногда внешние шрамы существуют, чтобы напомнить нам о внутренних шрамах.

Давайте перечислим некоторые внутренние шрамы, как мы перечисляли некоторые внешние шрамы выше. Неприятие благословения своего отца — это шрам. Роберт Мур сказал: «Если вы юноша и вами не восхищался старик, вы травмированы». Как много мужчин говорят мне: «Я сидел два дня возле моего умирающего отца и ждал, когда он скажет мне, что он любит меня». «И что случилось?». «Он ничего не сказал».

Не видя своего, своего отца в маленьком возрасте, не бывая с ним, потому что он отдалён, потому что он алкоголик, потому что он трудоголик, вы получаете травму. Иметь критикующего, судящего отца — то же самое, что быть сыном Крона, поедавшего своих детей. Какие-то удары в большинстве случаев приходят от отца, так или иначе.

Майкл Мид обосновывает это африканской историей, в которой отец-охотник берёт своего сына на охоту. Убив мелкую крысу, он просит сына нести её. «Сын, думая, что это ничтожная добыча, выбрасывает её в кусты», — рассказывает история.

Они больше не находят добычи в течение дня, и в сумерках отец просит мальчика передать ему крысу, чтобы они могли приготовить и съесть её. Мальчик говорит отцу: «Я выбросил её в

кусты». Затем, говорит история «отец взял топор и ударил своего сына так, что тот потерял сознание; а отец ушёл, оставив мальчика лежать там, где он был».

Мужчины, слышащие эту историю, в удивительных подробностях знают детали ощущений от удара топором. Одни говорят, что топор ударил в левую часть головы. Другие говорят, что удар был нанесён в область груди. «В плечо». «По моему затылку». «Прямо в череп». «В живот». «В пах», и так далее, и так далее. Едва ли не каждый мужчина помнит этот удар. Это событие является частью отцовско-сыновьего материала: отец наносит удар, а сын принимает его. И эта рана остаётся с мальчиком на долгие годы.

А что на счёт ударов от матери? «Ты слишком хрупкий; ты не должен играть с этими ребятами». «Как ты мог убить такую красивую маленькую птичку?». Если ты не перестанешь, я отдам тебя в приёмную семью! Посмотрим, как тебе это понравится!». «Ты слишком большой для своих штанов». «Теперь ты похож на своего отца». Отец наносит яркие незабываемые удары топором, которые могут убить; многие матери дают сыну надёжное крещение стыдом. Они продолжают поливать его стыдом, чтобы чувствовать себя уверенно.

Один мужчина сказал: «У моей матери была трёхногая ярость — непреодолимое желание пнуть всё, что имеет три опоры».

Иногда такое пристыживание наносит рану, которая не заживает очень долго. Греки во время Троянской войны оставили Филоктета на одном из островов, потому что его рана отвратительно пахла. Потом они вернулись и нашли его, потому что оракул предсказал, что его возвращение — это единственный способ победить в войне. Раненный мужчина знает что-то или является чем-то.

Избиения, пощёчины, словесная критика — травмируют. Эти удары уничтожают чувство собственного достоинства, разрывают ощущение собственной важности, оскверняют энтузиазм, отправляют и опустошают доверие, оставляют на душе синяки, раскалывают и унижают красоту тела, делают всё это источником загрязнения. Они наносят ущерб и вред.

Жизнь лгала, чтобы старики ломали ноги. Когда юноши приехали во Вьетнам, они обнаружили, что им лгали — они получили гораздо более глубокие раны.

В мужском мире нет стариков с раной в груди. Начальник полиции Детройта заметил, что у юношей, которых он арестовывал, не только не было дома ответственных пожилых людей, они никогда не общались с ними наедине. Когда вы смотрите на банду, вы увидите, как замечал Майкл Мид, что рядом с ними нет ни одного пожилого мужчины. Члены банды отчаянно учатся мужеству, семейной верности и дисциплине друг у друга. Это не очень-то работает, но у большинства нет и этого.

Если судить по мужской жизни в Новой Гвинее, Кении, Северной Африке, на территориях пигмеев и на землях зулусов, в арабской и персидской культуре, благоухающей суфийскими общинами, мужчины жили вместе в сердечном союзе и душевной связи сотни тысяч лет.

Ложь современного бизнеса позволяет существовать только конкурентным отношениям и их главным эмоциям: тревоге, напряжённости, одиночеству, соперничеству и страхе. Что делать мужчинам после работы? Собраться в баре для ведения лёгких разговоров под лёгкое пиво, прерывающихся, когда молодая женщина проходит мимо или кто-то касается края ковбойской шляпы. Отсутствие душевной связи с другими мужчинами может быть самой страшной раной из всех.

Эти раны живут в нас независимо от того, гордимся мы нашими родителями или нет, хорошие

мы или плохие. Большинство из них мы можем описать как ранения нашего величия. Когда мы ещё очень маленькие, то чувствуем, что мы Боги. Наша королевская жизнь в утробе матери ясно указывает, что это именно так, и если кто-то, когда мы выходим наружу, пытается сказать, что это не так, мы не слушаем его. Мы можем назвать это раннее ощущение собственной Божественности — Инфантильным Величием, и мы должны отличать его от величия, или Истинного Величия, которая также является частью нас. Во всяком случае в юношеском возрасте мы сохраняем достаточно Инфантильного Величия, позволяющей нам решать, достаточно ли крыса большая, чтобы её сохранить. Затем, когда отец наносит нам удар топором и бросает нашего Короля валяться без сознания, мы находим наше положение — ранеными, лёжа на земле — отличающимся от привычных нам фантазий о положении принца.

Все раны представляют угрозу нашему положению принца. Удары стыда — «Да кем ты себя возомнил? Ты просто ещё один чванливый парень, как и все остальные» — это удары в живот наших принцев. И с нами всегда что-то не так. Один мальчик считает себя слишком тощим, или слишком низким, или слишком жилистым; другой заикается или хромает. Один слишком застенчив, другой «не атлетичен» или не умеет танцевать, или имеет плохой цвет лица. У кого-то большие уши или родимое пятно, или «немота», или он не может ударить по мячу, или что-то ещё. Обычно мы решаем проблему, раздувая другие свои качества. Небольшое «вступление на престол» делает нас выше всего этого.

Возможно немного завышенной самооценки или величия полезно в качестве защиты, когда мы совсем маленькие. Алиса Миллер замечает, что когда происходит совращение малолетних, когда родители творят такие жестокости, что ребёнок не может уместить это в своём разуме, он уходит по дороге величия или по дороге депрессии. Если мы выбираем дорогу величия, мы поднимаемся выше ран и стыда. Возможно, мы получаем хорошие оценки, становимся единственными в семье оптимистами и заводилами — своего рода докторами для своих собственных страданий, заботящимися о других. При этом что-то изумительное и прекрасное покидает нас. Мы можем быть радостными и энергичными, но не очень человечными.

Если мы идём по дороге депрессии, наша жизнь находится внутри раны и стыда. Мы гораздо ближе к ране, чем на пути величия, но мы не намного более человечны. Жертва — это тоже величие личности. Жертва принимает корону жертвенности, становится принцем или принцессой на другом пути. Иногда мужчины без отцов выбирают эту дорогу.

Каждый из нас находится и на том, и на другом пути, просто по одному мы идём по воскресеньям и праздникам, а по другому — в будние дни. Некоторые выбирают третий путь: это путь паралича, поведение робота, серьёзное последовательное онемение — поля в центре, не волнующая, без эмоциональных подъёмов и спадов, автоматическая жизнь.

Древняя практика посвящения затрагивает все эти ответы, так как она даёт новую рану, или множественную рану, достаточно острую и яркую — хотя и незначительную — чтобы юноша вспомнил свои внутренние раны. Затем посвящение говорит юноше, что делать с раной, новой или старой.

Старейшина начинает рассказывать мальчикам истории как только они входят в мужской мир. Пока у нас нет историй, мы не знаем, как уменьшить боль от раны. Мы либо поднимаемся над ней так высоко, что не можем до неё снизить, либо сами становимся раной — настолько, что видим под собой лишь дно.

Приняв, что раненный палец мальчика символизирует разнообразные раны нашего детства, давайте вернёмся к истории и посмотрим, как произошло это ранение. Мы пытались выпустить

«Дикаря» — представляющего собой наши собственные блеск, величие, дикость, отвагу и спонтанность — из клетки, и в процессе этого получили ранение.

В семье мы можем подняться над своим стыдом за алкоголика-отца, добавив топливо скрытности в свою ракету величия, и выдернуть себя прочь из семьи, сидя верхом на этой взлетающей вертикально вверх ракете. Или мы можем утонуть в своём детском стыде, существуя лишь в нём, и ни в чём другом, живя в своей тайной недостойности — потеряв своего короля, стать рабом. Есть своё удовольствие в том чтобы быть рабом: ведь тогда мы можем уйти в зависимость, никогда не отвечать за свою собственную жизнь, и продолжать унижать себя дополнительно, снова и снова.

Штат зависимости — самый быстрорастущий штат в Соединённых Штатах, обгоняющий рост Калифорнии и Гавайев. Этим способом борьбы с раной от топора мы говорим: «Я — тот ребёнок». Как нам известно из книги Филиппа Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» примерно до XIX века не было одежды, разработанной специально для детей. Во время и после Средневековья ребёнок говорил «Я — маленький взрослый», и он или она носили одежду, аналогичную одежде взрослых. Эта практика имела недостатки, но разворот в другую сторону стал катастрофичным. Когда люди идентифицируют себя со своим раненым ребёнком или остаются детьми, вся культура трещит по швам. Подростковые беременности учат нас, что дети не могут быть матерями своих детей или отцами своих детей. Люди ведут жизни, разрушающие жизни их ближайших родственников и соседей. Все оказываются в неотложке.

Восстановление каких-либо форм посвящения необходимо нашей культуре. Соединённые Штаты несомненно перенесли упадок в 50-е годы, и я уверен, что если мы не найдём третий путь помимо указанных двух, этот упадок будет продолжаться. Сейчас у нас есть дорога величия с дилерами-спекулянтами, крупными игроками и владельцами частных самолётов на ней, и дорога депрессии с хроническими алкоголиками, матерями-одиночками за чертой бедности, наркозависимостью и безотцовщиной.

Введение себя в возбуждение и восторг не даёт нам ключа. Ключ остаётся скрытым.

Слишком ранний восторг — или обобщённо возбуждение — может быть, как замечал Джеймс Хиллман, просто ещё одним способом предохранения Великой Материю мужчины от развития в любой области. Когда ключ остаётся под подушкой матери, мы рано или поздно заканчиваем в исправительном центре. Консультанты и терапевты будут делать всё возможное, чтобы освободить нас, но обычно мы просто засовываем ключ под их подушку, когда они отворачиваются.

Предположим, у нас получилось украсть ключ из-под подушки матери, и мы получили рану на пальце, но что дальше? Означает ли это, что мы ушли с Дикарём? Скорее всего, нет. Мы можем потратить десять лет на ощущение своего раненого пальца, осуждая за это родителей или старшего в семье. Мы можем судиться с Дикарём за то, что замок был ржавым, а со своей матерью — за то, что она должна была лучше охранять ключ. История Дикаря резко обрывается, если кто-то решает, что он Дикарь (путь величия), или что он беспомощный ребёнок (путь депрессии).

Люди, искренне, от всего сердца преданные инфантильной грандиозности — это бизнесмены Уолл-Стрита, арфисты новой эры — зачем им идти с Дикарём? Они уже воображают себя Дикарями — они, бесконечно далёкие от дикости, способные всю ночь играть на компьютере, или четыре дня подряд думать об экологии.

Множество Американских или Западных мужчин в последние десятилетия пропустили мимо себя некоторые тонкости ключа.

Если мужчина воображает, что он Дикарь или беспомощный ребёнок, о выборе наставника не может быть и речи. Каждый из нас может спросить себя: знаем ли мы кого-то или слышали мы о ком-то, кто обладает истинным величием? Если да, мы должны оставаться с ним или с ней.

Мы должны понять, что Дикарь не «внутри нас». Истории показывают, что на самом деле Дикарь — это существо, которое в течение столетий может жить и процветать за пределами человеческой психики. На человеческом плане его можно уподобить наставнику, который продолжает жить и расти вне зависимости, принял он нас в качестве ученика или нет.

Древняя практика посвящения — всё ещё живущая в нашей генетической структуре — предлагает третий путь, проходящий между двумя «естественными» путями возбуждения маньяка и тревоги жертвы. В картине мира появляется наставник или «Мужчина-мать». Позади него стоит существо обезличенной мощи, которое в нашей истории символизируется Дикарём, или Железным Джоном. Юноша изучает или проживает свою рану — нанесённую отцом, матерью или стыдом — в присутствии этого свободного, вечного, священного существа.

Если юноша украл ключ и поднялся на плечи этого существа, три вещи изменятся: рана, считавшаяся несчастьем, станет рассматриваться как подарок. Второе, священная тайная вода — чтобы это ни было — появится в его жизни. И наконец, в теле мужчины так или иначе осуществится энергия солнца. Мы повторим эту часть истории.

Когда Дикарь возвращается в свой тёмный лес, он снимает мальчика с плеч, ставит на землю и говорит: «Ты никогда не увидишь своего отца и свою мать, но я позволю тебе жить со мной. Ты освободил меня и я хорошо отношусь к тебе. Если ты будешь слушаться меня, всё будет хорошо. У меня больше золота и сокровищ, чем у кого-либо на целом свете».

Затем Дикарь приготовил мальчику постель из мха, чтобы он поспал, а утром отвёл его к источник. «Ты видишь этот источник? Он чист как кристалл и полон света. Я хочу чтобы ты сидел рядом с ним и следил, чтобы в него ничего не попало, потому что если это произойдёт, ему это повредит. Я буду приходить каждый вечер и смотреть, как ты выполняешь моё поручение».

Мальчик сел на краю родника. Иногда видя промелькнувшую золотую рыбу или золотую змею, он тщательно следил за тем, чтобы ничего не упало в родник. Но пока он там сидел, его раненный палец так разболелся, что он случайно окунул его в воду. Он тут же вытащил его, но увидел, что палец стал золотым. И сколько он его не оттирал, это ничем не помогло.

Железный Джон вернулся вечером и спросил: «Сегодня что-нибудь случилось с родником?». Мальчик, прятая свой палец за спиной, чтобы Железный Джон его не увидел, ответил: «Нет, ничего не происходило».

«Ох, ты окунул палец в родник» — сказал Дикарь. «Мы можем позволить этому случиться единожды, но не повторяй этого снова».

Дикарь берёт мальчика к Священному Источнику, к водоёму. Замечу, что в этом водоёме плавают золотые рыбы и золотые змеи. Мифологически древний священный источник, охраняемый Дикарём, а иногда Дикаркой — это колодец. Если этот источник когда-нибудь загрязнится, то по утверждению старых кельтских знахарей, всё на Земле погибнет. Таким образом, водоём — это важное место. Это традиционное место Дикаря, чтобы пребывать там в раздумьях, из Vita Merlini мы знаем, что Мерлин размышлял там во время своего безумия. Ещё

он был местом, куда обычные люди приходили за вдохновением, духовной пищей и мудростью. В течение веков путешественники получали поддержку у святого колодца в Логресе. А в Колодце Коннлы каждый год всплывал великий святой лосось в ожидании вызывающих безумие орехов, которые падали со свисающих в колодец ветвей деревьев.

Психологически, этот водоём — сердцевина жизни, но только для тех, кто готов в него войти. Мирча Элиаде так описывает мужское посвящение: «подростковое посвящение — это прежде всего божественное откровение... до посвящения они [мальчики] лишь частично являются людьми в социальном смысле этого слова, потому что у них нет доступа к религиозной жизни».

Религия здесь не означает учение или благочестие, или безупречность, или «вероисповедание», или «верование», или мою жизнь, отданную Богу. Религия здесь означает готовность быть рыбой в священном водоёме; быть пойманным Дионисом или каким-либо другим рыбаком, склонить голову и принять намёки от собственной мечты; проживать тайную жизнь, молиться в шкафу, быть кротким; питаться скорбью, как рыба водой, и жить. Религия здесь означает быть и рыбаком, и рыбой, не быть раной, но завладеть раной. Быть рыбой — это быть активным, и не с машинами или футбольными мячами, а со своей душой.

Те, кто работал с семьями алкоголиков, за последние десять лет много узнали об отрицании, и это хорошие знания. Отрицание становится амнезией, забыванием, забвением. Океан забвения уносит ребёнка, когда он стыдится. Женщина подвергается сексуальному насилию в четыре года и полностью забывает об этом до тридцати восьми — и нет никакого стыда за то, что было. Отрицание означает, что мы были очарованы; в течение многих лет мы жили в трансе.

В «Вороне» (братьев Гримм) молодая девочка превратилась в ворону, когда её мать обругала её поведение, и оставалась ей в течение многих лет; в «Шести лебедях» шестеро мальчиков становятся лебедями, когда отец из трусости открывает дом злу, и мальчики остаются очарованными в течение многих лет. У меня есть поэма, которая называется «Пятьдесят мужчин сидящих вместе» о юноше, входящем в транс:

Женщина стоит на кухне, она не хочет зажигать лампу, потому что ждёт пьяного мужа, когда он вернётся домой. Затем в тишине она подаёт ему еду.

Что делает сын? Он уходит прочь, теряя мужество,
на улицу — питаться дикостью
жить среди притонов
и хижин, есть расстояние и молчание;
он отращивает длинные крылья, входит в спираль, восходит вверх.

Когда наставник приводит к воде, это означает конец зачарованности. Вода Дикаря сама по себе не излечивает раны, не помогает выйти из отрицания или величия; но она даёт крепость той части нас, которая хочет продолжать продолжать усилия для получения мужества и стать мужчиной.

Когда Железный Джон берёт мальчика к воде, энергия солнца как-то переносится в тело юноши. История рассказывает это таким образом:

Совершенно случайно он окунул его в воду — и тут же отдёргнул, но увидел, что его палец уже стал золотым.

Золото во всём мире символизирует сияние солнца, королевскую власть, внутреннее

великолепие, свободу от гниения, бессмертие, душевный свет, и именно таким золотом стал палец мальчика. Организовав этот сюрприз с золотым кончиком пальца, Дикарь, который выполняет здесь роль наставника, даёт обещание.

Обещание — это открытие; мы даже могли бы сказать, это открытие того, что золото всегда было внутри нас. Мы не напрягались, не зарабатывали его тяжёлым трудом в школе, не аккумулировали запасы солнечной энергии в духовном хранилище. Золото было в нас уже тогда, когда мы были в утробе матери.

Ребёнок рождается, как сказал Вордсвот, «наследуя облака торжества». Ребёнок — это правопреемник тысячелетий духовного и творческого труда. Кабир говорил:

Мы чувствуем какую-то часть духа, что любит птиц и зверей, и насекомых —

Возможно, ту самую, что дала вам воссиять в утробе вашей матери. Логично ли будет вам остаться сиротой сейчас? Правда в том, что вы отвернулись от себя. И решили пойти в темноту один.

Из известного папируса, описывающего мумификацию, мы знаем, что египетские священники наносили золото на ногти умерших мужчин и женщин. Сделав это, они говорили: «Теперь золото, принадлежащее Гору, переходит на твои ногти и делает тебя бессмертным».

Получается, что образ золотого кончика пальца в нашей истории — очень старый, и проделал весь этот путь из второго или третьего тысячелетия до нашей эры. Но вместо египетских храмов с их статуями богов, сделанными из чистого золота, у нас золотые рыбы и золотые змеи, плавающие в источнике.

Из греко-римской жизни мы можем взять ещё одну деталь, которая помогает нам понять смысл золота, которое не смывается. Римляне верили, что каждый человек содержит внутри себя ангела или «даймона», проходящего сквозь линию рода и являвшегося семенем личной удачи в этом человеке. Они называли это семя или искру, или личную удачу, «гений», если замечали его в мужчине, и «юнона» — если в женщине.

Римляне представляли даймона проводником, наполовину человеческим, наполовину божественным, посланником из мира святых, своего рода ангелом-хранителем, или, как говорил норвежский поэт Рольф Якобсен, «белой тенью». Заметим, что золото появляется на том же пальце, который осмелился открыть клетку Дикаря, так что судьба мальчика тесно связана с применением ключа.

Так обстоит дело с мифологическим взглядом на вещи. А что означает золото на пальце в психологическом смысле? Как это проявляется в обычной жизни?

История говорит, что когда мы находимся в присутствии наставника или Дикаря, намёк придёт к нам оттуда, где лежит наш гений.

Иногда в любовных делах, любовники могут заниматься любовью с Дикарём — и Дикаркой — прямо в комнате; и если мы и есть те любовники, мы можем почувствовать как некоторые части превращаются в золото, хотя мы думали, что они были из свинца. Любовники и святые чувствуют, что их кончики пальцев золотые — всё верно; они могут чувствовать внутри себя свободу от обычных ограничений целыми днями и месяцами.

Художник чувствует глубокий интерес, когда он или она работает над художественным проектом, поэмой или рисунком, или скульптурой; и тогда мы можем говорить, что священный

источник находится прямо в студии; а художник становится способным на мысли и чувства более дикие, чем он или она были способны в обычные дни. Пальцы, держащие ручку или кисть, становятся золотыми, и мы вдруг видим удивительные образы, и осознаём, что мы действительно хороши.

Дикарь здесь являет собой невидимое присутствие, общение с предками и великими ушедшими художниками. Любовное стихотворение или поэма восторженного созерцания — это действительно гениальный способ сохранить в памяти тот момент, когда кончик пальца становится золотым.

Молодая бегунья пересекает финишную черту в присутствии своего тренера: кончики её пальцев золотые. Физик, работающий со своим наставником в Принстоне, вдруг пишет на доске уравнение своим золотым мелком. Хорошие садовники обладают золотыми, а не зелёными пальцами; и иногда ментор или учитель, сидя со студентом, скользит в воде души и его язык превращается в золото.

Я думаю, мы можем относиться к терапии, когда она хороша, как к ожиданию у источника. Каждый раз, когда мы омываем наши раны в его водах, мы получаем питание и силы идти дальше в этом процессе. Посвящение, таким образом, не означает вознесения над раной или погружения в неё; это знание того, как или когда, в присутствии наставника погрузиться в воду.

Рану, которая причиняет нам такую боль, что мы «невольно» погружаем её в воду, мы должны рассматривать как подарок. Как ещё мальчик из нашей истории выпустил наружу своего гения, не будь этой раны. Те, у кого нет раны — самые невезучие из всех. (Конечно, если хоть один такой человек найдётся.) Мужчин снова и снова учат, что рана, причиняющая боль, постыдна. Рана, которая мешает тебе продолжать игру — девчачья рана. Тот, кто является настоящим мужчиной, продолжает идти, волоча свои кишки за собой.

Наша история учит диаметрально противоположному. Она говорит, что там, где рана мужчины, там и его гений. Где бы ни была рана, нанесённая нашей душе, кто бы не нанёс её: алкоголик отец, стыдящая нас мать, стыдящий отец, оскорбляющая мать, связана ли она с изоляцией, инвалидностью или болезнью — это то место, которое станет нашим главным подарком обществу.

Норвежский художник Эдвард Мунк сделал гигантский подарок своей картиной «Крик». Мы чувствуем такое же дарование во Франце Кафке, в Чарльзе Диккенсе, в Эмили Дикинсон, в Анне Ахматовой, в Сесаре Вальехо.

Прежде чем мы закончим обсуждение раны и гения, мы должны задать себе вопрос: какого пола может быть вода? Она маскулинная или феминная?

И то, и другое — но в наше время мы вряд ли сразу ответим таким образом. Странная вещь произошла. В нашем обществе, земля и вся вода в ней считается феминной, и соответственно, принадлежит женщинам. На востоке небо принадлежит мужчинам, а земля — женщинам; есть «небесный отец» и «мать-земля». В этих фразах нет ничего ошибочного, но забыты две другие фразы: небесная мать и отец земли.

Египтяне при посещении их Платоном заметили, что греки ещё дети, и египтяне имели гораздо более древний мифологический и религиозный фундамент. Они хорошо знали Ра, небесного отца, и Изиду, мать-землю. Но видное место в каждый момент их жизни занимали два других бога: Нут и Геб. Нут, небесная мать, изображалась на внутренней стороне гроба или

саркофага, так чтобы умерший, глядя вверх, мог видеть существо, наклоняющееся к нему со звёзд. Звёзды просвечивали сквозь её тело и окружали её тело. Кончики её рук и ног касались земли, а остальное тело отдыхало в небесах. «Я вышел из матери обнажённым, и я буду обнажённым, когда вернусь» — говорили умирающие мужчины и женщины: «Мать дала и мать забрала обратно. Благословенно имя матери».

И был Геб, отец земли. Либби и Артур Колман в своей книге «Отец» восстановили изящные рисунки Геба, лежащего спиной на земле; его живот и эрегированный фаллос цвета земли, тянулся к женщине в небо или достигал звёзд. Греки, а вслед за ними и европейцы сумели сохранить память только о двух богах из четырёх. Когда мы помним только двух богов, полы становятся полярными, и кажется, что они противоположны друг другу. Каждый пол тогда отождествляется — мужчины с небом, женщины с землёй. Мужчины отождествляются с небом-огнём, женщины с землёй-водой.

Многие сегодняшние женщины смотрели «Земля — это женщина». Мужчины говорят мне, что когда они слышат это, они чувствуют, будто потеряли право быть. И когда мужчины говорят: «Бог — это мужчина», женщины говорят, что они чувствуют, будто не имеют права молиться. Мифология важна. Полярность, пришедшая к нам из фрагментарной греческой мифологии уже принесла огромный вред.

Сегодня, когда мужчина или женщина видит сон об озере, терапевт интерпретирует воду как связь с феминностью. Для тех, кто знает латынь, «mare» (море) ассоциируется с Марией, таким образом, море становится женским, а так как море — это бессознательное, то бессознательное становится женским и т.д.

История Железного Джона — это история до-греческая, в ней земля и небо не полярны. Железный Джон живёт в воде, под водой. Он также всем сердцем живёт на земле; его дикость и волосатость принадлежит земле и животным, живущим на ней. Ни земля, ни вода не кажутся здесь женскими или мужскими.

У древних кельтов был бог-мужчина, которого звали Домму или «Глубоководный», и вполне вероятно, этот бог обитал в источнике, к которому Дикарь только что привёл мальчика. В некоторых кельтских сказаниях источник охраняют и Дикарь, и Дикарка, поэтому можно говорить о том, что вода — как вода души — по существу и мужская, и женская.

В символических системах вода содержит не духовный или метафизический порыв (для этого лучше подходит воздух или огонь), а земную естественную жизнь. Вода принадлежит приземлённым обстоятельствам, наземной жизни, рождению из чрева, спуску из вечной обители на заболоченную землю, где мы принимаем, что наше тело состоит в основном из воды. Когда наша мифология открывается снова для приветствия женщин в небесной раю, а мужчин в земле-и-воде, тогда полы перестают быть такими далёкими друг от друга. Тогда белые мужчины чувствуют себя более настоящими, для них становится более естественной защита своей земли, как естественна она была для североамериканских индейских мужчин, всегда чувствовавших себя вправе делать это.

Так как мы заканчиваем наше обсуждение первого дня, мы должны заметить, что не все юноши, опустившие свою руку в воду, увидели свой палец золотым. Аналитик Александр Митчерлих пересказывает сны молодого немецкого юноши, которого он однажды лечил. Этот молодой человек был незаконнорожденным; отец оставил его, а мать удерживала «то балуя, то наказывая». В его сне старик в машине с черепом вместо головы ехал прямо на него. Далее он рассказал: «Я прогуливался длинной дорогой, ведущей в парк, и увидел несколько золотых рыбок в фонтане. На дне фонтана я увидел город и услышал звон колоколов. Я опустил руку в

воду — и тут же отдернул, страшно испугавшись — я увидел, что у меня пропала кисть. Я убежал прочь и увидел, что старик бежит за мной, наводя на меня пистолет. Я увидел вспышку и потерял сознание («Общество без отца»). — Никакого положительного наставника или Железного Джона. Злой старик дважды пытается убить его. Пруд с золотыми рыбками имеет удивительное сходство с источником в нашей истории, но этот маленький изолированный пруд лишает его руки. Что мы сегодня в уличных бандах — так это множество безруких мальчиков.

Часть 2: История: Второй день

Ранним утром следующего дня мальчик снова сел наблюдать за источником. Его палец всё ещё болел и он провёл рукой по волосам. Один волос, увы, выскользнул из его руки и упал в источник. Он сразу же протянул руку и вытащил его, но волос уже стал золотым.

В этот момент Железный Джон вернулся, и он знал, что случилось. «Ты дал волосу упасть в источник. Я позволю этому случиться и в этот раз, но если такое произойдёт в третий раз, это загрязнит источник, и ты не сможешь остаться со мной».

Мы можем сказать, что в этот раз мальчик вынимает что-то своим раненным пальцем, и что это немного отличается от погружения. Можно сказать, что сначала мужчина погружает свою рану в психологическую воду, а затем вынимает её в мифологическом пространстве. Все истории о кузнеце с раной — в том числе Король-рыбак, мужчина с неизлечимой раной — помогают нам увидеть наши собственные раны в обезличенном пространстве. Из историй шаманов мы знаем, что их раны были обезличены, имперсональны. Раны требуют расширения в пространстве, поднятия к идеям наших прародителей — видевших, что рана больше, чем родительский дом; и мы вдруг видим, как наша рана (казалось бы такая личная) входит в великую и безличную историю.

Мифология помогает придать нашим личным травмам большую весомость. Весомости придаёт и чувство травмы в определённой части своего тела, и понимание её как части древней истории. Без этой весомости травма не является в полной мере осознанной, и мужчина живёт неполной жизнью.

В то же время раненный палец ассоциируется с волосом. Волосы, как мы знаем из многих источников, покрывают и Дикаря, и Дикарку. Вопрос волос часто поднимается в этой истории.

Когда мы ищем в культуре ассоциации со словом «волос», мы замечаем по меньшей мере четыре связи. Первая — это сексуальная энергия. Когда римская девушка присоединялась к весталкам, другие женщины ритуально брили ей голову. Монахи в средние века выбривали тонзуру, а ортодоксальные иудейские женщины и сегодня скрывают волосы под париками.

Поскольку животные изобильно волосаты, и поскольку мы видим свою собственную сексуальность как животную — связь неизбежна.

Мужские усы могут играть роль его лобковых волос. Мой друг однажды отрастил усы — ему тогда было около тридцати. Когда он встретился со своей матерью, во время разговора, она смотрела во все углы комнаты, но только не на его лицо. Вне зависимости от темы разговора. Таким образом, волосы иногда могут представлять сексуальную энергию.

Охотники традиционно носили длинные волосы, как и животные, на которых они охотились. Также волосы (мех) могут стоять жизни животному в целом и дикому животному в частности. Многие мальчишки в детстве были очарованы охотой, они делали маленькие луки и стрелы, формируя охотничьи партии и стреляя в зайцев или птиц. Это не всегда заканчивается хорошо.

Мальчик с энтузиазмом приносит домой мёртвого кролика или мёртвую малиновку, но многие женщины и некоторые мужчины считают, что охотничьи инстинкты мальчика — это прискорбно, и он должен выбросить их из головы. Родители Нью Эйдж обычно хотят обойти охотничий возраст мальчика и перейти напрямик к этике. Проблема такого обхода в том, что мальчик мифологически проходит сквозь прошлое мужчины, включающее в себя века и века радостной охоты, которая, как мы можем предположить, также приходилась по вкусу и женщинам тех времён.

В течение всей охотничьей эры эмоциональная жизнь мужчины, и даже его религиозная жизнь резонировала с пустынными пространствами леса и равнины — он узнавал о Боге через охоту на животных, что ясно показывают рисунки в пещерах Дордони. Если стыдящая мать или отец блокируют мальчику проживание этого периода, он никогда не сможет дорасти до современного человека. Даже когда ему будет пятьдесят, он будет возвращаться в Детройт со своим оленем на крыше машины.

Но волосы означают близость не только к животным, на которых мы охотимся или одомашниваем, она означает близость ко всем формам теплокровных животных. У рептилий — хладнокровных — нет шерсти, нет волос; и таким образом волосы символизируют ещё и пылкую, горячую природу млекопитающих: горячий нрав, огненный темперамент, импульсивный характер, спонтанность, взрывные эмоции, львиная ярость, свирепая ревность.

Являются ли люди с волосами симфоническими дирижёрами с развевающейся шевелюрой или корпоративными работниками с модельной стрижкой, людьми с по-настоящему экстравагантными причёсками, фундаменталистами, одобряющими короткую стрижку или даже чисто выбритую голову — количество волос позволяет предположить, как сильно укрощены инстинкты и сдерживается спонтанность.

Некоторые люди не проводят черту между инстинктивной яростью и инстинктивной агрессией. В прошлые десятилетия сепаратистское крыло феминистического движения в обоснованной боязни жестокости много трудилось над искоренением свирепости в мужчинах.

Наконец, волосы предполагают изобилие. Волосатость Энкиду, вавилонского Дикаря или Пана, мужчины-козла, указывает на волосы как символ того, что лежит за пределами всех срединных путей цивилизации. Пан находится снаружи огороженного пространства цивилизации. Когда женские волосы ниспадают вниз, щедро и роскошно, мы будто слышим слова о значении изобилия.

Блейк говорит: «Дорога изобилия ведёт к дворцу мудрости». Он ассоциирует волосы с землёй. «Глаза от огня, ноздри от воздуха, рот от воды, борода от земли».

Когда мальчик в нашей истории проводит по волосам и нечаянно роняет волос в источник, и тот становится золотым, мы можем сказать, что мальчик узнаёт несколько вещей: что сексуальная энергия — это хорошо; что охотничий инстинкт, которым располагают млекопитающие — это хорошо; что животное тепло, животная ярость и животная спонтанность — это хорошо; и что изобилие, экстравагантность и выход вместе с Паном за границы замка — это тоже хорошо.

Волосы также означают размышления. Волосы растут из головы и днём, и ночью, этим волосы сходны с мыслями, выходящими из головы даже когда мы спим. Даже когда сознание выключается на ночь, мысли по-прежнему выходят из головы: некоторые из них зовутся снами.

Мы знаем, что гормональная и пищеварительная система работают ниже уровня сознательного

контроля эго. «Можешь ли ты с помощью мысли увеличить свой рост на несколько сантиметров?». Рост, обогащение кислородом, очищение крови, замена клеток — всё это происходит, когда никто не наблюдает.

Как много происходит,
когда никто не наблюдает
возможно, потому,
что никто не наблюдает
Пираты пристают к берегу,
когда приходит ночь;
танцовщица совершенствуется
лишь исполняя танец
и никак иначе...
... Планеты кружат, и коровы
ждут, когда травинки
попадут в их рты
— Р.Б.

Волосы, таким образом, означают все те озарения, что появляются из ниоткуда, следуя путями, которые мы не видим; учёного вдруг озаряет решение проблемы, которую он или она обдумывал неделями. Фридрих Кекуле, например, увидел во сне конструкцию из змей, и одна из змей в этой конструкции держала в пасти свой собственный хвост. Через этот образ он вдруг увидел структуру бензольного кольца.

К художнику, работающему над картиной, приходят образы, которые он или она никогда не подумали бы поместить на картину. Некоторые медиумы получают знания о незнакомых людях в виде мысленных образов — особенно если они расслаблены и не прилагают к этому усилий. Йейтс сказал воодушевляющие слова:

Определённо где-то здесь есть форель
И, может быть, её поймаю я
Но только если я не буду этого хотеть.

Волосы — это интуиция. Волосы — это изобилие ощущений, озарений, мыслей, обид, образов, фантазий, ждущих и готовых выйти всякий раз, когда мы думаем о чём-то совершенно ином. Однажды Мэрион Вудман рассказывала о сне своей клиентки, которая в течение нескольких месяцев до этого работала над большим внутренним сопротивлением. Женщине снилось, что она целыми днями и неделями продирается сквозь заросший и болотистый лес, и когда выход уже близок, она видит перед собой бурную широкую реку.

Шокированная и обескураженная она поднимает глаза на лесную гору на другой стороне реки. И высоко на вершине горы видит того, кто создал путь, по которому она вышла к этой реке.

Если человек по-настоящему берётся за действие, его душа берётся за действие. Когда волосы попадают в воду, душа добавляет в них золото. То, что подобно душе — очевидно. Это вода источника, с золотыми змеями и рыбами в ней, — она и есть сама душа, не делающая ничего, пока вы ничего не делаете; но если вы зажигаете огонь, она рубит дрова; а если вы делаете лодку, она становится океаном.

Возможно, ночной сон — это ответ на какие-то словесные образы или телесные воспоминания, вышедшие из нас днём. Вода понимает дыхание или поцелуй как движение к ней, и она отвечает — изображением или повествованием, или даже полноценной грёзой, столь же проработанной, как и Гамлет. Райнер Мария Рильке говорит:

Мои глаза тронули золотистый холм,
двигаться дальше, вперёд по дороге я начал.
Так мы хватались за то, что не можем схватить;
с внутренним светом, видным издалика —
изменяющим нас, даже если мы не достигли его,
делающим нас иными, чем, вряд ли чувствуя это, мы уже являемся;
волны показывают нам знаки, отвечая волнам внутри нас...
но то, что мы чувствуем — это ветер на наших лицах.

Но щедрый отклик полученный от священного источника зависит от серьёзного решительного усилия, сделанного мужчиной или женщиной. В нашей истории, где мальчик ворует ключ из-под подушки своей матери, его решением является выпустить Дикаря из клетки и идти с ним, и договориться с ним сидеть у источника, и пытаться выполнить задания Дикаря.

Мы можем сказать, что мальчик узнаёт разницу между светским пространством и ритуальным пространством. Ритуальное пространство даёт что-то взамен мужчине или женщине, подготовленным дисциплиной и тишиной ко входу в него.

Часть 3: История: Третий день

На третий день, когда мальчик сидел у источника, он был недвижим, и как бы его палец не ныл — он не двигался. Время текло еле-еле, и постепенно мальчик начал вглядываться в своё отражение в воде. Он испытывал сильное желание увидеть себя в своих собственных глазах и поэтому наклонялся всё ниже, ниже... И тут его длинные волосы — все вместе, разом — упали ему на глаза и погрузились в источник. Мгновенно он откинул голову назад, но все его волосы, каждая мельчайшая волосинка уже превратились в чистое золото и сверкали будто само солнце. Вот теперь мальчик испугался! Он достал платок и повязал свою голову так, чтобы Дикарь не увидел, что произошло. Но когда Железный Джон вернулся домой, он сразу всё понял. «Сними платок с головы», — сказал он. И когда золотые волосы рассыпались по плечам, мальчику ничего не оставалось, кроме как промолчать.

Руки мальчика теперь остаются за спиной. Теперь это не тянущиеся к чему-то руки, а глаза. Глаза осматривают всё вокруг, их любопытство, возможно, усиливают намёки на то, что золото повсюду, мистически присутствуя даже в чистой воде. Мальчик сосредотачивается на своём лице, затем на своих глазах. Мы знаем, что стыд часто удерживает нас от взгляда в глаза других людей — или в свои собственные. Но когда мы смотрим в свои собственные глаза — в зеркале или в отражении пруда — мы неизбежно впечатляемся, так мощно и удивительно, будто кто-то оглядывает нас.

Рильке сказал о своём лице в зеркале:

В арке бровей ещё немного стойкости осталось
От долгомучимых и большебровых предков
В глубинах глаз пугливость детская хранится

Немного синевы ещё, и унижения чуть-чуть, но не рабочей,
а униженности слуг — мужчин и женщин...
Лицо несёт до сих пор лишь предложение единства.
И никогда оно не собиралось в выражение печали
или экстаза, или других эмоций и задач
И всё же, во многом этом беспорядке я ощущаю,
Что кто-то где-то там планировал серьёзную работу.
— «Автопортрет от 1906»
Переведено Р.Б.

Этот опыт оглядывания себя сразу же отрезвляет нас. Если, как у человеческих существ, у нас есть какие-либо сомнения в существовании внутри нас души, мы мгновенно отказываемся от этих сомнений. Когда мы смотрим в зеркало, кто-то вопросительно смотрит на нас, серьёзно, внимательно, и безо всякого дискомфорта; и мы чувствуем больше глубины в глядящих на нас глазах, чем обычно чувствуем в своих собственных глазах, когда смотрим ими на окружающий нас мир. Как странно! Кто смотрит на нас? Мы заключаем, что это другая часть нас, другая половина, которой мы не позволяем выходить из наших глаз, глядя на других — и что эта более тёмная и более серьёзная половина проявляется в нас лишь в исключительных ситуациях.

Антонио Мачадо сказал:

Смотри на свою вторую половину,
что находится рядом с тобой
и является тем, кем не являешься ты.
Переведено Р.Б.

Человек, пристально смотрящий в зеркало, вмещает в отражение сознание своей другой половины, свою тень — вытесненного себя; осознание этого вытесненного себя — характерная цель всех посвящений. Опыт учит такого человека, что глаза, которые он видит, не просто «его», а немного другого человека — не очень хорошо подходящего под имя, данное ему родителями, Эдвард или Лэнси, или Кэрри. Эти глаза принадлежат несколько другому существу, которое мы никогда не знали. Хуан Рамон Хименес сказал:

Я — это не я.
Я — тот, другой.
Ходящий рядом, но мной не наблюдаемый.
Кого мне временами удаётся посетить.
Забытый мной всё остальное время.
Тот, кто прощает, милый, когда я ненавижу,
Тот, кто хранит молчание, когда я говорю,
Тот, кто гуляет, когда я в помещении,
Тот, кто останется стоять, когда умру.
Переведено Р.Б.

Тот, кого мы видим в зеркале — труден для понимания, и мимолётный взгляд, занимающий в сказке одно мгновение, в жизни может длиться несколько лет.

Тот, оглядывающий, в то же время является человеческой тенью, тёмной стороной, но также и

духовным близнецом, белой тенью. Ролф Якобсен, норвежский поэт, сказал ему:

твоя тень бела — она единственная,
кого ты не сможешь принять,
и кто никогда не забудет тебя.

Гностики много говорили о близнеце, которого они представляли отделявшемся от нас при рождении. Близнец аккумулировал в себе духовное знание, данное нам при рождении. Близнец, когда он или она вновь соединяется с душой, настойчиво требует глубины и серьёзности.

Взрослому, например, может присниться, что кто-то вошёл в его или её квартиру, передвинул вещи, забрал драгоценности — все, или все кроме одной. Один мой знакомый однажды, в медитации, увидел в конце коридора трехметрового человека из света, с копьем. Человек света подошёл и сказал: «Если ты не сделаешь что-нибудь со своей жизнью, я возьму это из тебя». Моему другу было тогда тридцать восемь лет.

Мы говорим о «том другом», кого мы иногда видим в зеркале. В нашей истории нет зеркала; зеркало сделано самой природой, точнее, зеркало — и есть сама природа. Мы можем говорить, что мальчик в нашей истории оглядывал себя глазами природы.

Сказка подразумевает, что мы, как человеческие существа, не являемся единственным источником упорядоченного интеллекта и ощущающего себя сознания. «Глаза в воде» могут иметь отношение к символу сознающей себя природы, интеллекту «оттуда». Мы знаем, что ни сознание, ни «интеллект» не являются верным словом. Человеческие существа изобрели слово «сознание», чтобы описать свою собственную специфическую способность ощущать, но сознание природы — это ни интеллект, ни ощущение, ни осознание, ни информированность. Это что-то среднее между всеми этими словами. Блейк сказал:

Как ты познаешь то, что дано каждой Птице, разрезающей воздух —
Необъятный мир восторга, закрытый от твоих пяти чувств.

Мне нравится эта фраза *«Как ты познаешь то, что дано...»*

Теперь нам нужно сделать ещё один шаг. Предположим, что вместо описания интеллекта природы мы используем абстрактное слово, такое как сознание или даже фразу, такую как необъятный мир восторга. Можем ли мы представить природу личностью?

Некоторые антропологи предполагают, что для ранних охотников так и было.

Культура североамериканских индейцев полна историй, описывающих именно такое представление о природе, как о личности. Человеческое племя и племя буйволов связывались через вожака буйволов или святого белого буйвола, объединяющего в себе буйвола и бога. Когда охотники выполняли свою часть ритуала или задания, племя буйволов принимало участие в процессе охоты.

Мы предполагаем, что охотники американских индейцев видели это существо — частью животное, частью бог, частью человек — своим внутренним взором; и совершенно очевидно, что художники в Дордонских пещерах также видели его.

Женщины видят своим внутренним взором другое существо, которое они называют Великой Матерью, и мы догадываемся, что в течение тысячелетий женщины сжимали её маленькие статуи в своих ладонях, рожая детей.

Мы можем рассматривать возможность того, что мальчик в нашей истории увидел некоторую личностность в окружающей его природе, и что поэтому его голова стала золотой. Мы не знаем. История просто оставляет нас с мальчиком,

глядящим в воду, и мы можем делать с этим всё, что можем.

Это странная картина. Мальчик сидит у источника. Большинство из нас вспоминает греческую мифологию, наиболее известную сцену, где Нарцисс сидит у пруда. Нарцисс уже расстался со своими охотящимися товарищами, когда начинается история. Что уже само по себе интересно. Гера уже зла на него, и направила к нему нимфу Эхо, повторяющую каждое произносимое им слово. Нарцисс удерживаем собственными цепями. Когда он смотрит вниз, то влюбляется в собственное лицо. Мальчик, глядя в источник Железного Джона, руководствуясь или будучи защищён Дикарём, не влюбляется в своё лицо, но видит в глубине своих глаз сознание самой природы. Он вырывается на свободу, можно сказать — из своих собственных цепей, и это важное различие между двумя историями.

Часть 4: Выйдя в мир

Мы можем интерпретировать это следующим образом: когда человек получил намёк о своём близнеце в психике, когда он увидел личностность в природе, её осознанность, её замысел, то волосы этого человека становятся золотыми — он становится обладателем «золотой головы». Заметим, что мальчик в нашей истории кажется слишком молодым, чтобы иметь золотую голову. Мы видим, что он выбирает скрыть волосы под платком, что он чувствует неприличным и неправильным показывать их.

Три дня прошли в ритуальном времени. Эти три дня могут быть пятнадцатью годами в реальном времени. Инициатор дал мальчику задачу, и мальчик все три раза потерпел неудачу. Но все три раза мальчик получал дар. Неудачи выросли из боли, которую он чувствовал, и от чисто человеческой неспособности удерживать внимание. Но дар приходит от воды, с которой он установил какие-то отношения. Мы заключаем, что принятие задачи инициации важнее, чем успех или неудача в её выполнении. Мы предполагаем, что мальчик сделал всё правильно. Железный Джон говорит ему:

Ты больше не можешь оставаться здесь, потому что ты провалил моё задание три раза. Теперь уходи во внешний мир и познай бедность. И всё же я не вижу зла в твоём сердце, и я хочу тебе добра, поэтому я сделаю тебе подарок: всякий раз, как ты окажешься в беде, приходи на край леса и крикни: «Железный Джон! Железный Джон!» Я приду и помогу тебе. Моя мощь велика — больше, чем ты можешь себе представить, и у меня в изобилии и золота, и серебра».

Мы увидели кое-что в том, как Дикарь ведёт себя эти три дня у источника. Когда мы слышим слово «Дикарь», в нашем воображении возникает что-то близкое к монстру или варвару, но теперь ясно, что Дикарь ближе к инструктору медитации, чем к варвару. Частично он походит на раввина, обучающего Каббале, частично на держателя тайной традиции, частично — на бога охоты.

Иногда мы предполагаем, что сегодняшнее посвящение происходит через прохождение официальных или скрытых церемоний, таких как Бар-мицва или получение водительских прав. Но действительная инициация подразумевает движение вбок — в великолепие дубов, гор,

ледников, лошадей и львов, водопадов и красно-коричневого цвета. Туда, где ничто не закрывает человеческое существо от водопада и от тигра, желающего его убить.

История Железного Джона хранит память о церемонии мужского посвящения в Северной Европе десять-двадцать тысяч лет назад. Задача Дикаря — научить юношу тому, как изобильна, изменчива и многогранна его мужественность.

Тело мальчика наследует физические способности, развитые его далёкими предками, его ум наследует духовные и душевные силы, развиваемые веками.

Задача инициатора, будь он мужчиной или женщиной, испытать мальчика или девочку в том, что он или она больше, чем плоть и кровь. Мужчина — не только лишь машина для защиты, охоты и размножения; женщина — не только лишь машина для защиты, уборки и размножения. Каждый из нас несёт в себе гораздо больше, чем нужно для физического выживания. Уильям Джемс восхвалял «количество и причудливость, и излишество характера» желаний человеческих существ.

Метафоры истории Железного Джона — это метафоры всей человеческой жизни, но обращаются они к психике мужчин. Юношу приглашают спуститься вглубь собственных ран, вознестись в реальность своего «двойника» и окольными путями расширить своё сознание до деревьев, воды, животных и «тысячи других вещей». Когда юноша достигает трёх этих сознаний, или выполняет три этих путешествия, его голова становится золотой. Это не решает всех его проблем; напротив приносит новые, и золотая голова — одна из них.

Глава 3: Путь пепла, падения и скорби

Теперь мы подошли к новой части истории, и можем оглянуться на то, как далеко зашёл мальчик к этому моменту. Принц последовал за Дикарём, и это не путь преступлений, наркотической зависимости и самоосуждения. Напротив — он поднялся к тому великому, что в нём есть. Это как будто его учителем в средней школе был Пау Казальс, научивший его, что есть гений, и золотым кончиком пальца убедивший, что в нём есть нечто. Он также научился доверять своему инстинктивному телу или своим «волосам», и, наконец, он видит глазами, глядящими на него из воды, и, соответственно глядящими на него из травы, из деревьев и гор. Он узнаёт, что весь мир в огне. «Всё осознанно!». Его волосы становятся золотыми.

Такое обучение может иметь своеобразные эффекты. Если такая удача случится с одним из нас, то наверное, друзья будут говорить нам, что мы были в очень большой опасности. Тем более такие уроки были возложены на мальчика по-настоящему молодого — что само по себе является проблемой в странствии с Дикарём к священному источнику. Но несмотря на это, большинство из нас, пусть и в фрагментарной форме — один кусочек сейчас, другой позже, разбросанные по месяцам и годам — прошли аналогичное обучение.

Для некоторых уроки о глазах проявились в раннем детстве, когда мы были очарованы лесами и садами, и знали, что они «живые». Уроки золотых волос проявлялись в двенадцать или четырнадцать, когда, подпитываемые сексуальными инстинктами, мы вырастали или падали глубоко в любовь, и знали, что это было хорошо, очень хорошо. Позже, когда пришло совершеннолетие, мы чувствовали в себе такие умственные и физические способности, которые даже не представляли.

Каждый из нас уже догадывался, что мы были сыновьями королей и королев, и как-то по ошибке попали в свою прозаическую и безмолвную семью. Наше величие уже было в нас, даже если не видно дикаря, берущего нас к своему волшебному пруду. Нам знакомо ощущение

величия, и мы хотим чувствовать его всё время.

Чтобы сохранить это ощущение величия, ребёнок может отказаться помнить уродливые факты о своём детстве, может отводить взгляд от беспорядка, брани, своей незащитности, и пропускать мимо себя равнодушие, пристрастия и тёмную сторону своих родителей. Животным, видимо, не приходится слишком беспокоиться из-за напыщенности, но мы — человеческие существа, и маленький кусочек золота — или ощущения гениальности — может отправить нас в такие заоблачные выси, из которых мы не захотим спуститься. Это было у Робинсона Джефферса, который, говоря о научных знаниях и следующей за ними напыщенностью, сказал:

*Малое знание — голыш из гальки на морском берегу,
Капля из океанов; кто мечтал бы об этом бесконечно малом слишком долго?*

Часть 1: Что происходит

Юноши, когда они возносятся, могут стать белыми лебедями, великими мечтателями, «летающими мальчиками», так же как возносящиеся девушки могут стать летающими девочками. И те, и другие занимаются любовью с невидимками на больших высотах. Юнгианские мыслители хорошо замечали и описывали это явление. Фразы *puer aeternus* (святой или вечный мальчик) и *puella aeterna* (святая или вечная девочка) — это термины знакомы многим. Юнгианцы знают вечного мальчика в мельчайших подробностях; классическая книга о нём — «*Puer Aeternus*» Марии-Луизы фон Франц.

В любом случае эти летающие люди головокружительно одухотворены, плохо чувствуют своё тело и открыты страшным потрясениям отверженности; они неспособны принять ограничения и не склонны к определённо скучным качествам, присущим человеческой жизни. Мария-Луиза фон Франц называет Маленького Принца родовой историей. Она была написана Антуаном де Сент-Экзюпери, который был настоящим пилотом-героем, всегда тосковавшим по чистой жизни на других планетах, но чей «Маленький Принц» умер, будучи укушенным змеей.

Питер Пэн принадлежит к известным летунам, как и большинство завсегдаев ашрамов, преданных «высшему сознанию» и отказывающихся от земной пищи, как и платонические любовники или холостяки, или как некоторые Дон Жуаны, которые так ищут в женщине небесное совершенство, что вынуждены оставлять каждую, в которой не нашли недостающую жемчужину.

Грандиозные фантазёры иногда мечтают о росте, как о лифте на внешней стороне здания, но когда они поднимаются на верхний этаж, то часто обнаруживают, что вход в здание отсутствует. Летающий мужчина обычно любит женщин, но он может преуменьшать их, чтобы хранить в бутылке, которую можно положить в карман. Молодые вечные мальчики не подразумевают негатива, они любят душу и воплощают большую часть духовной энергии американской нации. Без них американская культура, возможно, уплотнится и заострится в конкретике. Таким образом, грандиозный фантазёр — это сложная личность.

Грандиозные фантазёры — я имею в виду хороший пример — выходят из самых разных семей, и иногда полёт их фантазии является единственным разумным и жизнеспособным средством. Я давал эти строки ранее:

Что делает сын? Он уходит прочь, теряя мужество,
на улицу — питаться дикостью

жить среди притонов
и хижин, есть расстояние и молчание;
он отрацивает длинные крылья, входит в спираль, восходит вверх

Эта сцена имела место, когда мне было двенадцать или около того. Когда мне было двадцать восемь, я продолжал скучать по чистоте, по тому, чтобы «быть выше всего этого», не вовлекаться.

Мария-Луиза фон Франц так сформулировала свой опыт с небесными летунами или летающими обломками: они выбирают взлёт в качестве бунта против материнской приземлённости и женского консерватизма. Они взлетают вверх, боясь магнитов, которые, как она говорит, некоторые женщины зарывают в землю в надежде приманить легкомысленных мужчин вниз, на землю брака, работы и долговременных обязательств.

Эволюция мальчика в птицеподобное существо является естественной; он поднимает взгляд на свет, когда хочет выбраться — так же, как птица. Птицы в неволе вспархивают к любой трещине в стене, сквозь которую виден свет. Так и вознесённые юноши часто находят себя достигшими духовности, но ценой жизни в целом или нереализованности в маскулинных проявлениях.

Как далеко он от работающего мужчины, когда ему сорок?
От всех мужчин...

Я не говорю, что духовная работа — это ошибка, совсем нет; но важно учитывать, в какой период жизни она имеет место. Мы помним, что Бааль Шем Тов — духовный гений Польши восемнадцатого века — не позволил бы юношам прочесть определённые духовные тексты пока они не достигли тридцатипятилетнего возраста. Некоторые говорят, что задача мужчины в первой половине его жизни — это связь с материей: он должен научиться ремеслу, подружиться с деревом, землёй, ветром или огнём. Когда Юнг основал учебный центр в Цюрихе, он не принимал людей, которые не были успешны в другой профессиональной деятельности. Это тоже было способом обозначить границу тридцатипятилетнего или более позднего возраста.

Мы должны добавить, что не все юноши являются вознесёнными. Некоторые из них очень-очень земные, слишком рано взявшие на себя ответственность, заставившие себя поддерживать других — они идут медленно, склонившись к земле, неся чудовищную тяжесть, не чувствуя себя вправе взглянуть на кусочки солнечного света. В их семейной традиции сыновья грандиозность уничтожается очень рано; иногда в их семьях женщины напыщенны, а мужчины нет — мужчины идут по дороге депрессии. Они не становятся художниками или музыкантами, их жизнь проходит там, где подошвы их обуви касаются земли. Много легенд рассказывает нам о «сапожниках», и заметьте напряжение между ними и храбрыми весёлыми «портными».

Недостаток культуры Средневековой Европы — и это только один её недостаток — заключался в том, что она не давала юношам много возможностей для вознесения; наша культура изобилия, или прав, задаёт очень мало ограничений; и многим студентам богиня нужды почти неизвестна.

Мальчик в нашей истории сейчас находится в моменте вознесения. Таким образом, сейчас он более или менее похож на миллионы людей в Америке и Западной культуре. Мы должны

посмотреть очень внимательно на этих вознесённых людей, этих портных или летунов, если мы собираемся внести хоть какие-то изменения в жизни мужчин и женщин, и мы можем посмотреть на них в свете трёх слов: пассивность, наивность и оцепенение.

Мы все знаем, что женская вознесённость очень сильна и распространена; но я думаю, что женщины могут рассказать о своей природе с гораздо большей точностью, чем я, и я думаю, что писать об этом процессе должна женщина. Поэтому здесь мы ограничим себя мужской вознесённостью.

Мы знаем, что сотни тысяч лет мужчины восхищались друг другом, и восхищались женщинами, в частности их деятельностью. Мужчины и женщины одинаково звали мужчин, когда надо было проникать в опасные места, приносить пригоршни куража к водопадам и выбивать пыль из задов диких кабанов. Все знают, что если мужчины делали это хорошо, то женщины и дети могли спать спокойно. Теперь кабаны превратились в свиней на скотных дворах, а бурные реки в фонтаны во дворе Музея Современного Искусства. Деятельность мужчин, столь любимая ранее, уже не нужна.

Мужчины осмелились войти в царство животных, увлечься ими, драться с ними, бороться с душой животного, они выучили свои танцы, и проникли сквозь завесу, отделяющую нас от них. Некоторые мужчины, зовущиеся шаманами, также вошли в царство духов, боролись с ними, приспособливались к ним — и спасали людей, заболевших из-за вредной деятельности этих духов. Мужчины были любимы за их удивительные инициативы: они пересекали широкие океаны, строили ферму в горной стране на пустом месте, придумывали новый бизнес — и делали это умело, начиная с истоков, делая то, чего никогда до них не было. Юноши викингов иногда тренировались прыгая по концам вёсел в то время, как гребцы продолжали грести.

Женщины до недавнего времени не получали похвалу за свою деятельность. В течение столетий их заставляли жить в вынужденной пассивности, требуемой от них монахами, докторами, философами, моралистами, теологами и судьями. Сейчас женщины выходят вовне, в деятельность, в активность, так же как мужчины переходят на другую сторону — в пассивность. (Пассивность «мягких мужчин» первой главы часто становится большим сюрпризом для женщин.)

В течение прошедших тридцати лет мужчины просили научить их, как двигаться в потоке, как следовать, а не как вести за собой, как жить в неирархическом мире, как быть чувствительным, как принимать единодушные решения. Многие женщины хотят пассивных мужчин, если вообще хотят мужчин; церковь хочет приручённого мужчину — таких зовут священниками; университеты хотят одомашненного мужчину — таких зовут постоянными преподавателями; корпорации хотят командного работника, и так далее. Во времена Блейка корпорации назывались чартерными компаниями, и он говорил:

Я брожу по чартерным улицам,
Вблизи потока чартерной Темзы,
И замечаю на каждом лице
Знаки бессилия и тоски.

Пассивность растёт экспоненциально, и образовательная система является её «продуктом».

Средний американский ребёнок до восемнадцати лет видел четыре тысячи часов рекламных роликов, но пока очень мало телевизоров были разбиты топорами, очень мало президентских дебатов были прерваны «активистами», очень мало повышений военного бюджета было

остановлено массовыми протестами:

Я кручусь в руках отцовских,
Бьюсь в пеленочных полосках,
Но пришла пора смириться,
Грудь сосать и молча злиться.
У. Блейк, перевод Л. Портера

Младенец крутится в отцовских руках, сражаясь с нарциссическим желанием отца связать или убить его; и он снова и снова бьётся в пелёнках, сражаясь с нарциссическим желанием матери изменить его так, как она хочет. Когда мальчику не удаётся стать свободным, он, по словам Блейка, учится обижаться. Как часто каждый взрослый мужчина будучи сбит с толку женской интерпретацией своего поведения — так отличающейся от его собственной — уходит в обиду. В наши двадцать лет мы можем неделю находиться в обиде такого рода — это не кажется нам слишком долгим — и всё это время мы, вероятно, не можем говорить о своей сердечной боли, а можем вообще не разговаривать. В таком эмоциональном состоянии нет возможности визжать, кричать, ныть — это слишком активные действия. Когда мужчина обижается, он становится пассивным в своей боли.

Когда нет стариков, ломающих власть младенческой обиды, привычка пассивности захватывает и другие части его жизни.

Пассивный мужчина, например, может просить женщину влюбить его в себя. Разговоры — это ещё не всё, но это часть любви, так же как покупать подарки, вступать в полемику, хвалить собеседника и сохранять нить интимности неповреждённой. Мэгги Скарф замечает в своей книге «Интимные партнёры», что три четверти или даже больше американских браков следует цикличному сценарию: женщина хочет больше интимности и мужчина спасается от неё бегством; она бежит следом, но не так быстро, чтобы поймать его, а он спасается, но не так быстро, чтобы убежать окончательно. Такая игра может занимать годы.

Пассивный мужчина может не говорить, чего он хочет, и его подруга или жена должна это угадывать. В качестве компенсации домашней пассивности, он может уходить в производительность автомата, пребывая на работе, но ни то, ни другое не является тем, чего ему действительно хочется.

Мы можем пойти дальше. Пассивный мужчина может просить своих детей влюбить его в себя. Дети часто наблюдают за родителями с превеликой остротой. Семейные психотерапевты, вместе с Мюррей Боумен работающие с тревогой в семьях, изучают количество тревоги и её носителей. Они пришли к выводу, что «трудные подростки», которые «действуют вовне», могут фактически трансформировать в себе тревогу между матерью и отцом, таким образом заслуживая их. Дети активны в любви, жертвуя собой.

Пассивный мужчина может пропустить воспитание. Воспитание подразумевает чувства, но также оно подразумевает и разные скучные обязанности: забирать детей из школы, покупать им одежду, посещать их концерты, заставлять их спать, следить за их поведением, настаивать на ответственности, когда они нарушают правила, контролировать с кем они дружат, активно слушать их детские разговоры, и так далее. Пассивный мужчина оставляет своей жене заниматься этим.

Когда я спросил одного шведа о том, на что жалуются шведки в мужчинах, рассказал о жалобах своих подруг на то, что шведы не видят отношения в перспективе. Мужчина знает,

чего он хочет сегодня или завтра, но не знает, какими он хочет видеть отношения через два года, через десять лет. Мы можем назвать это видом пассивности видения.

В конце концов, муж или любовник может не быть активным в жизни женщины.

Но пришла пора смириться,
Грудь сосать и молча злиться.

Женщина не хочет, чтобы мужчина говорил ей, что делать, но и другие силы могут повернуть её прочь от плодотворного действия или акта. Если её муж видит, что это происходит, он скажет ей об этом. Мужчина надеется, что и женщина скажет ему, если увидит, что его решения неосознанны.

Часть 2: Наивность

Мы видим всё больше и больше пассивности в мужчинах, но также мы видим всё больше и больше наивности. Наивный мужчина чувствует гордость, когда его атакуют. Если его жена или подруга неистовствует, кричит, что он «шовинист», «сексист», «мужик», он не только не отворачивается, он берёт это. Он разрывает свою рубашку так, чтобы она смогла более ясно увидеть, куда метать копьё. Он заканчивает скандал с тремя-четырьмя дротиками, воткнутыми в его тело, и кровь хлещет вокруг заливая пол. Если бы он был тореадором, то оставался бы на месте, пока бык бежит на него, даже не отвлекая его рубашкой и не двигаясь, пока рог не втыкался бы в него. После каждого боя друзья несут его на своих плечах в больницу.

Он чувствует, что, поглощая удары, совершает смелый и продвинутый поступок; он наверняка повысит свои способности к пребыванию в изоляции. Женщина, такая таинственная и возвышенная, уделила ему внимание. Быть атакованным кем-то кого ты любишь — что может быть более чудесным? Возможно, раны могут быть платой за какое-то шовинистическое действие, и таким образом помогают мужчине оставаться в его особом безмолвии.

Наивный мужчина будет также гордиться тем, что он может подбирать чужую боль. В частности он подбирает женскую боль. Когда пяти лет от роду он сидел за кухонным столом, его мать могла поделиться с ним своим горем, и он почувствовал гордость от того, что она поделилась с ним таким взрослыми вещами, даже если показался при этом своему отцу слабаком. Позже он может привлекаться женщинами, чтобы «разделить их боль». Его особенность делает его в своих собственных глазах чем-то вроде врача. Часто он находится в большем контакте с болью женщины, чем со своей собственной, и он будет предлагать нести её боль до тех пор пока находится в согласии со своим сердцем, и пока эта задача является добродетельной. В общем, я думаю, каждая гендерная группа перестаёт чувствовать свою собственную боль, когда пытается нести боль другого пола. Я не имею в виду, что мужчина не должен слушать. Но выслушивание женской боли и её поедание — это две разные вещи. Женщины на протяжении веков пытались нести мужские страдания — это плохо работает.

Слово «особый» важно для наивного мужчины, и он имеет особые отношения с некоторыми людьми. Мы все имеет какие-то особые отношения, но наивный мужчина окружает особого человека приторной разновидностью доброй воли. Эти отношения настолько особые, что он никогда не исследует тёмную сторону этого человека, который может быть его сыном, дочерью, женой, бойфрендом или подругой. Он принимает ответы, сбивающие его с дороги, вступает в сговор с кем-то с их тёмной стороны. «Некоторые люди такие особые» — говорит он.

Мы могли бы сказать, что если он не исследует тёмную сторону своего сына или своей дочери, возможно они не исследуют его. Он может также иметь секрет или особые отношения с раненым маленьким мальчиком внутри себя. Если это так, он не будет сомневаться в маленьком мальчике, таким образом не выпуская наружу его жалость к себе, и в действительности не слушая его вообще. Он просто даст мальчику убежать из его жизни.

Искренность для него — это великое дело. Он предполагает, что человек, незнакомец или любовник разговаривает с ним прямодушно, доброжелательно, говоря исключительно от сердца. Он соглашается с Руссо и Уитменом в том, что каждый человек в основном благороден по природе, и только немного испорчен социальными институтами. Он вкладывает много ресурсов в свою собственную искренность. Он верит в неё, как если бы это была лошадь или городская стена. Он верит, что она рано или поздно случится, и когда случится, то защитит его от того, что происходит с менее открытыми людьми. Он может сказать: «Это правда, что я изменил тебе с твоей лучшей подругой, пока ты была в отъезде, и даже после твоего возвращения, но я был откровенен и рассказал тебе об этом. Так с чего бы тебе злиться на меня?»

Наивный мужчина претворяет в жизнь странные самоизолирующие игры. Для примера, когда разгневанная женщина критикует его, он может очень разумно ответить: «Ты права. Я не имел права так поступать». Если её гнев превращает в ярость, он склоняет голову и говорит «Я всегда так поступал». В третьем акте, он может вовлечь своего отца: «Его никогда не было рядом, он никогда не поддерживал меня ни в чём». Она продолжает находиться в ярости и он склоняется всё ниже. Он быстро теряет почву под ногами, и в четвёртом акте может сказать: «Все мужчины — дерьмо». Теперь он в намного большей изоляции, чем был несколько минут назад. Он чувствовал себя отвергнутым женщиной, но теперь он отвергнут и всеми другими мужчинами тоже. Один мой знакомый проигрывал эту пьесу каждый раз во время серьёзной ссоры с женщиной — примерно раз в неделю.

Наивный мужчина теряет то, что для него наиболее важно — потому что у него отсутствуют границы. Это особенно верно для мужчины Нью Эйдж или мужчины, стремящегося к «высшему сознанию». Воры входят и выходят из его дома с большими сумками, а он не замечает их. Он рассказывает о своём «белом свете» на вечеринке; он делится содержанием своего сна с первым встречным. Мифологически, встречая великана, он рассказывает ему обо всех своих планах. Он редко борется за то, что его; он отдаёт свои яйца, а другие люди выращивают птенцов. Мы можем сказать, что не имея границ, он не может создать ни хорошего контейнера для своей души, ни хорошего контейнера для двоих. Утечка где-то в нём. Он может сам сломать свой контейнер увидев привлекательное лицо. Как артист он импровизирует; как поэт — теряет размер и форму. Импровизация не всегда ошибочна, но, как правило, он гордится потерей формы, потому что подозрительно относится к границам. Отсутствие границ, в конечном счёте, разрушает его.

Наивный мужчина, как правило, неуместно относится к экстазу. Его тянет к экстазу в неподходящее время или в неподходящем месте, и он игнорирует все маскулинные источники экстаза. Он хочет получить его через женственность, через Великую Мать, через богиню, несмотря на то, что заземление, работающее для женщин, для него не работает. Он использует экстаз, чтобы отделиться от заземлённости или от дисциплины.

Наивный мужчина погружается в своё настроение, будто в огромную дыру. Заметим, что некоторые женщины в состоянии обойти своё настроение. Если женщина находится в плохом настроении, например, перед вечеринкой, она может обойти его, снять его и избавиться от него, хотя бы на время. Но настроение наивного мужчины кажется устойчивым словно гора. Он не может отделиться от него. Если он чувствует обиду или плохое настроение, он

идентифицируется с ним, и каждый, кто оказался рядом с ним, должен погрузиться в эту дыру. Будучи загипнотизированным своим настроением, он пропадает из жизни своей жены, детей, друзей.

Мужчина-без-границ может также специализироваться на замалчивании.

Если, например, он договорился с другими людьми, как должны быть расставлены стулья перед выступлением, и его назначают расставить эти стулья, он может умолчать, что решил оставить их стоять, как они стояли. Те, с кем он договаривался, часто старше него, тотчас же срываются и кричат. По существу, он обманул их, и заработал и их гнев и всю его тяжесть. А он такой чистый и светлый — удивляется, почему другие люди так часто сердятся на него.

Наивный мужчина часто не знает, что в нём хочет оставаться больным. Внутри каждого мужчины или женщины есть больная субличность и здоровая субличность: и каждому нужно знать, какая из них сейчас говорит. Но осознание больной части себя и её силы находится вне поля восприятия наивного мужчины.

Наивному мужчине часто не хватает того, что Джеймс Хиллман называл «естественной жестокостью». Однажды самка ястреба выталкивает из гнезда своих птенцов; в начале октября мы замечаем лиса, уводящего своих щенков далеко в лес. Но вознесённый мужчина позволяет вещам заходить слишком далеко. В начале отношений несколько резких слов истины могли бы оказаться весьма полезными. Вместо этого он ждёт и ждёт, и затем в конечном счёте получает сильные ранения.

Его хронометраж выключен. Мы замечаем, как часто он пропадает на секунду или около того, после принятия удара, словесного или физического. Он будет идти строго от боли, полученной от удара к чуткому пониманию причин произошедшего, полностью пропуская гнев. Злоупотребляя высказыванием Иисуса, он поворачивается отсутствующей щекой.

В качестве последнего замечания о наивности, мы могли бы сказать, что есть нечто в наивности, что требует предательства. Наивный мужчина всегда будет иметь странную связь с предательством. Не только он легко предаёт других, будучи уверенным в том, что его мотивы всегда хороши, но и женщина, живущая с действительно наивным мужчиной, через какое-то время чувствует себя вынужденной безлично предать его. Когда вокруг слишком много наивности, Вселенная не имеет другого выбора, кроме как выкристаллизовать в ответ немного предательства.

Часть 3: Оцепенение

Духовный мужчина может любить свет и при этом быть полностью оцепеневшим в районе грудной клетки. Трудно описать это прямо, и не совсем понятно, откуда происходит эта оцепенелость. Я расскажу свой личный миф.

Когда мне было два или три года, я пошёл к моему отцу и попросил его защитить меня. Но он был напряжённым человеком, и чувство опасности рядом с ним было ещё сильнее, чем на улице. Затем я пошёл к моей матери и попросил её защитить меня. Она согласилась. И тогда я почувствовал как оцепенение разливается от моей шеи к нижней части живота.

Это миф. Он может не быть правдой. Я не знаю, в каком возрасте оцепенел. Может быть, я генетически ожидал, что мой отец будет защищать меня, и когда этого не произошло... Я оцепенел от шока. Или, возможно, я знал, или думал, будто знал, будто если я приму материнскую защиту, то стану чувствовать как женщина. Но я был мужчиной, и поэтому я

решил не иметь никаких чувств вообще.

Миф позволяет предположить, что материнская защита, вне зависимости от того, как хороши намерения матери, не может заменить отцовскую защиту.

Моя грудная клетка оставалась оцепеневшей почти до конца средней школы. Моя голова была горяча и полна крови, мои гениталии тоже были горячи и полны огня. Область между ними была проблемной.

В средней школе девушка могла спросить: «Ты любишь меня?», и я не мог ответить. Если я задавал ей тот же вопрос, она могла ответить: «Ну, я уважаю тебя, и я восхищаюсь тобой, и я испытываю к тебе симпатию, и я даже увлечена тобой, но я не люблю тебя». Очевидно, когда она обращалась к ощущениям у себя в груди, то видела весь диапазон близости, целое шествие чувств, и она могла легко описать каждое из них в отдельности. Если я обращался к ощущениям в груди, я не видел ничего. И тогда я мог либо молчать, либо притворяться, что что-то чувствую.

Некоторые женщины переживают, когда мужчина не «выражает свои чувства», они думают, что он их сдерживает, или «рассказывая им что-то» на самом деле скрывает их; но более вероятно, что когда такой мужчина обращается к ощущениям у себя в груди, он просто не получает ответа.

Частично то оцепенение уже прошло. Я могу отвечать на вопросы о моих чувствах, и я могу видеть там людей в разноцветных одеждах, гуляющих вокруг, и говорящих каждый о своём. Вполне возможно, что когда мужчина становится старше, некоторые оцепеневшие части его тела естественным образом возвращаются к жизни. Также возможно, что оцепенение уходит, когда мы научаемся выходить к другим людям без защиты наших родителей. Мужчины моего возраста защищают меня — или я так чувствую, и несколько смелых и любящих женщин, и несколько решительных юношей.

Часть 4: История: Принимая работу на кухне

Если золотой мальчик в нашей истории восходит и взлетает после того как покидает источник, то Железный Джон вполне прав, говоря с мальчиком по существу: «Теперь ты очень много знаешь о золоте, но ничего о бедности». В действительности он говорит: «Ты много знаешь о том, как подниматься, но ничего не знаешь о спуске». Вот как рассказывает об этом история:

«Теперь уходи во внешний мир и познай бедность. И всё же я не вижу зла в твоём сердце, и я хочу тебе добра, поэтому я сделаю тебе подарок: всякий раз, как ты окажешься в беде, приди на край леса и крикни: ‘Железный Джон! Железный Джон!’ Я приду и помогу тебе. Моя мощь велика — больше, чем ты можешь себе представить, и у меня в изобилии и золота, и серебра».

Принц покинул лес, и шёл проторенными и непроторенными дорогами куда глаза глядят, пока наконец не добрался до большого города. Там он стал искать работу, но ничего не нашёл, и он не умел ничего того, что помогло бы ему выжить без работы. Наконец, он пришёл ещё в одно место и спросил, смогут ли там его принять.

Это были люди, близкие ко двору, они не знали, чем он может быть им полезен, но он им понравился, и они разрешили ему остаться. В итоге, повар взял его к себе на службу, и сказал, что с завтрашнего дня он может таскать дрова и воду, и ворошить угли.

Падение из существования принца в существования повара — это шаг, о котором рассказывает

история. Таскание дров и воды, работа в подвальных помещениях замка — там, где находится кухня — символизирует провал сквозь пол, падение, унижение, путь вниз-и-вовне. Мы находим эту фразу в заголовке книги Джорджа Оруэлла «Внизу-и-вовне в Париже и Лондоне». Когда Оруэлл решил выйти из наивности, его наследством было лишь воспитание среднего класса, и он тоже получил работу в подвале, и его книга наполнена подземной жизнью кухонных подсобок в больших отелях. Для юношей, окончивших привилегированные колледжи, или снятых с верха расточительной правовой культуры, духовный рост часто начинается с этой подвальной работы на кухне.

Часть 5: Катабасис

Знак падения, сознательного или бессознательного, это заново достигнутое смирение, ассоциирующееся с водой и душой, как высота ассоциируется с духом. «Вода предпочитает низкие места». Смирение особенно заметно происходит для мужчин, изначально благородных, удачливых, величавых.

Путь вниз-и-вовне обычно отделяет юношу от его компании летунов и от их поддержки, и это даёт ему знание о депрессии, возможно жившей в нём незамеченной в течение долгих лет. Начинается среднее время жизни ординарности, тоски, трещин на дороге, весомости и здравого смысла.

Наша история просто говорит, что после блужданий, не имея «ремесла», юноша наконец получил работу на кухне — традиционно находящейся в подвале — замка. История рассказывает, что после всех этих золотых пальцев и волос следующим рано или поздно становится водоворот, засасывающий мужчину сквозь пол, Спуск, который греки называли катабасисом.

В этом Спуске есть что-то большее, чем просто немного адреналина. Наше Я не хочет его, и даже если мы спускаемся, Я не хочет этого замечать. Звуки слова «катабасис», шершавые и грубые, хорошо описывают это путешествие.

Я говорю о том, что следующий шаг в инициации мужчины — это нахождение крысиной норы. Крысиная нора — это «тёмный путь», то, к чему не готовят в Вильямсе или в Хаверфорде, это путешествие для простонародья — как представляет себе успешный мужчина на вершине, это путь вниз-и-вовне.

Когда случается катабасис, мужчина уже не чувствует себя особенным. Он таковым и не является. Сегодня он в колледже, накормлен и удобно размещён — часто на чужие деньги — он защищён кирпичными стенами, которые выложили давно умершие мужчины; а завтра он уже бездомный, бредёт по улицам и выискивает какой-нибудь способ получить еду и кровать. Люди сразу же узнают, что вы в падении или уже упали: швейцары поворачиваются к вам спиной, официанты глумятся над вами, никто не придержит для вас дверь вагона метро.

Ваш внутренний душевный склад изменяется и старый стыд всплывает на поверхность. Один ходит с опущенной головой, чувствуя неотвратимость происходящего. Самопроизвольные изменения внутренней маскулинности. Другой всё ещё грандиозный и наивный, юный внутри, с сияющим лицом — ждёт, надеется, щеголяет, ведёт себя как принц. Когда начинается Падение, место принца занимает старик. Беря на себя его удивлённую беспомощность, асоциальность, нервозность, одинокую заброшенность.

Вспомним Эдипа в его катабасисе: сегодня высокомерный требовательный король, а уже завтра — слепец, ведомый другими. В эти дни катабасис проходит сквозь зависимость —

алкоголь, кокаин, крэк. Мужчина теряет здоровье и заканчивает с истощёнными ногами, выдохшейся энергией, лишённый жены и детей, лишённый друзей, дома и денег. Он теряет работу, самоуважение, «и всякий след своего создателя и в мастерстве, и в жизни».

Для мужчины, глубоко вовлечённого в свою работу, катасис может проявиться без какой бы то ни было зависимости или ослабления здоровья. Такой мужчина хорошо действует в своём бизнесе, живёт сладкой жизнью с домом и семьёй, наслаждается выходными на озере Тахо, и однажды в воскресенье обнаруживает себя на газоне с заряженным ружьём, вот-вот готовым нажать на курок. Он живёт, но теряет «каждый клочок своего создателя и в мастерстве, и в жизни».

Вспомним, что братья Иосифа скинули его в гравийный карьер — арабская версия гласит, что это был сухой колодец. Через несколько дней они продают его в руки работоторговцев, которые в свою очередь перепродают его ещё ниже — в Египет, где происходит его третье Падение — в темницу, после отказа жене коменданта.

Как будто сама жизнь почему-то «увольняет» его. Есть много способов стать «уволненным»: серьёзная авария, потеря работы, разрыв старой дружбы, развод, нервное расстройство, болезнь.

Говорят, что всякий раз, когда друг с энтузиазмом сообщал Юнгу: «Меня только что повысили», он отвечал: «Мне очень жаль слышать это: но если мы будем держаться вместе, я думаю, мы справимся». Если друг приезжал в депрессии и стыде, говоря: «Меня только что уволили», Юнг отвечал: «Давай откроем бутылку вина; это прекрасная новость, что-то хорошее произойдёт теперь».

Юноша из «Чёртов чумазный братец» (рассказ братьев Гримм) блуждая в лесу, встречает тёмного человека только после того, как его уволили из армии. Он соглашается на работу у варочного котла в месте под землёй, объединяя в этом образе кухню и Падение. Можно сказать, что состояние «увольнения» — это доброе и святое состояние, готовящее к Падению. Можно сказать, что Железный Джон уволил мальчика после его трёх дней у источника.

Мы знаем, что мужчины XIX века характерно не замечали женских страданий. Книга Безумные на чердаке Сандры Гилберт и Сюзаны Губар описывает, какими сильными были эти страдания. В этом веке мужчины добавили другого рода невнимательность: они характерным образом перестали замечать свои собственные страдания.

Мужская рана, полученная им от отца или от жизни, или от контакта с Дикарём, впервые появилась в нашей истории, когда мальчик прищемил палец. Через эту травму его способ взаимодействия с миром был разрушен.

Некоторые родители руководят нашим ранением с помощью равнодушия или холодности, порки, словесных оскорблений, сексуального насилия, глядя на нас как ничтожества, или обеспечивая базовый стыд. Как мы уже упоминали в прошлой главе, сын погруживший рану в терапевтический или ритуальный источник может сделать личную рану осознанной, почувствовать её несправедливость, её масштабность, её губительное влияние на свою спонтанность и удовольствие, её связь с открытой или скрытой яростью.

Работа на кухне означает интенсификацию погружения. Падение даёт выход — из средней респектабельной жизни — через рану. Рана теперь рассматривается как дверь. Если его отец бросил его, теперь он действительно становится брошенным; теперь он не имеет ни дома, ни матери, ни женщины. Если стыд ранил его через сексуальное насилие, физические наказания

или принятие стыдящихся родителей, теперь он живёт постоянно пристыженным — он связан с постоянно стыдящимися мужчинами и женщинами, он ставит себя ниже и вне их общества и испытывает стыд по пятьдесят раз на дню.

Если мать ранила его своим собственничеством, заставляя чувствовать себя слишком маленьким, теперь он действительно становится беспомощным, не имея ни статуса, ни «контактов». Он укрепляется в идее того, что он маленький.

Если какие-то действия родителей или культурное давление отделили его «голову» от «тела», сделав его застрявшим в позиции наблюдателя, теперь, в катабасисе, он действительно застревает. Перуанский поэт Сесар Вальехо, который тратил себя в Париже на протяжении десяти лет, очень внизу-и-вовне, ловит это настроение особенно остро:

Он паук, исполинских размеров паук;
он не ходит уже, его серое тело —
голова и брюшко — цепенеет от мук.
Я к нему пригляделся поближе. С каким
напряжением фаланг он вытягивал лапы,
столько лап — и никак.
И представил я два его глаза невидимых,
этих штурманов двух роковых паука.
Как дрожал он, застряв на каменной грани,
страшной дрожью, заметной едва:
с одной стороны — огромное брюхо, с другой — голова.
Столько лап у него, у бедняги, и всё-таки
он не может решиться; и вдруг
я почувствовал, боже, в какой он опасности,
и так ранил меня побродяга-паук!
Видно, брюхо мешает ему последовать
за его головою; и подумал я вдруг
о глазах его и многочисленных лапах,
и так ранил меня побродяга-паук.
Перевод Марка Саваева

Метод Вальехо можно назвать «героическим переходом сквозь рану». Он не

переходит сквозь свой героизм, как герой, или через свою непобедимость, как воин — он переходит через свою рану. Вальехо говорит об этом в другой своей поэме:

Итак, в день, когда я был рождён,
Бог был болен.

Путь вниз и вовне не обязательно требует бедности, бездомности, физических лишений, посудомоечной работы, но обязательным кажется падение из прежнего статуса, из человеческого существования в паучье, из среднего класса в изгой. Акцент делается на осознании падения.

В разводе, когда эмоциональная безопасность мужчины начинает распадаться, он может либо пятиться назад через дверь, выглядящую как в смешных фильмах, либо попытаться овладеть

истинной тьмой за дверью, находящейся перед ним. Развод сам по себе может произойти из-за конкретной детской травмы, или из-за этой травмы произошла женитьба, но в любом случае разрыв отношений или их ухудшение — возрождает рану.

Развод ощущается большинством мужчин как разрядка, как увольнение с урочной работы, взятой на себя в день свадьбы. И агония разделения с суррогатной материнской фигурой, и чувство неполноценности из-за требования больших денег, и отсутствие сердечности и радости в новой квартире или доме, и чувство неприятия и изоляции, которым общество отодвигает некоторых от своего одобрения и поддержки, и неуверенность в себе, вызванная изменениями — всё это складывается в новый вид одиночества. Если мужчина перестаёт ободрять себя и рассматривает весь этот дискомфорт как хитрое выражение травмы изоляции, полученной им в раннем детстве, тогда он может использовать развод — и любой другой серьёзный жизненный крах — как имитацию прохождения через дверь, принятие катасиса, погружение в травму, и через всё это выход из старой жизни.

Часто момент катасиса не лишён своеобразного чёрного юмора. Знакомый мне духовный учитель оказался на развилке, когда ехал домой ночью с лекции о просвещении. Путь налево вёл к мотелю, где были его друзья, и где, как он знал, были ликёр и женщины, а дорога направо вела к аскетичному медитативному центру, которым он управлял. Он никак не мог решить, куда повернуть, и машина въехала прямо в стену из жёлтого кирпича, на которой большими буквами была нарисовано объявление МАГАЗИН ПРИКОЛОВ. Результат не был смешным. Он вышел из больницы частично парализованным с одной стороны, и остался таким на всю жизнь.

Я вспоминаю эти истории с чувством благоговения. Энергии, требующиеся для катасиса, безмерно мощны. Это настроение описывается замечанием Христа: «Не выйдешь оттуда, пока не отдашь и последней полушки».

Катасис несёт в себе концепцию полного бедствия, возможно происходящего в жизни мужчины впервые. Другой мужчина, живущий в духовной дисциплине, летун, но труженик, всегда готовый помочь обществу,

увидел, что в кювете горит трава. Он остановил машину и спустился, чтобы помочь её тушить, а затем осознал как что-то большое нависло над его левым плечом. Секундой позже автомобиль спустился вниз и прижал его к земле. Он также оказался в больнице со сломанными рёбрами и тазом, лёжа на спине. До этого момента лодка жизни была на плаву. Большинство из нас, как замечает Тумас Транстрёмер перекладывает вес из одного кармана в другой, чтобы сохранить баланс в лодке. И вдруг лодка переворачивается. Когда происходит падение в воду, он вспоминает людей, которые пошли ко дну на «Титанике», в темноте, в холодной воде, рядом с большой горой изо льда. Антонио Мачадо сказал:

Четыре вещи на свете
Для моря годятся мало:
Якорь, штурвал и весла,
И страх налететь на скалы.
Перевод Б. Дубина

Лютеранский священник нашего маленького городка в Миннесоте всегда сохранял баланс своей лодки, даже в ревнивых изменчивых водах своей паствы. Он действует решительно; и использует свой фирменный подход в отношениях с шестнадцатилетним сыном, который хочет

покататься на семейном автомобиле, даже после того, как отец ему отказал. Мальчик угоняет машину. Отец, не найдя его, звонит в полицию. Полиция определяет местонахождение автомобиля, преследует его, и останавливает. Тогда мальчик тянет с заднего сиденья винтовку калибра .22 и убивает патрульных. Теперь лодка перевернулась для них обоих.

Чувствуется, что какая-то сила в психике организует серьёзный катасис, если мужчина не имеет достаточного знания, чтобы пойти вниз самостоятельно. Депрессия — это небольшой катасис, и не совсем то, что нам нужно. Депрессия обычно удивляет нас — и своим началом, и своим окончанием. В депрессии мы отказываемся спускаться, и тогда появляется рука и тянет нас вниз. В горе мы сами выбираем идти вниз.

С инициаторами, ушедшими из нашей культуры, мы перестали получать инструкции, как спуститься «вниз» самостоятельно. Мы могли бы использовать фразу спуска в горе для сознательного акта падения, но иногда кажется, что в Соединённых Штатах и большей части западного мира мужчина может чувствовать горе только на похоронах.

Некоторые турецкие суфии начинали свою ночную работу повторяя слово, напоминающее им о горе, проживание которого они не закончили в прошлом году. Эмоции не вокруг греха, вины или стыда, но вокруг того, что не закончено. Сама душа просит, чтобы мы пошли вниз. Дейвид Лоренс сказал:

Я не механизм, собранный из различных секций.
И не из-за ошибок в работе механизма я болею.
Я болен душевными ранами, болен глубоко эмоционально —
и раны в душе занимают долгое-долгое время, только время может помочь,
и терпение, и убеждённое тяжёлое покаяние,
длительное тяжёлое покаяние, исполнение жизненной ошибки, и освобождение
себя
от бесконечного повторения этой ошибки,
которую человечество в целом решило освятить.

«Длительное тяжёлое покаяние» — это одно из названий падения, хотя я предпочитаю вертикаль катасиса и изображение двери. Выпивка — это дверь, открывающаяся для некоторых. Вместо того, чтобы повторять: «Я могу справиться с этим» и «Я никогда не выйду из-под контроля», такой мужчина говорит: «Я алкоголик — это очевидно». Двенадцать Шагов Анонимных Алкоголиков принимают его.

Ранее в этой главе мы говорили о некоторых характеристиках наивного мужчины, среди них соглашение не смотреть на тёмную сторону, предположение, что все говорят от сердца, неуместное отношение к экстазу, неспособность замечать, что какая-то его часть хочет оставаться больной, и так далее. Я думаю, что в каждой точке, где мы имеем одну из таких наивностей, мы в конечном счёте найдём катасис для связи с ним.

Видеть тёмную сторону близких — это тренировка падения. Я спрашиваю своего друга о нашем общем друге; он отвечает «Я доверяю ему по большей части». Это правильно — «по большей части».

Так называемые люди улицы рано учатся идее частичного доверия. И каждый смотрит на себя таким же образом, доверяя себе лишь частично. Как говорится, в браке мужчина и женщина сдерживают «внутренних демонов» друг друга. Каждый держит на поводке «внутреннего демона» другого. Это замечательная фраза.

Наивный мужчина, летящий прямо к солнцу, не может увидеть собственную тень. Она далеко позади. В катасисе тень догоняет.

Ну, в день когда я родился
Бог был болен...
Они все знают, что я живой
что я жую свою еду... и они не знают
почему суровые ветра свистят в моих поэмах,
узкое неудобство гроба,
ветры распутали задачу сфинкса,
кто держит в пустыне рутинный допрос...
В день,
когда я родился, Бог был болен,
серьёзно.
Сесар Вальехо

На пути вниз человек получает небольшую инструкцию о тёмной стороне Бога.

Наивный мужчина может получить небольшую инструкцию о тёмной стороне Великой Матери. Раньше или позже, но тёмная сторона Великой Матери выкристаллизуется из вселенной. Тёмная Возлюбленная появляется, и кабаньи клыки тянутся вниз от её губ. Возможно, она появится в обычной жизни как разъярённая женщина, женщина, изумлённая противоречием или изменой.

Мужчина проживает гневную женщину; но что-то в злобе разгневанной женщины знакомит его, возможно впервые в жизни, со Свиристующей, с Тёмной Стороной Луны, с Чудовищем, живущим на обратной стороне луны, имеющим крылья летучей мыши и убивающем птиц. Проживание Злоумышляющей — это компенсация за прежнюю жизнь «над землёй», существование с рыбами, птицами, и изящными вещами.

Когда мы предали зубастую сторону, вселенная показывает всю пасть: чёрные собаки бегут за каретой, безжалостный повар убивает дочь и хоронит её в саду; обманутый жених отрубает голову магической лошади, а принцесса отправляется пасти свиней.

Тёмная сторона Великой Матери в Индии зовётся Кали, цветы вокруг её шеи могут измениться на черепа и обратно в доли секунды. Только Шива, одна из форм Дикаря, может встать рядом с ней. И это даёт намёк на то, почему в нашей истории Дикарь — он тот, кто проводит инициацию подростка.

Пуйл, князь Диведа, чья история появляется в повестях Мабиногиона — не становится королём до тех пор пока на год не меняется местами с Королём Подземного мира. В сущности это означает, что целый год он чувствует рядом с собой в постели тело Тёмной Возлюбленной, Королевы Подземного мира.

Таким образом, мы не просто с некоторым трудом спускаемся к подножью холма глядя на тёмную сторону себя и своих друзей. Баба Яга в русских сказках спрашивает: ты здесь, чтобы продолжить доброе дело или уклониться от него? Мы достигаем дна, когда энергия кабаньих клыков Бабы Яги полностью заменяет — на время — детский эрос, прочувствованный каждым из нас, когда наша мать давала нам грудь, или позже ставила чашку молока на стол, или когда наша первая чудесная подруга звала нас в постель. Эти виды любви хороши, но падение будет завершено когда они будут заменены кабаньими клыками, свиной щетиной, большой пастью,

ожерельем из черепов и безумно высокодуховной энергией Бабы Яги.

Что-то хочет нас там, хочет познакомиться с Тёмной Королевой, хочет, чтобы кабан разверз свою пасть, хочет наполнить кровью бассейн Гренделя, хочет плавить мечи, хочет, чтобы Великанша положила мальчика в свой мешок.

Юноши нашей культуры часто воображают, с нетерпением ожидая встречи с Бабой Ягой, как они смогут «убить» её. Они воображают её уничтожение, полную победу; но истории проясняют, что такие фантазии характерны для непосвящённых мужчин. Для юноши единственный способ обходиться с мощью ведьмы — это сделать свою энергию такой же великой, как у неё, такой же резкой, дикой, трезвой и ясной в своём стремлении. Когда юноша приходит в её дом и доказывает уровень своей интенсивности, целеустремлённости и уважения к истине, она может спросить его: «Хорошо, что ты хочешь знать?».

Часть 6: На пепельном пути

Падение или «кухонная работа» может принимать три другие формы. Мы назовём их «На Пепельном пути», «Обучение Содроганию» и «Движение из Мира Матери в Мир Отца».

«Повар взял его к себе на службу, и сказал, что с завтрашнего дня он может таскать дрова и воду, и ворошить угли».

Это ссылка на пепельного мальчика из норвежской сказки по имени Ашкеладден (Замарашка) и Синдереллу (Золушку) в сказках многих стран. Пепел не принадлежит ни солнечной кроне дерева, ни его сильным корням. Пепел — это буквально смерть ствола.

«Пепел» и «зола» в сказках — это кодовые слова для бледности, запачканности, депрессии, «выхода из» времени. В наши дни мы представляем назначение к очагу каким-то наказанием, но легенды назначают на это место счастливого третьего сына, волшебного пепельного дурака, и счастливую третью дочь — Золушку — волшебное страдающее дитя своей матери. Для них обоих присмотр за очагом — правильная задача.

Мы все знаем, на что это похоже — держать пепел в руках. Он словно свет! Кончики пальцев чувствуют его как будто это порошок. Пепел иногда цвета загара, иногда светло-серый или белый как кружево, и нежный как крылья насекомых. Мы замечаем, как пепел находит свой путь в завитках узоров на кончиках наших пальцев, прилипает, делает завитки более заметными, видимыми, более ясными для нас. Вместе с пеплом мы можем взять свои собственные отпечатки пальцев.

Жить пепельной жизнью — это нечто отличное от падения в катасис. Подобная жизнь не требует понижения в социальном статусе. Она не такая взрывная; в пепле есть что-то более устойчивое, даже летаргичное.

Согласно Р. Кейсеру, юношам во времена викингов иногда разрешалось два или три года пепла. Норвежцы того времени жили в длинных общих домах, не отличавшихся от длинных домов индейцев западного побережья. В своей книге о древних норвежцах, Кейсер описывает как тридцать или сорок человек спали в кроватях вдоль стен. Низ в центре зала был выложен камнем — это было место для огня. Дым поднимался вверх через отверстия в крыше. Пепел лежал длинными кучами шириной двух-трёх футов между центром зала и кроватями. Оказалось, что юноши иногда ложились вниз в это пространство между огнём и кучами пепла, и оставались там в течение двух-трёх лет. «Таких как они, можно было постоянно видеть сидящими над огнём, катающимися в пепле, поедающими пепел и не имеющими никакой

заботы о полезных занятиях или поддержании себя в чистоте». Очевидно, некоторые также жевали золу. Их звали золоеды. Понятно, что юноши двигались сквозь какую-то форму гиббернции или ритуальной летаргии, позволенной им пожилыми мужчинами и женщинами. Сегодня, если юноша чувствует, что не может продолжать учиться, у него нет подобного ритуала, он может легко начать стыдиться себя, или что ещё хуже, попадает в тюрьму.

Кейсер упоминает Замарашку XI века, которого звали Старкад — он оставался в золе несколько лет, пока его приёмный отец не предложил ему идти в поход. Тотчас он поднялся, побрился, оделся и стал одним из лучших воинов похода, а впоследствии — выдающимся поэтом, упоминаемым в сагах.

Мы помним как католическая церковь подчёркивает пепел на лбу в Пепельную среду.

Мирча Элиаде в своих книгах рассказывает о том, как блестяще используют пепел и золу старики-инициаторы в Австралии, Африке, на Ближнем Востоке, в Южной Америке, Тихоокеанском регионе. Посвящение говорит, что перед тем, как мальчик станет мужчиной, какая-то младенческая часть в нём должна умереть. Время пепла — это время для умирания эгоцентричной части мальчика. Мальчика восьми-двенадцати лет забирают от матери и передают в руки стариков, покрывающих ему лицо, а иногда и всё тело пеплом, чтобы сделать его похожим на мертвеца и напомнить ему о его внутренней смерти в будущем. Он может быть помещён в темноту на несколько часов или дней, чтобы знакомиться с духами умерших предков. Затем он может ползти по тоннелю — то есть вагине — из кустов и веток. Старики ждут на другом конце, только теперь у него другое имя. Матери в некоторых культурах чувствуют этот ритуал так сильно, что воссоединившись со своими сыновьями, делают вид будто не узнают их, и должны знакомиться с ними заново. Матери с радостью участвуют в этом посвящении.

Одержимый золотом мужчина, будь то мужчина «Нью Эйдж» или мужчина «Доу-Джонс» может быть описан, как мужчина не исцелившийся касанием к пеплу.

Слово «пепел» несёт в себе тёмное чувство смерти; нанесённый на лицо, пепел делает его похожим на мёртвое. Иов, покрывший себя пеплом, говорит нам о том, что Иов, живший в комфорте, был мёртв; и что живущий Иов оплакивает мёртвого. Но что на счёт нас? Как можем мы увидеть пепельную сторону вещей, когда общество решительно создаёт мир торговых центров и развлекательных комплексов, в которых как нас заставляют верить, нет смерти, увечья, болезни, безумия, бедности, вялости или несчастья? Диснейленд означает «нет пеплу».

Вопреки нашей Диснейленд-культуре некоторые мужчины 35-40 лет начинают чувствовать пепел в частном порядке, без ритуала, даже без старейшин. Они начинают замечать как многие из их мечтаний стали пеплом. Юноша в средней школе мечтает, что он будет гонщиком, альпинистом, он будет со многими Мисс Америка, он будет миллионером в тридцать, а в тридцать пять получит Нобелевскую премию в области физики, он будет архитектором и построит самое высокое здание из всех когда-либо существовавших. Он уедет из своего захолустного городка и будет жить в Париже. Он будет иметь потрясающих друзей... и вот, в тридцать пять, все эти мечты — пепел.

В тридцать пять его внутренняя печь тоже начинает вырабатывать пепел.

Предыдущие двадцать лет его печь с такой хорошей тягой сжигала всё, что он бросал в неё ночами напролёт, алкогольные вечеринки, сексуальность несдержанность, энтузиазм, безумие, душевные волнения. И вот однажды он замечает, что его печь уже не принимает такие большие куски. Он открывает печную дверцу и пепел падает на пол. Это время для того, чтобы

купить маленькую чёрную лопату в хозяйственном магазине и встать на колени. Пепел падает с лопаты на пол, и он может увидеть на нём отпечатки своих подошв.

Роберт Фрост сказал в «Птица-печник»:

И есть вопрос, что он бросает миру:
Что делать, если всё идёт к концу?

Новые диеты, новые поп-певцы, новые авторы — всё пепел к тому времени, когда вам тридцать пять. Когда мне было тридцать восемь я написал эту поэму:

Те широкие взмахи метели, что резко опадают в двух метрах от дома...
Мысль, что ушла так далеко.
Мальчик приходящий из школы домой, и не читающий больше книг;
Сын не звонящий домой.
Мать, положившая скалку и не пекущая больше хлебов.
И жена глядящая на своего мужа на вечеринке, и не чувствующая больше любви.
Энергия покинула вино, и священник упал на выходе из церкви.
Это не станет ближе —
Оно движется назад и руки трогают пустоту, и так останется навсегда.
Отец скорбит о сыне, и не оставляет комнату, где стоит его гроб.
Он отворачивается от жены, и та спит одна.
И море вздымается и опадает всю ночь, и луна движется в одиночестве сквозь
пустые небеса.
Носок ботинка проворачивается
в пыли...
И мужчина в чёрном пальто разворачивается и спускается с холма.
И никто не знает, почему он пришёл или почему развернулся, не дойдя до
вершины.
— *«Сугробы северного дома» («Snowbanks North of the House»)*

Некоторые привычные ошибки, которые мы продолжаем совершать в наших отношениях, производят больше пепла, чем тепла. Часть тридцатипятилетних мужчин говорили мне о нежелании вступать в новые отношения из-за страха, что эти отношения, как и все прошлые, закончатся «в пепле». Но юноши не могут получить достаточно пепла. Образованные наркоманы думают, будто хотят экстаза от связи с их гуру, но на самом деле они могут хотеть пепла. Без кухонного огня, рядом с которым можно посидеть, и Дикаря, чтобы отправить нас к нему, юноша пачкает своё лицо сажей и надеется, что собственная мать не узнает его. Пабло Неруда говорит:

Из всего, что я сделал, всего, что потерял
всего, что получил неожиданно,
я могу дать тебе лишь немного в листе, в ржавом железе...
здесь я с вещью, что потеряли звёзды
похож на овощ, один
— из *«Брюссель»*, переведено Р.Б.

Пепел представляет собой огромное уменьшение живого дерева с его гигантской кроной, дающей обильную тень. Распознавание этого уменьшения является необходимым опытом для мужчины за тридцать. Если мужчина не испытывает этого уменьшения внезапно, то будет сохранять свою инфляцию, и продолжать идентифицировать себя со всем, что может летать: своим сексуальным влечением, своим умом, своим отказом от обязательств, своей зависимостью, своим превосходством, своим хладнокровием. Хладнокровие некоторых американских мужчин означает, что они пропустили пепел.

Франклин Рузвельт нашёл свой пепел в полиомиелите; Анвар Садат в тюрьме; Солженицын в ГУЛаге. Некоторые из наших самых ярких писателей — Джон Стейнбек, Уильям Фолкнер, Томас МакГрат, Тилли Олсен, Давид Игнатов, Кеннет Рексроз — нашли свой пепел в бедности Великой Депрессии.

Катабасис и Пепельный путь немного отличаются. Мы можем говорить о том, что мужчина находит катабасис только через падение, бедность, резкое изменение социального статуса; тюрьма — это тоже традиционное место и для катабасиса, и для Пепла. Но мужчина может сохранить свою работу и семью, однако пройти по Пепельному пути, если он знает, что он делает.

Мюррей Стейн в своей книге «В середине жизни. Юнгианский подход» подсказывает, что время, названное мной Временем Пепла, можно рассматривать как поиск трупа. Где-то в нашей прошлой жизни есть мёртвое тело. Это может быть потерянная карьера; это могут быть отношения унесённые рекой; это может быть труп пристыженного мальчика.

После того как Ахилл убил Гектора, его отцу, Приаму, хотелось забрать тело Гектора обратно в Трою для достойных похорон. Приам с помощью Гермеса, «Он в Шапку-Невидимку облачён», ведёт Приама, как пишет Стейн «сквозь ночь незримо мимо линии греков в сердце их лагеря».

Таким образом, мы должны скользить по ночам «сквозь линию», чтобы найти труп. Это пепельная работа. Она требует хитрости и скрытности. Она требует помощи бога.

Часть 7: Обучение содроганию

Падение имеет и третье лицо, называемое нами «обучение содроганию». В начале коллекции Братьев Гримм есть история о юноше, выглядящем во всех отношениях нормальным, за исключением того, что он не может дрожать. Все виды потрясений были испробованы на нём: привидения, висельники, демонические кошки, мертвецы в гробах — ничто на него не действовало.

Дети могут легко содрогаться, и ребёнок будет часто ударяться в слёзы, когда он или она видит раненное животное. Но позже система доминирования внедряется в них, и некоторые мальчики могут начать истязать и убивать насекомых и животных, чтобы задушить своё собственное ничтожество.

Мальчики в этой точке становятся Титанами. Напомним, что Титаны жили в мире перед богами. То был Титан — Крон — кто оскотил своего отца Урана, и позже съедал каждого из своих детей, как только они рождались, кроме Зевса. В конце концов, Зевс окончательно победил Титанов и поместил их под землю, но они по-прежнему каким-то образом присутствовали вокруг, затем они «случайно» съели Диониса, своего внука, содрогавшегося, одного из тех, кто мог чувствовать горе. В гневе Зевс сжёг Титанов дотла. Но люди, как говорит история, были созданы из их пепла. А сам Дионис был воссоздан из своего сердца, которое Титаны не смогли забрать.

Это такая чудесная мифологическая идея — человеческое существо, сотворённое из пепла Титана; она помогает объяснить нашу собственную жестокость — и холодность. Конечно, мы также получили в этом пепле и тело Диониса, но не его сердце, увы. Мы можем говорить о том, что это Дионис тот последний из полноценных греческих богов, кто руководит секретным процессом, в котором юноша или девушка учатся содроганию. После подросткового возраста юноша должен научиться именно тому, чего так и не узнали Титаны. Это истинная цель посвящения.

Недавний фильм Военные потери блестяще показывает всю трудность этого посвящения. Фильм рассказывает о реальном инциденте, произошедшем во время войны во Вьетнаме, когда четверо из пяти мужчин взвода захватывают, насилуют, а затем убивают вьетнамскую женщину. С точки зрения инициатора ни один из этих четверых не является мужчиной ни в коей мере, они жестокие мальчишки, застрявшие в одном из этапов перед пеплом и падением. Они незавершённые, незаконченные мужчины, опасные в своей неспособности содрогаться.

Майкл Джей Фокс играет пятого мужчину, который отказывается принимать участие в изнасиловании, затем пытается спасти жизнь женщине, а потом с риском для жизни заявляет о жестоком изнасиловании и убийстве. Ужас от того, что эти «Титаны» могут сделать, заставляет его содрогнуться. Его способность содрогаться — это самая взрослая его часть.

Большинство из нас помнят из своего детства, как сильно несодрогаящиеся ненавидят мальчишек, которые могут содрогаться. Четверо мужчин в этом фильме угрожают изолировать Фокса, изгнать его в холод вне мужского сообщества, изнасиловав его, если им так захочется.

Приобретение способности содрогнуться означает чувствовать, как хрупки человеческие существа, и как это ужасно — быть Титаном. Когда мы содрогаясь, то дрожь убирает онемение, о котором мы говорили. Когда мужчина обладает сочувствием, это не означает, что он развил лишь женскую часть; конечно, она развита, и это хорошо — развивать женственность. Но когда он обучается содроганию, он развивает также и мужское эмоциональное тело. Как Гермес помогает ему «пройти сквозь ночь и линии греков» по дороге переобучения в труп, он помогал содрогнуться и богу Дионису, внуку Титанов.

Часть 8: Движение из мира матери в мир отца

В месте посвящения старейшины помогают мальчикам двигаться из мира матери в мир отца. Мальчики с самого рождения, долго и счастливо жили в мире матери, и мир отца, естественно, кажется им опасным, неустойчивым, и полным неизвестности.

Напомним, что большинство культур описывает первую стадию посвящения как резкий и ясный разрыв с матерью. Просто в один из дней, когда мальчикам от восьми до двенадцати лет, старейшины входят с копьями в женские хижины, и уводят мальчиков прочь. До этого момента мальчики жили исключительно с женщинами. В Новой Гвинее, например, посвящённые мужчины живут вместе в домах на краю посёлка. Матери в Новой Гвинее очень бдительны в том, чтобы не дать мальчикам понять о надвигающихся событиях и сохранить элемент неожиданности. Когда мужчины уводят их прочь, мальчики могут кричать «Спаси меня, мама, спаси меня!». Материнский мир внезапно выглядит таким чудесным. Женщина оказывает сопротивление, но не очень настойчиво. Старейшины начинают забирать мальчиков, скажем, на остров, где построена хижина посвящения. Матерей мальчиков оттесняют с моста копьями. «Я здесь. Мама! Спаси меня» — говорят мальчики. Но старейшины отталкивают матерей назад. Матери придя домой, пьют кофе, встречаются с другими женщинами и говорят что-то вроде: «Ну как я? Я выглядела достаточно жестокой?» «Ты была великолепна».

Когда «гендерные вопросы», как мы их называем, хорошо понятны, женщины не противятся работе старейшин с мальчиками, и они не беспомощно жаждут её, но с энтузиазмом и серьёзно в ней участвуют. Значимый договор принят однажды в Новой Гвинее между мужчинами и женщинами относительно восьмилетних и около того: «Мальчик не может стать мужчиной без активного вмешательства стариков». Девушка становится женщиной сама по себе, развивается её тело и оно творит изменения. Старухи рассказывают ей истории, воспевают, празднуют. Но с мальчиками — без стариков — никаких изменений.

Таким образом, первый этап — это разрыв с матерью. Это происходит в нашей истории, когда Дикарь сажает мальчика себе на плечи. Но разрыв — это только разрыв, он не предполагает какого-либо душевного движения внутри мальчика. Движение ещё только должно произойти; у большинства из нас оно происходит сейчас.

Проще говоря, мальчик должен двигаться из дома матери в дома отца. В Гамлете Шекспира с фантастическим остроумием и душераздирающими подробностями описываются трудности этого шага. Призрак даёт Гамлету чёткое указание: «Содрогнись от смерти моей, взгляни на пепелище царства моего, оставь свою студенческую жизнь». Но Гамлет ещё не готов взяться за работу «на кухне». Конечно, он знает о своем гении, но он где-то застрял. Возможно, он положил ключ обратно под подушку своей матери. На протяжении всей игры, он изо всех сил пытается выбраться из её реальности. Мы чувствуем, что он значит слишком много в сексуальной жизни своей матери; и он одержим ею. Он не относится к ней не как к «другим», а с трепетом и уважением, свойственным взрослому человеку. Отец должен возвращаться из могилы снова и снова, чтобы всё продолжалось двигаться и чтобы Гамлет не втянулся назад и не застрял там.

Если на этой стадии не присутствует старый мужчина или компетентный старейшина — а Полоний, конечно, не такой человек — всё движется медленно. Мы узнаём ценную вещь, когда видим, что юноша не может сделать переход к миру отца в одиночку, без принятия Трикстера и в частности тёмной стороны Трикстера. Светлая сторона не может сделать этого. Это ясно показано в сказке «Ворон» братьев Гримм: маменькин сынок должен научиться грабить грабителей или он не сможет добраться до конца сказки. Трикстер Гамлета переписал несколько строк в маленькой сценке, и научил актёров сыграть её.

Тот же Тёмный Трикстер убил Полония после того, как тот подслушал разговор. На борту корабля, когда Гамлет узнаёт, что его старые друзья Розенкранц и Гильденстерн получили деньги за передачу письма Кладиуса королю Англии с просьбой по прибытию убить его, он мог просто почувствовать в себе решимость, вместо этого он подделывает письмо, прося короля Англии убить их. Мы замечаем, что он возвращается в Данию с помощью пиратов — другой поклон Тёмному Трикстеру.

Гамлет снова и снова пытается сделать решительный шаг в мир отца, но этот шаг кажется слишком радикальным для него. Между тем, Офелия умирает — юная женственность страдает, когда мужчина не может попасть в отцовский мир. Мы также можем сказать, что какая-то сентиментальная девочка внутри Гамлета — здесь она зовётся Офелия — в этих попытках сошла с ума, и будет «умирать». Мы помним, что Парцифаль, который всё детство и юность прожил с матерью, познакомившись с рыцарями, подумал, что они «ангелы», и почувствовал настоящее желание пойти с ними. Когда его мать увидела, что он уходит, она умерла в тот же миг. Некоторые смерти символизируют наивность, умирающую, когда сын принимает мир отца.

Гамлет заканчивается довольно сложной сценой двойного и тройного обмана. В ходе последней сцены, поединка, Гамлет приходит, наконец, в дом отца; его мать мертва, он убивает

убийцу своего отца. Почти сразу же он умирает и сам, но ничто не идеально. В финальном моменте Шекспир отдаёт подмостки Фортинбрасу и его людям, не знакомым с содроганием. Это не сентиментальный момент.

Шаг мужчины в дом отца занимает много времени; этот шаг труден, и каждый мужчина выполняет его для себя сам. Для Гамлета это отказ от бессмертия или безопасной жизни, обещанной преданному маменькиному сынку, и принятие риска смерти — всегда неминуемой в реальности отца.

История Пуйла, упоминаемого выше, описывает этот шаг как обмен домами на год с Богом Мёртвых. Среди мужских работ есть приручение своего горя. Когда мужчина приручает своё горе и исследует свою рану, он может увидеть, что они схожи с горем и раной его отца, и приручение позволяет ему войти контакт с отцовской душой. После того, как его чувства обострятся, он сможет почуять запах отцовской раны. Можно сказать, что сын чует своего отца, как змея, меняющего шкуры и жизни.

Движение в мир отца не обязательно означает отвержение матери или крики на неё — Гамлет покидает её в уважении — но, по правде говоря, это движение означает, что наивный или любящий комфорт мальчик — умрёт. Остальные внутренние мальчики остались живы, этот — умер. Рыбы и черепахи зависят от матери в свой первый день. Но для развивающихся мужчин независимость от чрева матери — это мучительное и долгое движение. Кто-то хочет бежать, но его ноги не будут двигаться. Мы просыпаемся истощёнными.

Образ змеи приводит нас к одному и тому же финальному образу вокруг этой сложной темы движения в дом отца. В своей Западной мифологии Джозеф Кэмпбелл замечает, что на вавилонских печатях мы можем снова и снова видеть некую сцену в разных её вариациях. Мы видим стоящую мужскую фигуру, а рядом женскую фигуру, обычно сидящую, вероятно богиню или жрицу, и мы видим третью фигуру — большую змею. Возможно, такая печать означает объект медитации для мужчин, воспитанных в культуре усиленной или управляемой, или увлажнённой Великой Матерью.

Мы предполагаем, что мать конкретного мужчины в такой культуре будет сильна. Юноша, если он хочет жить, должен разотождествиться с обоими матерями. Он либо делает это, либо не может вырваться из области Великой Матери. Предположение Кэмпбелла выглядит так: мужская фигура, которую мы видим — это мужское маскулинное тело, полученное им от своей матери, из её утробы. Ненавидеть её, конкурировать с ней, уничтожить её — все эти фантазии не работают. Вместо мужчины, медитируя, он отождествляет себя с отцом-змеем. Мы должны помнить, что древний мир не считает змея злом. Напротив, он был священным животным. Этот змей живёт под корнями Мирового Древа — под землёй — хотя мы знаем, что он также хорошо поднимается и в крону дерева.

Отождествление себя с отцом-змеем напоминает нам о Гамлете. Мы помним, что в открывающей сцене Гамлет в один из моментов называет голос отца «кротом», потому что он доносится из-под земли, и говорит то здесь, то там. Возможно, что идентификация с отцом-змеем была характерна для маскулинных медитаций II и III тысячелетий до н.э. Другие медитации были созданы мужчинами в более поздние века, и мы можем взглянуть на иезуитские медитации конца семнадцатого века. В этих медитациях, мужчина разотождествлялся с любящей материальный мир стороной Великой Матери и со всем язычеством. (Он сохранял лишь некоторую идентичность с Девственницей.) Он разотождествлялся со своим собственным телом, называя его ярлыком, наказывая его бессонницей, постами, а иногда и избивая себя. Он идентифицируется с духом, являющимся небесным, бестелесным, божественным, золотым, вечным, находящимся надо всем. Змей как

сила не упоминается. Это огромное изменение относительно ранних медитаций.

В более ранней медитации — она до сих пор практикуется в Индии, Африке, Новой Гвинее и аборигенами Австралии — юноши двигаются к присоединению с Нижним Отцом. Нижний Отец сохраняет свою форму сквозь многие изменения, как это делают змеи. Нижний Отец, кроме того, будучи змеем, ассоциируется со спинным мозгом. Это говорит о том, что какая-то могучая змея живёт в нас, в нижней части спинного мозга, в доме выживания.

Сегодня мужчина, отправляющийся к дому отца, находится меж этих двух мифологий. Если он летун, то спасается бегством от земли, воды, пыли и плоти, и фактически просит женщин взять на себя заботу о земле. По контрасту, старики при традиционном посвящении приводят юношей к Нижнему Отцу, недалеко от того места, где живут старейшины, и где есть змеи. Это путешествие — не изгнание мужчины с небес, змеи могут находиться даже в кроне дерева. Змей — это Бог Вод. Мифологически, змей напоминает Дикаря, Короля и других существ, лежащих в воде в нижней части нашей психики.

Затем мы предполагаем, что когда мужчина принимает Падение в качестве движения к дому отца, он учится видеть смертную сторону вещей, он бросает взгляд вниз на крысиную нору, являющуюся также и змеиной норой, и он принимает змею, а не птицу, как свой тотем. Отец в семье среднего класса может владеть машиной и кредитной картой, но мать живёт дольше и возвращается с кладбища после похорон отца. Сын чувствует тягу к идентификации с выносливостью и, кроме того, с яркой энергией Великой Матери.

Посвящение просит сына переместить его энергию любви от привлекательной матери к относительно непривлекательному отцу-змею. Всё это пепельная работа. Когда мужчина входит на этот уровень, он уважает Падение как святую вещь, он увеличивает свою терпимость к пеплу, ест пыль, как это делает змея, усиливает свой желудок для ужасающих озарений, углубляет свою способность переваривать злые факты истории, принимает нелёгкую работу на семь лет под землёй, покидает хлебный амбар через крысиную нору, кусает окалину, учится содроганию, и следует голосу старого крота под землёй.

На каждой стадии посвящения Железного Джона присутствует мужской бог. Аполлон присутствует в роднике. И мы могли бы сказать, что в пепельной работе скрывается старый средиземноморский бог Сатурн, естественный сосуд сдержанности, меланхолии, бескрайних систем, дисциплинированного повторения, воспитания стандартов и тяжёлых огорчений. Там, где присутствует Сатурн, там просто сидит ничем не объясняемая неосуществлённость.

Затем Сатурн помогает мужчинам сполна получить всю тяжесть их раны, и полную мощь их неудач. После этого Сатурн вводит мужчину к Богу Меланхолии, чтобы мужчина начал чёрное выхаживание души, которое в конечном счёте, приводит мужчину в Сад.

Глава 4: Голод по королю и время без отца

Часть 1: Нарушения в сыновстве

Я участвовал в мужских собраниях с начала 1980-х годов, и от американских мужчин я снова и снова слышал одно и то же утверждение, сформулированное в сотнях форм: «Отца не хватает». Суждение предполагает, что субстанция отцовства похожа на соль, в прежние времена иногда бывшую в дефиците, или на грунтовые воды, просто исчезнувшие сейчас в некоторых районах.

Джеффри Горер пишет в своей книге «Американский народ», что мальчику, чтобы стать мужчиной в Соединённых Штатах 1940-х годов, требовалось только одно — отвергнуть своего

отца. Кроме того, он отметил, что американские отцы рассчитывали быть отвергнутыми. Юноши в Европе, наоборот, традиционно представляли отца демоническим существом, которого они должны были побороть (и сын в романе Кафки «Процесс» борется со своим отцом до смерти и избавления). Многие сыновья в Соединённых Штатах, тем не менее, представляли отца в качестве простого объекта насмешек и высмеивания, и фактически он часто выступал им в комиксах и телевизионных рекламных роликах. Один юноша подытожил: «Отец — это тот, кто шумит газетой в гостиной».

Очевидно, что «отцовская вода» в доме ушла глубже уровня большинства колодцев.

Слишком мало отца

Когда отец, как грунтовая вода, уходит вниз, и его становится слишком мало вместо того, чтобы быть слишком много, сыновья оказываются в новой ситуации. Что им делать: бурить для получения новой отцовской воды, экономить отцовскую воду, копить её, перегонять материнскую воду в отцовскую?

Традиционные культуры по-прежнему несут в себе изобилие отца. В так называемых традиционных культурах, многие заменители отца работают с юношей. Дяди разрыхляют сыну верх, или рассказывают ему о женщинах. Дедушки дают ему истории. Воины учат вооружению и дисциплине, старики учат ритуалу и душе — все они почётные уважаемые отцы.

Бруно Беттельгейм также отмечал, что для большинства традиционных культур фрейдистская версия о ненависти отца-сына не работает. По мнению Беттельгейма, бессловесное напряжение между отцами и сыновьями в Вене, принятое Фрейдом в качестве универсального и опирающегося на сексуальную ревность, по большей части было правдой лишь для Вены конца XIX века.

Отцы и сыновья в большинстве племенных культур живут в весёлой терпимости друг к другу. У сына есть много чему научиться, и как отец, так и сын проводят много часов пытаясь и ошибаясь вместе — в создании наконечников стрел или ремонте копья, или отслеживании умного животного.

Когда отец и сын проводят много длинных часов вместе — как некоторые отцы и сыновья до сих пор — мы можем говорить о том, что вещество, похожее на пищу, переходит из более старого тела в более молодое.

Современный ум может захотеть описать обмен между отцом и сыном как уподобление отношениям, имитация, но я думаю, что здесь имеет место физический обмен, как будто какое-то вещество переходит непосредственно к клеткам. Тело сына — не его ум — получает, и отец даёт эту пищу на уровне много ниже сознания. Сын получает исцеление не руками, а телом. Его клетки получают некоторое знание о том, что такое взрослое мужское тело.

Юношеское тело учится тому, чем вибрирует мужское тело. Оно начинает понимать песню, которую поют взрослые мужские клетки, и как очаровательно, элегантно, одиноко, отважно, в полутени танцуют мужские молекулы.

В течение долгих месяцев, проведённых сыном в материнском теле, его тело тщательно настраивалось на женские частоты: оно училось тому, что передают женские клетки, кто кому подчиняется в этом резонансном поле, что за животное перебежало через травянистую поляну, что тело слушает в течение ночи, что есть самое страшное и самое безопасное. Каким надёжным приёмником становится тело сына до его рождения и после для для верхних и нижних частот материнского голоса. Сын или приспосабливается к этим частотам, или

умирает.

Теперь, стоя рядом с отцом, когда они ремонтируют наконечники стрел или плуги, или моют поршни в бензине, или ухаживают за рожающими животными, тело сына имеет шанс перенастройки. Медленно, в течение месяцев или лет, струны сыновьего тела начинают резонировать с суровостью, а иногда требовательностью, раздражённым юмором, непочтительностью, нетерпеливостью, самоуверенностью, вылезанием вперёд, молчаливой любовью мужского тела. И мужские, и женские клетки вырабатывают дивную музыку, но сын нуждается в резонансе с мужской частотой так же сильно, как с женской.

Сыновья, не получившие этого возвращения, будут испытывать голод по отцу всю свою жизнь. Я думаю, что называние этой страстной жажды «голодом» очень точно: юношеское тело нуждается в соли и воде так же, как голодающее тело и нижние отделы пищеварительного тракта нуждаются в белке. Если оно не находит его, желудок в конце концов съедает свои собственные мышцы. Такие голодные сыновья ошиваются вокруг пожилых мужчин, как бездомные вокруг бесплатной столовой. Как и бездомные, они чувствуют стыд за своё положение, и это безымянный, горький, неуничтожимый стыд.

Женщины не могут, независимо от того как сильно они сочувствуют своим голодающим сыновьям, заменить это особое недостающее вещество. Позже сын может попытаться получить его от женщины своего возраста, но это не работает.

Недоверие к пожилым людям

Всего лишь сто сорок лет прошло с тех пор как начало увеличиваться количество фабричной работы на Западе, и мы видим, как обедняется связь между отцом и сыном в каждом следующем поколении — с катастрофическими последствиями. Внимательное изучение Английских Законов Огораживания показывает, что английское правительство в конце этого долгого законодательного процесса отказало безземельному отцу в бесплатном доступе к свободным пастбищам и общей земле и вынудило — с семьёй или без неё — двигаться к фабрике. Южные африканцы и сегодня делают то же, что их чёрные отцы.

К середине XX века в Европе и Северной Америке произошли массовые изменения: отец работал, но сын не мог видеть, как он работает. На протяжении всей эпохи древних охотников, длившейся тысячи, возможно, сотни тысяч лет, и на протяжении всей эпохи охотников-собирателей, последовавших за ней, и последовавших за ними сельскохозяйственных и ремесленных эпох — и отцы, и дети работали и жили вместе. Ещё в 1900 году в Соединённых Штатах около 90% отцов были заняты в сельском хозяйстве. Во все эпохи сын видел отца за типичной работой в течение всего дня, все месяцы в году.

Что происходит, когда сын больше не может видеть всего этого? После тридцати лет работы с немецкими юношами — такими же сиротами индустриального общества, как американские юноши сегодня — Александр Митчерлих, упоминаемый нами в первой главе, создал метафору: в психике сына появляется дыра. Когда сын не видит рабочее место отца или результаты его труда, он представляет своего отца героем, борцом за добро, святым или белым рыцарем? Ответ Митчерлиха печален: нет, в этой дыре двигаются демоны — демоны подозрений.

Демоны, невидимые, но разговорчивые, поощряют подозрение ко всем пожилым мужчинам. Это подозрение ломает коммуникацию между стариками и юношами. Углубление этого подозрения ощущалось в шестидесятые: «Никогда не доверяй никому старше тридцати».

Более старшие мужчины в американском военном ведомстве и в правительстве предали юных

мужчин во Вьетнаме, соврав им о природе войны; они остались в безопасности после того, как просили юношей быть воинами, а отправили их быть обычными убийцами. И поэтому у демонов было много работы в недавней американской истории. Демоны призывают всех юношей увидеть Лоуренса Аравийского и Общество мёртвых поэтов, потому что они напоминают нам, как коррумпированы все мужчины во власти, и как основательно они предают юношей-идеалистов. Наставничество становится трудно поддерживать; посвящение отвергается.

Антропологи, пострадавшие от этих демонов предполагают, что старейшины в примитивных культурах всегда выполняют и унижительные для молодых мужчин действия под предлогом ритуала посвящения. Молодой архитектор, контролируемый демонами, втайне радуется, когда рушится здание Луиса Саливана; и рок-музыкант с оттенком злобного умысла играет музыку, которую его дед никогда не мог понять.

Это недоверие также негативно влияет на устойчивость сына. Сын, используя большую часть своей критической, циничной энергии на подозрение к старикам, может быть компенсаторно наивен по отношению к женщинам — или мужчинам — своего возраста. Современный мужчина часто предполагает женщину более себя осведомлённой об отношениях, позволяет настроению женщины вести весь дом, предполагает, что когда она нападает на него, то делает это «для его же блага». Многие браки были потеряны на этом пути. Он может быть таким же доверчивым и в бизнесе: может позволить мужчине своего возраста украсть все деньги, или может принять унижение от другого мужчины под предлогом дружбы или учёбы. Направленность всех подозрений в одно место — в сторону пожилых мужчин — часто приводит к катастрофе в отношениях, и огромной душевной и духовной изоляции.

В следующем десятилетии можно ожидать того, что эти демоны подозрений будут всё больше и больше разрушать видение того, что такое мужчина, и что такое маскулинность. От двадцати до тридцати процентов американских мальчиков сейчас живут в доме, где нет отца, и демоны в них имеют абсолютное разрешение на ярость.

Вполне возможно также, что всё больше и больше матерей работают вне дома, и не могут показать своим дочерям то, что они делают. Аналогичные эмоции могут развиваться и в психике дочери, с последующим подозрением ко взрослым женщинам. Но поживём — увидим.

Темперамент без обучения

Когда отец, отсутствуя в течение дня, возвращается домой к шести, его дети получают его темперамент, но не его обучение. Если отец работает на корпорацию, чему он может научить? Он неохотно будет рассказывать сыну, что происходит на самом деле. Разделённость принятия решений в корпоративной жизни, массовые корпоративные усилия для уничтожения окружающей среды ради прибыли, благоразумие и даже трусость, которым он научился в бюрократическом аппарате — кто захочет учить этому?

Мы знаем о тех редких случаях, когда отец берёт сына или дочь на свою фабрику, судебские слушания, стоянку подержанных автомобилей или в офис страховой компании — об усилиях в обучении и вознаграждении, сопоставимом с наградами обучения в ремесленных культурах. Но в большинстве сегодняшних семей, когда отец возвращается домой в шесть, сыновья и дочери получают только его расположение, или его темперамент — как правило, раздражительный и отдалившийся.

Что отец сегодня приносит домой, так это, как правило, раздражительность, возникающую из бессилия и отчаяния, смешанного с многолетним стыдом и онемением, свойственным тем, кто ненавидит свою работу. Отцы в давние времена часто могли преодолевать свой по-человечески

неадекватный темперамент, обучаясь вязанию верёвок, рыбалке, выкапыванию ям под столбы, гранению зерна, барабанному бою, починке упряжи, уходу за животными, даже пению и рассказыванию историй. Это обучение подслащало эффект темперамента.

Тоска по отцовскому благословию через обучение остаётся прежней, только немного старомодной; но дети не получают этого благословения. Более того, вместо не-благословения сын получает чрезвычайной силы угрожающего, ревнивого «Пустопалу», или как называет его Блейк «Никто-Отец» — мужской принцип, живущий в Королевстве Ревности.

Отдалённость отца может серьёзно повредить способности дочери устанавливать добросердечные отношения с мужчинами в более позднем возрасте. Большая часть ярости, изливаемой некоторыми женщинами в сторону патриархата, проистекает из огромного разочарования от нехватки обучения отцами.

Мы говорим о том, что отец, как живительная сила дома исчез, когда эта сила потребовалась промышленности, пославшей его на всевозможные железные дороги, вырвав из всевозможных деревень.

Нет исторических моделей, готовящих нас к психическому состоянию современного сына. Чтобы понять психику сына мы должны представить новую обстановку, новые психические фигуры, новые демонические одержимости, новые ужасы, новые некомпетентности, новые полёты.

Грандиозные изменения происходят сейчас; немногие из нас — отцов или сыновей — готовы для таких значительных изменений. Я уже упоминал юношей, испытывающих голод по отцу и ужасно голодные тела сыновей; и демонов подозрений, вторгшихся в психику юношей; и неудовлетворённость сына, получающего лишь темперамент, но не получающего обучение. Теперь мы можем посмотреть на пропажу позитивных королей.

Часть 2: Потемневший отец

Патриархат — это сложная структура. Мифологически он содержит внутри себя матриархат, и матриархат, будучи не менее сложной структурой, содержит внутри себя патриархат. Политическая структура схожа с внутренней. И мы знаем, что внутри каждого мужчины есть женщина, и внутри каждой женщины есть мужчина.

Истинный патриархат привносит солнце через Священного Короля в каждого мужчину и женщину в культуре; истинный матриархат привносит луну через Священную Королеву в каждую женщину и каждого мужчину в культуре. Смерть Священных Короля и Королевы означает, что мы живём в системе промышленного доминирования, не являющегося патриархатом. Система, в которой мы живём не делает чести ни мужскому, ни женскому формам чувствования. Система промышленного доминирования определяет, что происходит в мире с ресурсами, ценностями и привязанностями; как живут и как умирают животные; как воспитываются дети. И в форме промышленного доминирования нет ни короля, ни королевы.

Смерть Священного Короля и исчезновение Группового Короля означает, что дефицит отца становится ещё более острым. Сейчас, когда отец сидит за столом, он кажется слабым и незначительным, и мы все чувствуем, что отец больше не заполняет такого большого пространства в комнате, как отец девятнадцатого века. Некоторые приветствуют это, не понимая всех последствий.

Данные события создавали изгородь вокруг отца, оставляя его наедине со своим собственным

ничтожеством. Д.Г. Лоренс сказал: «Мужчины уже много лет ослаблялись в своей мужественной и блистательной сути, ослаблялись в уныние и практически в низость. Это ли не зло?»

Когда отец кажется всё более и более ослабленным, удручённым, ничтожным, он будто становится инструментом тёмных сил. Мы помним, как в Звёздных Войнах нам даётся образ Дарта Вейдера — обыгрывание образа тёмного отца. Он искренне находится на стороне тёмных сил. Когда государственные и мифологические цари умирают, отец теряет сияние, получаемое им от солнца или от иерархии солнечных существ; затемняясь, он поражает общество.

Демоны, создавшие магазин пропаганды в психике сына, убеждают его, что отцовская тьма глубже, чем сын вообще может представить. Что можно сделать по этому поводу? Сын рано узнаёт, что его мать не может выкупить его отца; кроме того, в большинстве случаев, она и не хочет делать этого. Единственный, кто остался, чтобы сделать это — сын.

Пока государственные цари оставались на высоте, отец забирал сияние сверху; и сын пытался подражать отцу — чтобы стать таким же ярким, чтобы добраться до его высоты. Сын воспринимает отца светящимся. Возможно, этого не было в действительности, но мы замечаем, что литература конца восемнадцатого века полна такого рода уважения и почтения по отношению к отцу, подражания ему.

Сейчас, когда отец рисуется в качестве объекта для насмешек (например, на телевидении — как мы показывали ранее), или для подозрений (как это происходит в Звёздных Войнах), или в качестве злого дурака (когда он приходит домой из офиса, и не может обучать сына), или как слабый и нерешительный (когда он перестаёт наследовать королевское сияние), у сына проблемы. Как он может представить себе свою жизнь в качестве мужчины?

Некоторые сыновья падают в тайное отчаяние. Годам к шести они, вероятно, усваивают взгляд их матери на их отца, а в двадцать они усваивают критический взгляд общества на отцов, которых в результате перестают принимать во внимание. Что они могут сделать, кроме того, что обратиться за помощью к женщинам?

В этой просьбе нет ничего плохого. Но даже женщины с наилучшими побуждениями не могут дать того, что необходимо. Некоторые сыновья, испытывающие голод по отцу, олицетворяющие тайную тоску, даже не упоминают женщин. Не рассматривая их собственного отца и того, почему он такой какой есть, они попадают в страшную безнадёжность, безоговорочно принимая идею полного умаления отца. «Я сын бракованного мужского материала, и я, вероятно, буду таким же, как он.» Тогда, с этой тайной, они сдаются, падают духом, живут с онемением внутри, чувствуя принуждение быть тёмным, потому отец — тёмный. Они перестают активно участвовать в политической жизни, столь характерной для мужчин XIX века в Соединённых Штатах, они чувствуют, что их мнение не имеет значения, они становятся тайным подземным народцем, и иногда топят себя в алкоголе, живя в норе под землёй.

Другие сыновья отвечают прыжком вверх и полётом. Чем глубже отец тонет в их глазах, тем дольше становятся их полёты. Каждый день всё больше и больше газет и книг предоставляет данные о сексуальном насилии, совершённом отцами, о неспособности отцов жить по-человечески, о жёсткой про-военной позиции многих отцов, о трудоголизме отцов, их алкоголизме, избиении жён, развязности. Всё это усиливает яркость, к которой сыновья вынуждены стремиться из-за того, что их отец — тёмный.

Мы можем почувствовать в этой ситуации один ответ на вопрос «Почему в мире становится всё больше и больше наивных мужчин?». Или отцы становятся темнее, чем были в прошлом, или

они воспринимаются таковыми, и сын присваивает себе задачу искупить темноту отца.

Мы можем ещё раз взглянуть на феномен, о котором говорили ранее, феномен восходящего сына, «вечного мальчика», безумной бабочки, летящей на свет, «puer aeternus» или «постоянного мальчика», как называют его некоторые. Мария-Луиза фон Франц в Puer Aeternus понимает его взлёт вверх как бунт против земной, консервативной, собственнической, цепляющейся части материнской женственности.

Джеймс Хиллман в своём эссе «Великая Мать, Её Сын, Её Герой и Puer» видит всё иначе. Он связывает этот феномен с отцом. Для современной психологии характерно до сих пор связывать всё с матерью, так как и Фрейд, и Юнг были мужчинами матерей — и наша психология происходит от них.

Мы предположили, что юноша в наше время может почувствовать будто его отец каким-то образом погружается в демоническую тьму, вид тьмы, подразумеваемой в словах трудоголизм, слабость, покорность, изолированность, алкоголизм, наркомания, оскорбительность, отговорки или трусость.

Многие из современных сыновей тогда не борются с отцом как в ранние века, не разгадывают стратегию победы над ним, вместо этого они взывают над ним, за ним. У нас есть трансцендентная психология, психология мужчин, которые как Торо решают иметь более возвышенное сознание, чем их отцы. Это не ошибка, это летание.

Я отношу себя к сыновьям, пережившим годы потерь, разрыва с землёй, разреженного воздуха, одиночества бегуна на длинные дистанции — для того, чтобы подняться высоко в воздух, откуда видно. Такой сын пытается искупить «вдвойне тёмного отца», став «просветлённым».

Это не ново; это ново лишь в сравнении. Джеймс Хиллман предположил, что мы можем найти образец искупления в египетском боге Хоре, сыне Осириса. Он бог соколов и ястребов, и сохранившиеся великолепные статуи изображают его в виде сокола с его зоркими глазами. Парящего сокола Хора можно рассматривать как ответ на тюремное заключение отца.

Мы все помним, что Осирис был отправлен во тьму. Его брат Сет обманул его и положил в гроб; крышка была прибита, и гроб был брошен в Нил. В таком виде заключённый во тьму Осирис переплыл Средиземное море и оказался в Библие, где был заключён во вторую тьму внутри ствола дерева. Таким вдвойне тёмным Осирис оставался в течение многих лет.

Гор говорит о себе, что он намерен взлететь дальше, чем любой из других богов. Одна рукопись говорит:

Гор взмывает в небо за пределы полёта истинной души бога и всех богов прежнего времени. Я вышел за пределы Сета, я уникален в своём полёте.

Мы можем увидеть в этой картинке то, что мы уже упоминали ранее — что сын летящий к солнцу, не сможет увидеть свою тень — она находится позади него. Он видел тень своего отца, но его собственная тень остаётся скрытой.

Полёт этого рода не «спасителен» для отца. Взлетающий сын летит от отца, а не к нему. Взмывая к свету, поднимаясь по карьерной лестнице, достигая просветления, сын в какой-то степени спасает имя отца.

Это объяснение стремления взлёта движет мной, потому что предполагает, что не весь этот труд делается из страха притягивающей матери — что-то делается из любви к вдвойне тёмному

отцу.

Среди сыновей всегда были летуны, но никогда их не было так много, как сейчас. Конечно, мужчина может добиваться духовности слишком рано в своей

жизни. И воспарение — это то, что я добавляю в наш список дисбалансов, вызванных уменьшением и умалением отца.

Общество без отца порождает птицеподобных мужчин — таких впечатлительных, таких очаровательных, таких открытых к наркомании, таких искренних — так великие бухты Геллеспонта порождают журавлей, по замечанию Гомера миллионами летящих к солнцу.

Часть 3: История: Визит к королю

Мальчик в нашей истории начал восхождение, когда Дикарь унёс его на плечах. Затем он спустился вместе со своим пораненным пальцем в воду, а затем резко вознёсся, когда его голова обратилась золотом. Затем он опустился ещё глубже во время Пепла на Кухне.

Это вдыхание и выдыхание кажется правильным, и так как мальчик научился этому способу дыхания, мы могли бы оставить его здесь и закончить историю. Каждый мужчина, принявший путь вниз и вовне, становится спустившимся мужчиной: он напоминает Иосифа спустившегося в Египет, и Иова, упавшего с большой высоты, и Гекельберри Финна, спустившегося вниз по реке. Но история не закончена; пока ничего не было сказано о втором Короле.

Большое место в сказочных историях занимают два Короля. Проблемы происходят с собственным отцом — первым Королём, приходится оставить первый замок. Через какое-то время страданий и одиночества на картине появляется второй Король, он находит героя (или героиню) во время охоты, принимает его или её, и ставит задачу. Затем начинается сложный танец, в ходе которого искатель приключений пытается установить плодотворные взаимоотношения с новым Королём.

Мы помним, что мальчик в нашей истории не имеет ремесла. Показав некоторую нехватку отцовского обучения он принимается на работу помощником повара в замке, не являющемся замком его отца. Здесь он получает опыт золы и пепла — несмотря на свои золотые волосы. После того, как он провёл какое-то время на кухне, повар приказывает ему отнести еду Королю.

История описывает это так:

Однажды, когда никого не было под рукой, повар приказал мальчику подать еду к королевскому столу. Но так как мальчик не хотел, чтобы кто-то увидел его золотые волосы, он не снял свой головной убор. Такого никогда не случалось в присутствии Короля, и он сказал: «Когда тыходишь к королевскому столу, то должен снять свою шапку». Мальчик ответил: «Ах, Господин, я не могу; на моей голове язва». Король вызвал повара наверх, и спросил, как он мог взять такого мальчика к себе на службу, и приказал ему уволить мальчика и выгнать его из замка.

Золотые волосы помогают нам уцелеть в подростковом возрасте, но это больше мешает, чем помогает, и мальчик говорит об этом совершенно ясно: «На моей голове язва». Такие волосы — это вкус неба, но мы не знаем, что с ними делать, когда встречаемся с Королём: показать и похвастаться ими или схитрить и скрыть их.

Каждый хочет побыть с «Королём». Мы знаем как сильно девушки хотели находиться рядом с

Элвисом — Королём, или как мы чаще слышим, «Принцем». Мы слышим о женщине, которая постоянно вламывается в дом Девида Леттермана, и людях, которые крадут салфетки из комнат Принца Чарльза, или разбивают лагерь поблизости от ранчо Майкла Джексона, или готовы на всё, чтобы быть приглашёнными на вечеринку в Белый дом. Каждый хочет быть с «Королём». Сейчас для многих «Королём» является Далай-лама, для кого-то даже затмевая Папу Римского.

Жажда по отцу превращается в жажду по Королю. Но история говорит, что наличие золотых волос не даёт возможности остаться в его палатах.

Быть может, каждый из нас взял на себя разновидность кухонных работ, познакомился с пеплом и даже пережил катабасис, но это не означает, что мы можем на долгое время остаться с Королём. Охранники берут нас и выпроваживают вон. Это то, что говорит нам история.

Поэтому возникает несколько вопросов: почему у нас так много голода по «Королю»? И почему в наши двадцать и тридцать визиты к нему так коротки?

Каждый из нас помнит свои подростковые влюблённости в учителей, краткие встречи со знаменитостями и концертными исполнителями, неловкие беседы с известными писателями, к которым мы пришли за советом. Если «Король» принимает нас, мы можем обнаружить себя в ученичестве, для которого у нас недостаточно дисциплины. Женщина, идущая в палаты к гуру, может к своему ужасу обнаружить, что он хочет заняться с ней любовью. А иногда забота «Короля» оказывается истинной, но мы говорим невпопад... мы так сильно хотим похвалы и одобрения, что получая его, смущаемся — происходят неловкие вещи — и мы отступаем, безнадежно растерянные.

Конечно, Король или Королева не могут существовать физически, то есть, в нашем мире. Двенадцатилетние переживают необъяснимый опыт света, который не могут никак назвать. Обычно, они не знают мифов, которые могли бы помочь им сравнить этот опыт со сказочным. Четырнадцатилетние понимают всю математику в единой вспышке или знают, что говорят индийские святые, они путешествуют по частям разума, не посещаемым ранее, и имеют проблески религиозного экстаза. Такой опыт подобен вознесению на Седьмое небо и резкому падению обратно на землю.

Как поклонники Романтизма мы тоскуем по этому океаническому чувству, ощущавшемуся нами в утробе матери, когда мы были божественны и питались амброзией. Зависимость равнозначна побегу из ограничений и задержке в покоях Короля. Многие из нас взбегают вверх по лестнице даже прежде, чем повар попросит нас об этом, и через алкоголь, секс или кокаин продлеваем мгновения этого визита. Можно сказать, что вся наша культура сегодня одержима одной этой сценой из «Железного Джона» — визитом к Королю. Но тот, кто посещает его до призыва или слишком задерживается — падает обратно в пепел.

Бары для одиноких напоминают покои Короля. Сексуальный охотник внутри мужчин и женщин, смешавшись в этот момент с любовником, экстравагантно обещают экстатические поездки, вознесение в небесные чертоги и эротические изыски. Дух страдает во время этих нуждающихся союзов.

Такая охота, как говорит Шекспир:

Утолено, — влечет оно презренье,
В преследованье не жалеет сил.
И тот лишен покоя и забвенья,

Кто невзначай приманку проглотил.
Безумное, само с собой в раздоре,
Оно владеет иль владеют им.
В надежде — радость, в испытанье — горе,
А в прошлом — сон, растаявший, как дым.
Все это так. Но избежит ли грешный
Небесных врат, ведущих в ад крошечный?
Перевод С. Маршака

Бары для одиноких — это фантастические алхимические печи, где пытаются сплавить неочищенные металлы, день за днём, ночь за ночью.

По какой-то причине, визиты к Королю, когда мы молоды, не продолжаются долго. Алхимики бы сказали, что даже когда мы хорошо выполнили работу пепла, душа по-прежнему заражена инфантильным голодом, нереалистичными надеждами и яростью на наших родителей или партнёров. Ещё один способ рассказать о том, что есть что: на кухне мы познаём свои чувства; мы узнаём дерево, мы узнаём огонь, и мы узнаём пепел, вот и всё.

Наша душа, находясь на кухне, напоминает какой-то искажённый разнородный камень. Дух, светлый и прямой, пока не может сделать чистый оттиск на этом необработанном материале.

Король напротив — живущий в своей комнате высоко в замке среди воздуха и солнечного света — предполагает солнечную мощь и священный разум. Король пребывает в единстве; он не искажён, не разнороден по сравнению с пепельным мальчиком или девушкой-золушкой; и он смотрит на вопросы иначе. Мы не должны удивляться тому, что визит мальчика в истории был таким коротким.

Эдвард Эдингер, суммируя заключения алхимиков относительно этой точки, говорит: «Малая [свадьба] — это союз или сплав веществ, которые ещё недостаточно отделены или отчётливы. За этим всегда следует смерть...»

Алхимики рассказывают о большой свадьбе или «великой свадьбе», происходящей позднее; и мы увидим, что она также произойдёт в самом конце нашей истории.

История Железного Джона — это история танца, в котором юноше постепенно и со многими колебаниями удаётся приблизиться ко второму Королю.

Мы знаем, что в нашей жизни история может закончиться прямо на кухне, вся сразу. В ответ на просьбу принести суп Королю, некоторые скажут «Здесь никого нет» или «Пусть сам несёт свой суп». Если человек путает уровни, он может сказать «Я приношу суп только себе, и никогда не принесу его никому другому, даже Королю».

Те, кто игнорируют «повара» могут застрять на кухонном этапе на долгие годы, к счастью или несчастью отождествляя себя с ребёнком-жертвой, знакомым лишь с пеплом. Некоторые дети чувствуют страх переступания порога; им кажется, что безопаснее остаться в пепле. Мрачные писатели, такие как Уильям Берроуз или Джон Хоукс пишут из таких застреваний, настаивая на том, что всё есть пепел.

Если посещение покоев Короля так важно — и так эмоционально значимо — мы должны более подробно рассмотреть, что Древний мир имел в виду под словом «Король».

Часть 4: Король в трёх своих королевствах

«Король» и «Королева» имеют давнюю и почётную историю в невидимой реальности мифов и сказочных историй, где слова не подразумевают конкретных людей, не говоря уже о конкретных полах, и такую же глубокую и длинную историю в видимой реальности монархий, где они обитают.

Мы будем различать трёх королей: верхнего Священного Короля, среднего политического короля, и третьего — внутреннего Короля.

Священный Король

В воображаемом или невидимом мире есть Король. Мы не знаем, как он там оказался. Возможно, человеческие существа, после того как веками любили политического короля, вознесли его в невидимый мир, или, возможно, это произошло каким-то другим окружным путём. Как бы то ни было в священном пространстве есть Король. В своём мифологическом мире он подобен магниту, воздействующему на человеческие молекулы. Он входит в психику человека как вихрь или торнадо, и дома взлетают в воздух. Всякий раз, когда слово короля или королевы произнесено, что-то в человеческом теле немного вздрагивает.

«Король» и «Королева» направляют энергию вниз. Они похожи на Солнце и Луну, пронизывающих своим светом атмосферу Земли. Даже в пасмурный день мы чувствуем их лучистую энергию.

Эти магниты или вихри делают вещи, являющиеся глаголами: они влияют на наши чувства и действия тем же путём, каким магнит располагает железные опилки. Опилки сдвигаются в узор. Так и чувства обретшего человека, выстраиваются в узор, когда он находится в покоях Короля. Джон Уэйр Перри называет Священного Короля «Король Четырёх Сторон», — и его книга с одноимённым названием описывает мифы и ритуалы, связанные с этим особым магнитом.

Король Четырёх Сторон восседает вместе со своей Королевой, являющейся Королевой Четырёх Сторон. Ни Король, ни Королева не разрушают мощь друг друга. Оба живут в мифологической, вечной и проливающей свет реальности, которую мы можем назвать «мифологическим слоем» или вечным царством.

Этот слой часто ощущается как всеобъемлющий внутренний рай. Он не пуст для «магнитов» или «вихрей», или «богов», живущих там. Дионис всё ещё жив в нём, Фрейя, Один и Тор, Богородица, Кали, Будда, Зевс, и Аллах, Афина, и Артемида, и София. Мыслить мифологически означает иметь способность воображать себе «богов» и то, чем они занимаются — неистово, решительно и во всей полноте, при этом ясно разделяя свой человеческий слой и их мифологический.

Я бы сказал, что народы запада утратили свою способность мыслить мифологически около 1000 года н.э., а затем этот слой стал разрушаться. Возможно, это произошло потому, что христианство не допускает новых легенд или новых богов, возможно потому, что после Возрождения захватывающие научные поиски забирали всё больше и больше энергии воображения, но этот слой так и не был воссоздан. Европейские мужчины и женщины постепенно перестали кормить многочисленных богов и богинь своей энергией воображения. Внутренний слой рухнул, и мы видим под своими ногами разбитые осколки. Под нашими ногами лежат боги.

Джон Уэйр Перри говорит, что Священный или Солнечный Король являет собой принцип порядка и пространства. Когда король присутствует, вместе с ним появляется священное пространство, свободное от хаоса. Король не создаёт порядка; там где он — порядок. Священный Король благословляет — это второе его качество. Роберт Мур, чудесно рассказывающий о Короле, подчёркивает третье качество: он, как и его реальность, поощряет творчество.

Власть Королевы также велика. Иногда лидирует она, иногда он. Потому что и он, и Королева находятся в правовом пространстве вместе, цветёт смоковница, обильно яблони несут плоды, бежит по рекам молоко и мёд. Кельтские легенды, часть из которых начинается с картинок такого рода, описывают не положение вещей на земле, но положение вещей на «Небесах» — или в мифологическом слое.

Король в нашей истории, высоко в своих палатах, представляет собой Священного и Вечного Короля. В нашей истории ему недостаёт Королевы; и мы не знаем: может быть рассказчик потерял Королеву, а может, отсутствие Королевы говорит о чём-то важном. У него есть дочь, и она, с её великой властью, позже станет в этой истории Королевой.

Присутствуя в сюжете истории, король показывает, что пейзаж вокруг Железного Джона — это упорядоченное пространство. Это скорее космос, нежели хаос.

Земной Король

Короли являющиеся лидерами огромных городов и империй и обладающие обширной властью, впервые замечены уже во втором тысячелетии до нашей эры в городах-государствах Месопотамии. Нет уверенности в том, предшествовал ли китайский Король-Солнце месопотамскому королю или жил после него. В политическом короле сливается мощь солнца и земная власть. Китайцы разработали двойное царствование с такими причудливыми деталями, что оно до сих пор служит моделью мифологического воображения. Солнце-Король и его Луна-Королева, в любом случае, ведут сообщества вместе уже около четырёх тысяч лет. Как принципы порядка, они начали отказывать в восемнадцатом и девятнадцатом веках в Европе. Под титулами Кайзер, Царь, Император, Махараджа, Султан, Бей — один за другим, короли пали, сначала в Европе, а затем и во всех её колониях.

В средние века короли бы путешествовали по своим земным королевствам. Сотни людей ждали бы на английской деревенской дороге, когда, например, пройдёт король. Они могли получить благословение Священного Короля в то время как физический король просто прошёл бы мимо них в молчании.

Проблема, заключается в том, что когда политический король исчезает с дорог, даже по уважительной причине, нам трудно «увидеть» или почувствовать Вечного Короля. Я не говорю, ни что уничтожение монархии было ошибкой, ни что мы должны воскресить короля и отправить его по дорогам вновь, но мы должны заметить, что наше визуальное воображение приходит в замешательство, когда мы можем больше не увидеть физического короля. Отсутствие королей сильно вредит мифологическому воображению. Каждый человек может воображать, что ему угодно.

Американская нация отвергает королевскую кровь Георга III, расчистившего путь обезглавливанию Людовика XVI через несколько лет, и мы отмечаем этот момент фейерверком Дня Независимости. Мы повторяем отказ от политического короля со всё меньшей и меньшей радостью каждый июль, возможно потому, что за блеском и воспарением взрыва победы следует падение и несостоятельность, бросающие тень на наших собственных отцов.

Уцелевшие представители королевской крови теперь доживают свои жизни в National Enquirer вместе с Дюком Эллингтоном, Каунтом Бейси и Принсем.

Часть путаницы вокруг легенд связана с тем, что современный читатель предполагает, что «Король» в легенде — это политический король. «Я не верю в эту ерунду», — говорим мы. «Для меня это плохой король. Почему он не живёт на кухне?».

Политический король — это часть трёхъярусного мира, и он черпает свою энергию и власть из своей способности понимать или воспринимать Короля над ним. Некоторые фактические короли остались, и это хорошо, но трёхъярусный мир зависит от труда каждого из них.

Когда политический царь теряет уважение, не может выполнять свою работу, теряет свою связь со Священным Королём, приходят дилетанты или боги гибнут, исчезают из нашего поля зрения, а затем всё меняется. Воображение получает больше, чем делает. Это ничего не даёт. И тогда наши отцы уменьшаются перед нашим мысленным взором.

Если политические короли теперь живут в National Enquirer, тогда наши отцы находятся там же. Если Священный Король лежит кусочками битого стекла под нашими ногами, наши отцы тоже — разбитые чашки. Женщины знают на счёт Королевы. Если все королевы живут в National Enquirer, значит все женщины живут там, пойманные в ловушку сплетен. Если София и Кали упали, потому что обвалились небеса, и лежат в грязи на улице, значит все женщины лежат в грязи на улице.

Женщины взяли на себя задачу вознесения Софии и Кали вверх; это не та работа, которую мы, как мужчины, можем сделать. Наша работа в том, чтобы вознести Диониса, Гермеса, и энергию Зевса, даже если мы больше не видим царей на прогулках в конных экипажах. Мы должны увидеть Священного Короля не «глазами, но сквозь них» (как предложил Блейк), а через сияние нашего внутреннего Короля, не омрачённое образами павшего Ирода или умершего Сталина. Наши ноги спотыкаются каждое утро, выходя из дома, о кусочки Солнечного Короля, лежащие на тротуаре.

Внутренний Король

Внутри нас есть третий Король, которым мы гордимся или нет, и мы назовём его внутренним Королём.

Внутренний Король — единственный в нас, кто знает, что мы хотим сделать в оставшейся части нашей жизни, или до конца месяца, или до конца сегодняшнего дня. Он может очистить наши желания от мнений и выбора окружающих нас людей. Внутренний Король связан с нашим огнём цели и страсти.

Когда нам было один или два года, внутренний Король, как мы можем догадаться, был живым и энергичным. Мы часто знали, чего хотим, и мы делали эти желания ясными для себя и окружающих. Конечно, в некоторых семьях, никого не волнует, чего хотят дети.

У большинства из нас наш внутренний Король был убит на ранней стадии. Ни один Король не умирает до конца, но он падает и умирает, когда внутренние воины недостаточно сильны для его защиты — и в два или три года разве можно ожидать от них многого — он умирает.

Другой способ взглянуть на Короля, чтобы понять, что он символизирует, от чего зависит, из чего состоит — это наше настроение. У ребёнка есть настроение — он или она хочет играть или оставаться в комнате, или побеситься. Взрослые имеют гораздо большие настроения. Жестокий или депрессивный, или пьющий, или постоянно работающий, или сумасшедший

родитель имеет чудовищно огромное настроение, и только это настроение имеет значение. Дети и другие родители могут только приспосабливаться к этому большому настроению, угождать ему, пожертвовать своим настроением в пользу большего из них. Короля приносят в жертву — и он умирает. Когда ребёнку двенадцать лет, он уже не знает, какое настроение у него сейчас.

Мужчина, Король которого ушёл, не знает, имеет ли он право решать, как провести день. Когда мой Король слаб, я спрашиваю мою жену или детей, что правильно для меня. У меня бывали удивительные приключения при покупке свитеров. Например, я не могу решить, какой свитер лучше: зелёный или фиолетовый. Моя жена говорит: «Фиолетовый — красивее». И зелёный свитер действительно выцветает в моих глазах, цвет меняется, становится уродливым. Я не могу поверить в то, что когда-то находил этот свитер притягательным.

У некоторых людей Король силён, когда они говорят или читают лекцию перед аудиторией, умеренно сильный Король, когда они обмениваются мнениями с пятью-шестью людьми, и слабый Король, когда они находятся наедине с другим человеком.

Многие мужчины поколения нынешних сорокапятилетних или близко к тому, проецируют своего неразвитого внутреннего Короля на Джека Кеннеди, который открыто говорил о Камелоте, и на Мартина Лютера Кинга, и на Бобби Кеннеди. Когда в США силы, бывшие против любого духовного царства убили обоих Кеннеди и Короля в середине карьеры, это было катастрофой для многих мужчин того поколения. Некоторые мужчины говорили мне в слезах, что они потеряли что-то тогда, и никогда не обрели этого вновь; они никогда не вернулись на трек.

Лидеры, таким образом, должны быть достаточно сильными, чтобы юноши могли позволить им нести их внутреннего Короля некоторое время, и достаточно долго прожить, чтобы юноши, всё ещё неповреждённые, могли принять его обратно и оставить жить внутри себя.

У юношей, пришедших во взрослую жизнь во времена правления Рейгана и Буша есть другая проблема — найти кого-то, кто смог бы нести их Короля. Эдвин Миз, конечно, не мог этого сделать, как и Джон Пойндекстер, как и другие мужчины, причастные ко лжи вокруг Контрас. Рейган как актёр, играл роль, но не мог быть честным. Предательство страны во время ссудно-сберегательного скандала и Демократическими и Республиканскими сенаторами только усугубляет ситуацию. Если у юношей нет публичного мужчины, которому они могут доверить их Короля, как они могут развивать Короля внутри себя?

Моё поколение отдало своего Короля Рузвельту, Эйзенхауэру, генералу Брэдли, сенатору Фулбрайту и другим мужчинам, которые несли его с честью. Мы ничего не знали о мифологии вокруг Короля, когда нам было по двадцать лет, но мы чествовали некоторых мужчин, которые, хотя и не были Королями, несли порядок, даже благословение.

Когда внешний или король-по-крови падает, его погружение во мрак вовлекает хрупких Королей в двух других слоях, увеличивая скорость их низвержения. Падение слабых королей ускоряет падение двух других по законам симпатической магии.

Как же может возродиться внутренний Король, когда мифология ушла, и нет политических лидеров, которые могут носить его даже в течение нескольких лет?

Процесс возвращения внутреннего Короля к жизни начинается, когда мы смотрим вглубь себя, начинаем обращать внимание на мельчайшие желания — ловим намёки на то, чего нам действительно хочется. Уильям Стаффорд пишет, что это как взять пальцами кончик золотой

нити. Мы замечаем повороты мысли или языка, что радует нас. Кто помнит в сорок или пятьдесят, какие типы женщин и мужчин нам действительно нравятся. Какие изыски мы чувствовали в детстве до того, как отдали свою жизнь, чтобы угождать другим людям, или быть для них медсёстрами, или делать то, что они хотят? Мифологически, зацепить кончик золотой нити — это будто выхватить лишь одно перо из горячей груди Жар-птицы.

Уменьшение отца и распад внешнего Короля делают тоску по внутреннему Королю интенсивным, почти невыносимым. Я бы сказал, что после внимания к мельчайшим желаниям, следующий шаг — это не разрешение, а долгая скорбь по умершему внутреннему Королю в окружении его мёртвых воинов.

Внутренний Король после пробуждения требует питания и чествования, если он хочет остаться в живых, и каждый мужчина или женщина выясняет для себя как его осуществить. Женщины тоже имеют Короля, как и Королеву. Разницу между ними мы обсудим в другое время.

Просто побыть в контакте со Священным Королём двадцать минут стоило для Йейтса всех годов труда, потраченных на это. Вот его поэма:

Мой пятидесятый год пришел и ушел.
Я сидел, одинокий мужчина,
В переполненном Лондонском магазине,
Открытая книга и пустая чашка
На мраморной столешнице.
Когда на магазин и улицу я смотрел
Мое тело на мгновение полыхнуло,
И двадцать минут, чуть больше или меньше
Казалось, так велико мое счастье,
Что я был благословлен, и мог благословлять.

Двойной поток внутри Священного Короля

Король в своих верхних покоях приходит к нам с сияющим лицом — он благословляет, он поощряет творчество, одним только своим присутствием он устанавливает порядок во Вселенной. Но, как столь ярко и убедительно описывал Роберт Мур, есть и вторая, тёмная сторона Короля, которая становится проклятием всех юношей, отбивает всякую охоту к творчеству, создающая — одним своим присутствием — разлад и беспорядок.

Если эта круговерти и бури бытия являются частью природы, то мы можем убедить себя, что день всегда будет сопровождаться ночью, и что заводы будут производить как ядовитые, так и полезные вещества.

Священный Король посылает своё сияние вниз сквозь атмосферу, но и Ядовитый Король также посылает своё сияние. Это означает, что в политическом мире будет и Ирод, и Артур. Мы знаем, что если Ирод видит даже чуть-чуть мужского творчества в своём Королевстве, он будет двигаться к убийству всех юнош, чтобы избавиться от него. Искривлённый Король и Целостный Король существуют вместе в вечном королевстве, как в некоторых традициях, считающих Дьявола братом Христа.

Мы можем логически вывести, что каждый мужчина на Земле переживает Разрушающего Жестокого Воина так же, как Созидающего Воина, и Тёмного Обманщика так же, как Игривого Ловкача. Из «Белоснежки» мы узнаём, что девушки переживают Ядовитую Королеву так же,

как Питающую Королеву, а из греческой мифологии мы знаем, что есть Афина Приводящая в Оцепенение, и есть Афина Оживляющая.

Два потока, таким образом, стекают вниз от Священного Короля. Потоки

Благословляющего Короля стекают прямо в Черчилля, а потоки Искривлённого Короля стекают прямо в Сталина.

Двойной поток внутри отца

Майкл Мид нашёл сильную африканскую историю, которую мы уже пересказывали в первой части. Она начинается с того, что сын и вместе идут на охоту. Отец ловит крысу. После того как сын выбрасывает отцовскую «крысу» (это может быть родом деятельности его отца), отец наносит ему сильный удар топором. Сын, пролежав некоторое время без сознания, приходит в себя, в полночь проскальзывает в дом своих отца и матери, берёт свою одежду и уходит.

После «долгого пути во тьме» мальчик приходит в деревню, где все спят кроме вождя, чья хижина в центре деревни ярко освещена. Мальчик рассказывает свою историю вождю, и он говорит:

— Ты сможешь сохранить секрет?

— Какой секрет?

— Мой сын был убит в битве и никогда не вернётся домой. Я хочу, чтобы ты стал моим сыном. Ты сможешь сохранить этот секрет?

Теперь мы находим наставника в этом мире, или Священного Короля в ином мире. Мальчик соглашается стать сыном вождя, проходит разнообразные испытания, сидит с ним в королевской хижине. Однажды его отец приходит в деревню, ища сына. «Я хочу вернуть сына». Итак, проблема отца до сих пор не решена.

Мы можем сказать, что каждый из нас имеет дело с этой отцовской проблемой. Раньше или позже, мы вновь будем иметь дело с той стороной отца, что ударила нас топором.

В «Превращении» Кафки сын просыпается однажды утром и обнаруживает, что почему-то превратился в жука с панцирем. Мы подозреваем, что отравленная сторона Великого Отца имеет к этому отношение. Сын-насекомое заползает под свою кровать и живёт там, тренируясь время от времени ползать по стенам гостиной пока семья отсутствует. Однажды отец неожиданно возвращается и, видя сына-насекомое на стене, бросает в него яблоко, которое вминает оболочки и защиты в его мягкое внутреннее тело.

Когда яблоко из Эдемского сада сминает оболочку, мы выпадаем из психологического мышления и попадаем в мифологическое. Отец несёт всё сразу от злокачественного и стыдящего Иеговы на каком-то фантастическом, космическом уровне.

Кафка очень хорошо описывает как отец содержит обоих Королей одновременно. В своей истории «Процесс» пожилой и видимо маразматичный отец изменяет размер несколько раз. Когда сын провожает отца в свою комнату, отец, старик, предстает маленьким ребёнком, играющим с цепочкой от часов сына. Но однажды в кровати сына, отец вскакивает и задевает пальцами потолок. Он заявляет сына своим лучшим другом и доверенным лицом, и он же обрекает сына на смерть от утопления. Его авторитет столь велик, что сын осуществляет

предложение немедленно. Когда он скользит по железнодорожному мосту в реку, то говорит: «Дорогой родитель. Я всё равно люблю тебя».

Каждый отец наследует тысячи лет хитрого и сложного отцовства. Явно слабый отец может контролировать всю семью из-под своего молчания. Если отец алкоголик, его алкоголизм может быть масштабной операцией, проводимой с педантичностью Наполеона с тем, чтобы править домом наиболее экономичным способом. Разрушающий Отец не даёт энергию своей семье, но вычерпывает её из них в какую-то чёрную дыру, укрытую в нём. Он черпает энергию постоянно, как великие тираны, мы знаем, черпали её из своих граждан.

Король-отец в сказке братьев Гримм «Шесть лебедей», потерявшись в лесу, из трусости соглашается взять в жёны «дочь ведьмы», чтобы выйти. Он стал отцом, впусившим в дом силы зла. Наш отец из трусости или страха мог организовать наши несчастья ещё до нашего рождения.

Я участвую в мужских встречах, где попытки мужчины бороться с топором-отцом изливаются в крики ярости, которые могут продолжаться в течение двадцати минут. Большинство мужчин, если их спросить, очень хорошо помнят удар отца, и где именно он свалил их.

Один мужчина говорит: «Топор ударил меня в левую сторону головы», другой: «по спине между лопаток», третий: «прямо вниз через макушку», четвёртый: «в пах». Некоторые мужчины говорят: «Он бил меня, когда мне было тринадцать, и я убью его, если он появится в этой комнате». Мы слышим яркие рассказы об отсутствии советов, поддержки, любви, и в то же время сарказма, жестокости, холодности. «Ты никогда не будешь даже наполовину таким мужчиной, как я». Мы слышим об оставлении с проскальзывающим время от времени намёком на убийство.

Способность некоторых мужчин увидеть «топорную сторону» их отцов очень восхищает меня. Конечно, каждый из них может оказаться в ловушке этого взгляда. Джеймс Хиллман замечает: «Если вам до сих пор причиняет боль событие, произошедшее в двенадцать лет, это означает, что вам больно сейчас».

Другие мужчины — огромное их количество — не испытывают гнева или вины. Наоборот, они чувствуют крепкую кровную связь со своими отцами, и наказания видятся ими как второстепенная вещь. Некоторые рассказывают о щедрых, поддерживающих отцах, которые хвалили, любили и защищали их, как могли, и даже инициировали их, как могли, в отсутствие старых инициаторов. Для первой группы это звучит как обеление отца. Такого не может быть.

Некоторые мужчины из второй группы были способны понять психологию своих отцов. Если мы принимаем психологию своих отцов, то можем вытащить из себя прощение, сложность, юмор, символические нюансы и сострадание. Сердце начинает таять. Мы понимаем как мало любви досталось отцу, как мало внимания. Мы учитываем его детские травмы. Понимание психологии, однако, редко увеличивает отца. Вместо того чтобы видеть, что он сделал, доброе или злое, мы видим то, что он не мог не делать. Понимание психологии может оставить размер отца прежним, возможно даже сделать его более маленьким, но одновременно более принимаемым и менее чуждым.

Нет правильного способа думать. Нет отца, который был хорошим на протяжении всего пути, всегда. Мы заключаем, что святой и отправленный потоки из картинке низвергаются вниз не только в физических королей, но и в наших собственных отцов.

Если мы видим отца незначительным, смешным, нелепым, в модном американском стиле, мы

сокращаем его до тех пор, пока для него уже не остаётся места в истории. Если мы настаиваем на том, что он был злым, всё время позорящим нас человеком, мы падаем в жертвенность и для нас тоже не остаётся места в истории.

Мифология помогает нам видеть тёмную сторону наших отцов ярко и незабываемо. Понимание того, что и мы, и наш отец существует в какой-то Великой Истории поднимает нас из нашего личного транса, и позволяет нам почувствовать, что наши страдания не персональны.

Именно через сияние Девы Марии, изливающей свет вниз на женщину, европейцы видят в женщине чистоту и сладость. Именно благодаря сиянию Бабы Яги, Кали и Дурги, русские и индусы видят жестокость женщины, её устойчивость, её открытость смерти и её страстное желание победить смерть.

Именно через сияние Священного Короля, лучезарного Артура, изливающего свет на наших собственных отцов, мы можем увидеть его доблесть и щедрость. И мы знаем, что сквозь великих Отравленных Отцов и Королей — Ирода, Крона, Сталина мы видим, как отца пожирал голод, страх смерти и настойчивое желание жить в одиночестве и хаосе.

Стремление жить с Королём

Из-за огромного голода каждый из нас, сочувствуя Королю, Священному или Благословенному Королю, хочет начать жить с ним прямо сейчас. Мы хотим перепрыгнуть нашего отца и переехать к нему. Но, похоже, мы не можем двигаться туда, пока имеет дело с топором-отцом.

На вопрос: «Почему мы не можем и дальше остаться с Королём», можно ответить: «Дети приходят к Королю, но взрослые должны сами организовать место, в которое к ним придёт Король».

Мы ищем жизненное пространство в своей голове для своего отца. Какие покои мы соорудили для него? Если нами руководит сдержанное скупое уважение, предлагаемое Джеффри Горером и ситкомками, скорее всего покои будут комнаткой в захудалом районе, с провисшей дверью, пластиковыми шторами и воняющим холодильником с протухшими продуктами. Демоны подозрений уже побывали в этой комнатке. Они каждый день выбрасывают диван в закрытое окно. Они развешивают картины Пиночета и Джесси Холмса, и привязывают маленьких чёрных собачек к батарее.

Первейшая работа сына в таком обществе — переделать эту комнату, очистить её, расширить, переоборудовать, уважить чистую и полезную сторону отца. Мужчины, любящие своих отцов просто и полно — и таких мужчин много — сделают эту работу легко. Они могут воздвигнуть наверх изображение Джорджа Вашингтона. Некоторые мужчины, конечно, знают лишь о положительных сторонах своего отца, и не имеют доступа к его тёмной стороне. Я помню юношу лет двадцати пяти, который пришёл на небольшую мужскую конференцию на Аляске. Его отец был полицейским, погибшим при исполнении. Чтобы сохранить положительный образ отца для детей, мать подняла его на пьедестал, и потому отец был не совсем человеком. Несколько лет спустя, некоторые из старых друзей отца из полиции взглянули на юношу и пригласили его на ночные посиделки. Вскоре они начали рассказывать истории о том, как его отец жульничал в карты, и как он был хорош в этом, истории о его пьянстве, и его похождениях с женщинами. Старики сделали сыну подарок, поделившись этими историями.

Мужчинам с таким идеальным отцом в их головах требуется выстроить целую комнату для отцовской ловкости, скрытности, разрушительности, пошлости — даже если он и был героем для других. Всем нам в этой ситуации требуется добавить в эти апартаменты комнату для

Разрушающего Короля и его родственников.

На контрасте, сыну, всегда знавшему жестокую и разрушительную сторону отца будет легко обставить одну из этих тёмных комнат. Возможно, журнальный столик из Письма к отцу Кафки, переплетённый кожей, отравленные дротики на стене, обклеенной этикетками Джим Бим, и кровать, на изголовье которой изящно высечены сцены из жизни Крона, пожирающего своих детей.

Чтобы расширить покои Искривлённого Короля нам требуется как Кафка или Блейк, увеличить свою вместимость для ужаса, ненависти к жизни, тирании, ревности, кровожадности. Блейк изобрёл бога по имени Уризен, проклинающего, осуждающего и взрывающего «прекраснейшие радости»; его таблетки выглядят как надгробия, а своими руками он пишет запреты. Фантазия Блейка представляет собой дополнительную комнату в апартаментах отца.

Но какой же должен построить сын во вторую комнату щедрой и благословенной стороны отца. Вновь друзья отца могут оказаться полезны, потому что иногда отец будет скрывать своё чувство юмора и щедрость даже от жены и детей. Многие мужчины рассказывали мне о помощи такого рода. «Я узнал, что мой отец в юности был великолепным танцором». «Мой отец спас человека от тюрьмы и никому не сказал ни слова об этом». «Я оценил это, когда один из стариков сказал мне: «Твой отец был единственный, кто читал книги во время Великой депрессии»». Некоторые из нас должны построить эту комнату довольно странной, признавая, что у нас избирательная память, что нечто в культуре хочет, чтобы мы были несправедливы к мужской стороне нашего отца, чтобы мы находили корыстные причины его щедрых слов, что он монстр, которым, как говорят некоторые, являются все мужчины. Для некоторых мужчин строительство этой комнаты означает найти могилу своего отца и Короля, и провести на ней долгое время, воя.

Если мы пока не сделали этих двух комнат, и не обставили их, мы не можем ожидать, что наш отец, живой или мёртвый, начнёт двигаться в них. Те мужчины, что сделали обе комнаты внутри своих душ, могли начать думать о приглашении в них наставника. Ему также понадобятся две комнаты.

Я уверен, что читатели могут сами продолжить изображения, предложенные мной здесь. Король является «мужчиной мира», и он никогда не придёт жить в этих дешёвых однокомнатных квартирах, имеющих в наличии. После наставника, мы могли бы подумать о приглашении Короля в отремонтированные покои, где жил наставник.

И Бог, будь то мужчина или женщина, также, говорят, имеет две стороны; и Бог не придёт, чтобы жить с человеком, не сделавшим внутри своей души пространства Короля, наставника и своего собственного отца, для благословенной и отравленной их сторон.

Часть 5: Мужчина как отдельное существо

Мы знаем, что каждый эмбрион в утробе матери сначала женский, и плод, выбранный быть мужчиной, прежде чем родиться, проходит сквозь сотни изменений. Джон Лавард рассказывает об одной старой традиции: камень, пока он часть горы или породы — это женщина. Он становится мужчиной, когда перемещён из своего карьера и становится отдельным. Камни Острова Пасхи, таким образом — мужчины, и камни Стоунхеджа тоже.

Мы заключаем, что каждый отец отделен. Он стоит особняком, не только отдельно от жены, но и от своих детей. Сидя на западной скале главного острова Аран, я писал о своём отце:

Тебе дальше
с материка
даже чем те гранитные скалы?
Возможно, я хочу тебя,
чтобы быть ещё дальше от земли,
чем эти Острова Аран,
быть на краю
всех человеческих чувств.

Большинство из нас хочет, чтобы отец был рядом, и в то же время, мы хотим, чтобы он был «на границе восприятия», где он уже находится.

Мифология полна рассказов о плохом отце, отце-сыноглотателе, отсутствующем искателе приключений, собственнике и ревнивом гиганте. Хорошее отцовство, желаемое каждым из нас, редко встречается и в сказках, и в мифологии. Нет хороших отцов и в основных сюжетах древнегреческой мифологии — шокирующий факт; их очень мало и в Ветхом Завете. Уран, Крон и Зевс демонстрируют три стиля чудовищного отцовства. Авраам — известный ветхозаветный отец — готов был принести в жертву Исаака, а его внук Иаков был хорошим с Иосифом, но, видимо, не с другими одиннадцатью своими сыновьями, и он, конечно, не защитил Иосифа от гнева его братьев.

Интересно, что мы находим очень мало примеров близости или дружности в отношениях отца-сына и в мифологической литературе. Король Артур излучает щедрость, но как дядя, как инициатор и проводник юношей, но не как отец.

Вполне возможно, мы никогда не будем иметь близость, которую хотим от наших отцов. «Мужчина», — сказал Джон Лайард, — «символизирует то, что каждый — это часть целого».

Я говорю об этом со слов многих юнош, желающих от отца повторения материнской привязанности и женского воспитания, не полученного от него в достаточной степени. Все, что отец даёт нам, не будет содержать той близости, которую предлагала наша мать. И некоторые мужчины должны быть рады тому, что отношения с их отцами не были близкими.

Во многих традиционных культурах, мужчины старше отца дают воспитание и учат ему. Воспитывающая мощь старейшины начинается в женском воспитании, материнском тепле, любви, пении. Позже мальчик перемещается к земле как и учитель; это время охоты, холода, ветра и штормов. Когда есть и фундамент материнского воспитания, и земные товарищеские отношения, тогда старейшины могут войти и дать мужское воспитание и своё видение.

Мужчины кажется отделены при рождении; но мы знаем также о женском опыте отделённости, особенно когда женщина, повзрослев, начинает развивать свою маскулинную часть.

Дар отца — рождение — это одно, а подарок старейшин — другое. Отец даёт вместе со своей спермой чёрную шинель, облегающую душу, невидимую в наши тёмные ночи. Он дал, и даёт обшивку, оболочку, покрытие вокруг души, делающее её напряжённой, проницательной, желающей проникать, оживлённой, импульсивной, отважной. Дар отца — рождение — не поддаётся количественной оценке. Его дар способствует любви к знаниям, любви к действиям и путям чести — к миру вещей. Это кажется особенно важным в наши дни — назвать отцовские дары.

Завершая эту главу о Короле и об отце, мы признаём, что нам здесь очень трудно. Сыновья и

дочери в Соединённых Штатах по-прежнему чувствуют «слишком мало отца», и это вероятно, не изменится. Отцы и сами-то не очень изменились; вероятно, это связано с тем, что они кажутся нам меньше, потому что мы не видим за ними или сквозь них Благословляющего или Разрушающего Короля. Отцы кажутся непрозрачными; Священный кроль кажется отдалённым отцом, и наше зрение не слишком хорошее.

Когда мифологический слой разрушается, а политические короли падают, то патриархат, как позитивная сила, закончился. Энергии Солнца и Луны больше не могут спуститься на землю. Древняя кельтская мифология содержит образ конца патриархии, вот он:

Орлы сидят на верхней ветви Священного дерева, с мёртвыми животными под своими когтями. Гниющие куски плоти падают сквозь ветви на землю, где свиньи едят их.

Мы — эти свиньи. Когда вся пища, идущая сверху, сгнила, тогда ни сыновья, ни дочери не получают настоящей пищи. Женщины были и остаются правы в своих жалобах на пищу, которую находят на земле, но мужчины накормлены так же плохо. Естественно, все недовольны: ни мужчины, ни женщины не получают настоящей пищи.* [*прим. пер.: meat — мясо, пища, ядро, суть, содержание]

Это не означает, что мы должны снова строить патриархат, но мы должны понимать, что голодаем. Тем труднее навестить Короля, чем более мы голодны. Осознание об отсутствии отца на самом деле является отсутствием Короля. Наркомания не связана с колумбийскими наркобаронами, она связана с отсутствием Короля.

Мужчины и женщины бывали отделены от Короля и прежде; это разделение уже не раз происходило в прошлые века. Интересно вернуться к истории, чтобы посмотреть, что произойдёт дальше.

Глава 5: Встреча с богиней в саду

Часть 1: Материнская и личная феминность

Мы уже прошли долгий путь в этой истории. Мальчик, уйдя с Дикарём, был введён в собственную душу. Если вы даёте волос душе, она покрывает его золотом. Если вы прокладываете к ней дорогу, она отвечает и расчищает кустарник, прокладывая дорогу к вам. После этого мальчику удаётся добраться до замка, пасть в пепел, и в заключение совсем недолго побывать в королевских покоях.

Что же теперь? Мы не можем остановиться в этой точке истории, потому что женское начало ещё не проявилось. Его мать, в качестве материнского начала женского рода, конечно дала ему этот опыт, но ничего кроме него. И теперь он собирается познакомиться с женским началом в его мощной, цветущей, понимающей, дикой, подстрекающей, эротической, игровой форме. Она знающая женщина на земном плане. На мифологическом плане она «Женщина Любящая Золото», как называли её в некоторых сказочных историях, или «Золотоволосая Женщина». Русские зовут её «Царица», а кельты называли её «Лунная Дорожка».

Кельты проделали большую работу в различении двух форм женской энергии (Инь-энергии), земной и звёздной её форм, лунной и солнечной. Некоторые из их размышлений можно найти в чрезвычайно старой истории, сохранившейся в Мабиногионе — Килух и Олвен.

История рассказывает, что мать Килуха сошла с ума во время беременности, и затем, испугавшись свиней родила его в загоне, где содержались свиноматки. Одна из форм Инь-энергии — это свиноматка-мать, и мы помним, что Деметра тоже была связана со свиньями. Вторая форма феминности, более эротическая и духовная, у кельтов ассоциируется с водой и луной.

Олвен означает «Лунная Дорожка». Когда кто-то стоит на берегу, глядя на зыбкую дорогу, разве можно сказать, что он смотрит на воду или на Луну. Изображение улавливается неуловимо, задумчиво, тайно, изменчиво, жизнерадостно, серебристым настроением знающей женственности. Луна притягивается к солнцу, и рисует светом солнца, поэтому в названиях «Серебряная Женщина» и «Женщина Любящая Золото» нет противоречия.

В обычной, повседневной жизни, мужчина знакомится с материнской женственностью до и после рождения — произойдёт эта встреча или нет, в зависимости от матери и её способности к соединению. Мужчина имеет множество встреч с женственностью в начальной школе и в подростковом возрасте. Мы встречаем эротическую женственность много раз до того как взять Дорогу Пепла. Наша история просто игнорирует эти ранние встречи, потому что они хотя и сладкие, но не «те».

Относительно не осознающий себя мужчина в двадцать четыре может завести интрижку с относительно не осознающей себя женщиной, которой тоже двадцать четыре — и ничего не происходит. Даже если она лунная женщина, то ничего особенного не произойдёт, если он и она не будут работать. Обычно они оба имеют ещё меньше осознанности после интрижки, чем было до неё. Джон Чивер описывает всё это в своём рассказе «Целомудренная Клариса».

Наша история расскажет о встрече с женственной женщиной, происходящей после пепла, и повествование подразумевает, что плодотворная встреча такого рода происходит только после того, как мужчина вышел из подвала и пошёл «в сад».

Давайте посмотрим, как расскажет об этом история:

Король призвал повара, отругал его и потребовал рассказать, как он мог нанять такого мальчика к себе на службу. Он велел уволить мальчика и выкинуть его из замка. Повар, однако, пожалел юнца и обменял его на сына садовника.

Теперь мальчику приходится выйти к растениям в саду, поливать их, работать лопатой и тяпкой, и выполнять всех их пожелания в ветреную или холодную погоду.

Однажды летом, когда он в одиночестве работал в саду, то настолько взмок, что снял платок с головы, чтобы бриз остудил его. Когда лучи солнца коснулись его головы, волосы вспыхнули и полыхали так ярко, что свет от них прошёл весь путь от него до спальни Дочери Короля, и она вскочила, чтобы посмотреть, что это может быть. Она увидела мальчика снаружи, и позвала его: «Мальчик, принеси мне цветы!».

Он быстро накинул платок обратно, собрал полевые цветы для неё, и связал их в букет. Когда он поднимался с цветами по лестнице, то встретил садовника, сказавшего ему: «Зачем ты принёс Дочери Короля такие обычные цветы? Иди и собери другой букет, лучший и самый красивый из всего, что мы имеем».

«Нет, нет», — ответил мальчик, — «Полевые цветы пахнут сильнее, и порадуют её больше».

Когда мальчик вошёл в её комнату, Дочь Короля сказала: «Сними свой головной убор; это неприлично — носить его в моём присутствии».

Он ответил: «Я не осмеливаюсь этого сделать. Ты же знаешь, у меня чесотка».

Однако она схватила платок и сдёрнула его; его золотые волосы упали вниз вокруг его плеч, и он был великолепен на вид. Он побежал к двери, но она удержала его за руку и дала горсть золотых монет. Он взял их и ушёл, но не взял себе, а отдал садовнику, сказав: «Я дарю это твоим детям — они могут поиграться ими».

На следующий день Дочь Короля снова позвала мальчика и приказала принести ей более диких цветов. Когда он пришёл с ними, она протянула руку к его шапочке, и сдёрнула бы её, если бы он не вцепился в шапочку обеими руками. Ещё раз она дала ему горсть золотых монет, но он снова не сохранил их, отдав их садовнику в качестве игрушек для его детей.

Третий день прошёл так же: она не могла сдёрнуть его шапку, а он не принимал золотые монеты.

Однажды, возможно в августе, он снимает платок. Он показывается под небом лишь на мгновение, и лишь на мгновение видны золотые волосы на его голове. Принцесса не видит его головы. Великолепная картинка остроумия сказочника, достойная Шекспира: солнечный свет отражается от золотой головы, и пятно света движется вверх — к стенам палат на втором этаже.

Шведы называют эти пятна света,двигающиеся на стене, «Солнечный кот». Как красиво солнце принимает участие в её первом знакомстве с юношей, для которого эта встреча будет судьбоносной. Принцесса встречает мужчину с золотыми волосами, но золотые волосы также встречают солнце. Золотые волосы до сих пор были неактивны, что-то сохранялось в скрытности. Теперь они что-то делают. Юноша чувствует, что его видели, и заменяет шапку, но уже слишком поздно. Этот момент был кайрос, как его называли греки — наилучший момент для скрытого в судьбе стать проявленным.

Мы знаем, что находимся в присутствии чего-то тщательно продуманного, когда сказочник рассказывает как солнце коснулось золотых волос, затем скользнуло к стенам палат принцессы, и оттуда погрузилось в её глаза. Через геометрическую схему сказочник использует великолепный, косвенный способ введения, привнеся в него солнечный свет. Я не могу перестать превозносить эту деталь. Понятно, что мы опять в области священного разума, только на этот раз в связи с женщинами.

Федерико Гарсия Лорка сказал:

Женщина, что может убить двух зайцев одной палкой,
Женщина, что не боится света...

Настроение от всего этого — игра света. Если некоторые алхимические метафоры присутствуют в последней части истории, когда мальчик несёт свои грубые металлы вверх по лестнице для «малой свадьбы», то мы чувствуем, что алхимическая смекалка по-прежнему здесь.

Из сотен текстов мы знаем, что это Меркурий или Гермес — тот, кто наблюдает за процессом алхимии. Эта сцена в саду с солнечными зайчиками — она как шарик ртути, что пытается понять, насколько он ртутный в своих изобретениях: остроумный, удивительный, игривый, серьёзный, увлечённый скачками. Многие мужчины могут вспомнить встречу с женщиной, оказавшуюся для него судьбоносной — в какой-то игровой форме: телефонный номер выпадает

из бумажника, или он идёт не в тот ресторан, или и он, и она одновременно спотыкаются о бордюр, или они оба выбрали одну и ту же книгу в библиотеке, обнаружив это на кассе регистрации, или собачий поводок запутывается о ноги, или им обоим дали выгодную задачу, чтобы они боролись за то, кто её сделает. Все эти переживания совпадения, одновременности, интуиции, синхронистичности, света предполагают, что должно произойти нечто, что является частью «потустороннего мира». Мы заключаем, что эта «женщина» имеет какую-то связь с потусторонним миром.

Давайте присмотримся к четырём вещам, которые мы узнали на данный момент об этой загадочной женщине.

- Во-первых, она запускает процесс: она просит у мальчика цветы.
- Во-вторых, она «Дочь Короля», так что она явно связана с Огнём Солнца, Священным Королём, или любыми словами, которыми кто-то хочет описать это великое существо в залитых солнцем палатах.
- В-третьих, ей нравится золото. Ей очень сильно нравится золотая голова мальчика. Мы замечаем, что она предлагает золотые монеты в обмен на дикие цветы.
- И наконец, она что-то знает. Король не был уверен, что под шапкой, но она знает.

Часть 3: Вхождение в сад

Всё это началось, когда повар определил мальчика на садовые работы. Слово «сад» в мифологической традиции означает сад, обнесённый стеной. «Сад» предполагает выделенное место, отделённое от фермы, поля, леса или пустыни для того, чтобы люди могли возделывать там изысканные растения и цветы. Садовник приносит в него редкие розы, необычные зёрна, побеги персидской груши, новые сорта яблонь, вьющиеся лианы. Дикие растения внутри сада развивают нужные садовнику качества.

Мы знаем, что европейские сады Средневековья во многом вдохновлялись чертами садов, процветавших в Персии, Аравии и других странах Ближнего Востока. Среди таких черт: геометрические конструкции клумб, причудливой формы фонтаны в центре и необыкновенные ассоциации с алхимией. Алхимические тексты Средневековья показывают, как должен выглядеть сад или фонтан. Каменный фонтан, например, трёх-четырёх футов высоты, построенный над колодезем, был порогом или туннелем, разливавшим воду на четыре направления. Алхимики называют такой фонтан *Fans Mercurialis*, что означает Колодец Меркурия, или Колодец Гермеса.

Греческий бог Гермес издревле связан с Полезными садами, а на самом деле со всем огороженным или намереваемым. Я нахожу очаровательным, что банка с персиками, например, «герметично закрыта». Гермес руководит формированием сосудов и созданием огороженных мест, особенно в областях, отведённых для внутренней работы. Обитель монахинь, комната для медитации, глубокий колодец, ниша для божества, отношения в которых мы намерены развивать священное древо, закрытая гробница, комната любовника, студия философа, алхимический сосуд и все герметичные контейнеры.

Университеты были некогда садами; и я знаю людей около пятидесяти, кто сейчас оставил свой бизнес и зарегистрировался в средневековых студиях университета. Некоторые на самом деле переехали в комнату в колледже. Для них такая студия — это сад, обнесённый стеной.

По всей латинской литературе, а позже итальянской, французской и испанской, образ *Hortus Conclusus*, сада, обнесённого стеной — предмет многих поэм и их обрамление. Самая хорошая поэма — это *Hortus Conclusus* — личная, загадочная, таинственная.

Критики XX века относятся к поэзии и Эудженио Монтале, и Стефана Малларме, и Пауля Целана как к алхимической. Джерард Мэнли Хопкинс, поэму которого я нежно люблю, описывает человека, стремящегося к обнесённому стеной саду, и то, как упорно он идёт, создаёт звуки поэмы в этом саду. Название поэмы «Небесное убежище», а подзаголовок «Монахиня, принявшая постриг».

Хочу бродить все дни,
Где всё цветёт,
В полях, где слепней нет, и град не бьёт,
Где лилии одни.
Прошу, о, дай мне кров,
Где есть покой,
В той гавани, где молкнет вал морской,
И нет штормов.
Пер. Лукьянова А.В.

Войдя в сад, мы уходим от дождя ударов, предлагаемых «миром», и находим временное убежище. Сады эпохи Ренессанса в Северной Европе сохранили настроение упорядоченного двора в классическом римском доме.

«Где всё цветёт» — это качество сада. Если мужчина или женщина подверглись сексуальному насилию в детстве, или жили в какой-либо форме «неблагополучной семьи», ему или ей рано или поздно понадобится «Небесное убежище». История говорит, что каждый из нас нуждается в этом.

Огороженный сад — это укрытие от мира, и место, где лечится сломанное доверие. В «Пёстрой шкурке», истории Братьев Гримм, сад имеет форму полого дерева. В этом дереве героиня, «Пёстрая шкурка» (её тело покрыто слоем грубого меха) живёт какое-то время.

Огороженный сад — это ещё и место для сосредоточения на самом себе. Рильке сказал:

Я слишком одинок в этом мире, и не достаточно одинок, чтобы сделать каждый момент святым
Я слишком мал в этом мире, и не недостаточно мал чтобы просто лежать перед вами, как вещь, умный и скрытный
Я хочу чтобы всё было по моей воле, и я хочу просто быть с моей волей
Когда она переходит к действию,
в тишине, иногда ворочая время,
Когда что-то приближается,
Я хочу быть с теми, кто знает секретные вещи
Или же быть одиноким.
Перевод Роберта Блая

Можно сказать, что греческая богиня Деметра владеет поверхностью земли, пшеничными полями, ячменными полями, оливковыми рощами, огородами, пастбищами. Мы помним, что её дочь, Персефона, играет в один прекрасный день на одном из этих цветущих полей, когда Плутон, или Аид, забирает её вниз и внутрь. Она идёт, чтобы жить с Плутоном, чьё имя означает «богатство», и также все мы идём в сад, обнесённый стенами, чтобы обрести богатство души, которым особенно богато горе.

Мужчин безымянный бог пошлин сковывает на поверхности земли; и все фондовые рынки, все футбольные поля, все корпорации парковок, все дачные массивы, все офисы, все полигоны принадлежат ему. Здесь мужчина создаёт стенд, создаёт ферму, создаёт впечатление, создаёт империю, но рано или поздно, если ему повезёт, приходит время идти внутрь и жить в «саду». Дикарь здесь, как и Персефона. В саду, где мужчина находит богатство души.

Можно сказать, что в обнесённом стеной саду, как в алхимическом сосуде, образуются новые металлы, и тают старые. Свинец депрессии расплавляется и становится горем. Нацеленность на успех, олово настойчивости соединяется с медью Афродиты и превращается в бронзу, которая хороша для создания щитов и изображений богов. Далее огороженный сад предлагает выращивание в противоположность неопытности, границы в противоположность неограниченной социальности, душевное беспокойство в противоположность космическому наваждению, страсть в противоположность сексуальности, рост души в противоположность распространённой жадности к вещам.

Это небольшое стихотворение Лорки даёт подсказку о том, что такое таинственный рост душевного желания, воодушевляемого садом:

Роза
Не искала восхода солнца
почти вечного на своей ветке.
Она искала что-то иное.
Роза
Не искала тьмы или науки
На грани плоти и мечты
Она искала что-то иное.
Роза
Не искала розы
В небе неподвижные.
Она искала что-то другое.
Перевод Роберта Блая

Эта новая работа в саду означает выход из подвала в пространство ветра и погоды. Семена прорастают, сезоны сменяются, падает листва, луковицы прорастают в новые стебли в саду. Теодор Рётке сказал:

Я изучаю жизнь на листке: маленькие
Спящие, немые подталкиватели в холодных пространствах
Жуки в пещерах, тритоны, совершенно глухие рыбы,
Вши привязаны к длинному хрому подземному сорняку,
Извиватели в болотах
И бактериальные ползатели
Извиваясь через раны
Как молодые угри в пруду,
Их изнурённые рты целуют наложенные швы,
Очищая и лаская,
Ползая и исцеляя.

Навоз изменяет себя в листья, розы и яблоки; наши бедствия, как мы понимаем, происходят не

по нашей вине, и было бы неправильно винить себя во всех или любой из них. Пока в саду мы продолжаем работу «во тьме», но тьма сейчас напоминает чернозём. Персидский поэт Руми в одном пассаже радостно упоминает, как стихи и картины вырастают в нём почти без усилий. Затем он говорит:

Но реальная работа ведётся за пределами
Кем-то копающимся в земле.
Перевод Коулмана Баркса

В саду душа и природа женятся. Когда мы любим возделывание больше, чем азарт, мы готовы к началу сада. В саду мы возделываем острую тоску и сильное стремление — такие странные не-американские чувства — и замечаем крошечные желания. Обращать внимание на мелкие, едва заметные чувства — это путь в сад. Так ведут себя влюблённые.

Закрытый сад — это подходящее место для любовников. Пример отравленных любовников в средневековой литературе — Тристан и Изольда, например, осуществляют свои опасные встречи в саду. В саду можно встретить молодую девушку, мудрого старика или Короля прогуливающегося «в прохладе дня». Удивительно, как часто образ сада появляется в любовной лирике, особенно среди арабов. Аль-Мунтафи сказал:

Есть родинка на щеке Ахмада, привлекающая всех тех, кто сейчас не влюблён; это розовый сад, чей садовник абиссинец.
Версия Р.Б.

Поэма прекрасно описывает «тёмного человека», которому принадлежит сад. Самые важные события в жизни великих любовников происходят в Саду Открытом Не Для Всех, и следовательно, мы можем сказать, что наиболее значимые события в жизнях наших душ происходят в этом же саду.

Сад, обнесённый стенами призывает поощрять истинное желание бесконечно больше, чем жадность к объектам; и мы знаем, что все истинные желания опасны. Ибн Хазм говорит:

Встреча, должна оставаться в секрете, достигает
Интенсивности, невозможной для открытых встреч.
Это восторг, смешанный с опасностью,
Как идти по дороге через зыбучие дюны.
Версия Р.Б.

Когда два человека находятся в интимности любовных отношений, особенно такой, что должна быть тайной — они могут чувствовать себя твёрдостью, переходящей в жидкость, и жидкостью превращающейся в воздух. Тепло Эроса — это восторг, смешанный с опасностью.

Посвящение затем приглашает юношу в определённую точку, чтобы он стал любовником: то есть, чтобы он возделывал любовника в себе от семени до цветка. Мы знаем из «Ромео и Джульетта» Шекспира и других описаний эпохи Возрождения, что для юноши того времени не было чем-то удивительным взять два или три года, чтобы научиться быть любовником. Мы вместо этого проводим те годы в ВУЗе. Юноша будет научиться играть на музыкальном

инструменте, потому что резонанс струн влияет на сердце; он будет учить стихи «сердцем», практиковать их наложение на собственную музыку, а потом петь их сосредоточенной на себе женщине, сидящей за железными оконными решётками. Это была работа в саду, содержащая страстное желание.

Роберт Мур предлагает фразу «благодарное сознание», как способ описания природы любовника. Если кто-то ценит гармонию струн, солнечного света на листе, благодать ветра, складки занавеса, он может войти в сад любви в самые неожиданные моменты. И даже более: после того, как мужчина и женщина влюбляются, лист выглядит лучше, повороты беседы несут больше благодати, плечи ставятся более красивыми. Я заметил, что мы даже любим маленькие города:

Когда мы влюблены
Мы любим траву и амбары, и фонарные столбы,
И небольшие центральные улицы пустынные всю ночь.
-Р.Б.-

Любовники полны похвал:

Среди папоротников я узнал о вечности.
Ниже твоего живота — курчавое место.
Сквозь тебя я научился любить папоротники на берегу,
И изгиб, что оленьё копыто оставляет в песке.
-Р.Б.-

Когда человек влюбляется в женщину или мужчину, то тем более находится в саду. Руми сказал:

Приходите в Сад весной.
Там вино, и возлюбленная в цветах граната.
Неважно, если не пришли вы.
Неважно, если вы пришли.
Перевод Коулмана Баркса

Работа в саду может начаться неожиданно. Болезнь, запирающая страдальца в комнату на несколько недель, может быть его огороженным садом. Несчастный случай привести его туда. Торо, с другой стороны, предпочёл жить в домике, построенном им самим; и он, и его дом, и Уолденский пруд были его садом. Он очень хорошо знал, что стал любовником, и сказал: «Пара найдена для меня наконец, я влюбился в молодой дубок.»

Некоторые мужчины, входя в сад, начинают вставать в 5 утра, и сохраняют для себя час каждое утро перед работой. Отец для того, чтобы делать это, может противостоять своему же убеждению, что его жизнь принадлежит его работе, его детям и его браку.

Уход за садом и жизнь в нём означает внимание к границам, и иногда нам нужны границы, чтобы препятствовать нежелательному входу и занятию навсегда или на время.

Я слишком мал в этом мире, и недостаточно мал
Просто жить перед вами, как мысль...

Пристрастие к совершенству, как Мэрион Вудман напоминает нам, означает не быть в саду. Тревожная жажда совершенства уничтожает растительность. Стыд мешает нам возделывать сад. Мужчин и женщин охватит стыд, когда ухаживая за своим садом, они будут вырывать и сорняки, и цветы из-за того, что так много их чувств кажутся им дефектными или грязными.

Что же мы так любим, что готовы защищать от посторонних? Это хороший вопрос для создателей сада.

Неважно, как глубоко я спускаюсь в себя
мой Бог есть тьма, он словно тесьма
из сотен корней, пьющих в тишине.
Рейнер Мария Рильке, переведено Р.Б.

Часть 4: Золотоволосая женщина и чрезвычайное смущение

Девушке в нашей истории удалось привести мальчика с золотыми волосами под шапкой в свою комнату. Что это может быть для обычного мальчика?

Я помню мужчину, рассказавшего мне, как пятнадцатилетним он работал официантом на горном курорте. Он и другие мальчишки были в полном порядке, пока однажды в столовую не вошла шестнадцатилетняя блондинка — высокая, красивая, независимая. Всё было кончено в одно мгновение. Пятнадцатилетний мальчик утонул под волнами, наполнился мыльными пузырями, он был потерян.

Интересно, что и он, и его в равной степени взволнованные друзья только и говорили о ней. Они тратили несколько часов после работы на обсуждение того, кто говорил с ней сегодня, что она одела на завтрак, к кому она подошла, кто сидел за её столом. Её лицо и её красота, казавшаяся недоступной и неуязвимой, заставила их всех почувствовать себя голодранцами, немymi кусками земли, безнадежно привязанной к материальному деревенщиной. Она же была выше материи.

В течение трёх недель одержимость крепла; они просыпались каждое утро в лихорадке. Затем лето закончилось, она ушла, вот и всё, что было. Это было исключительное событие лета, единственное.

Шестнадцатилетняя девушка не была женщиной с золотыми волосами, но мальчики не знали этого. Они увидели то, что увидели: Лунную Дорожку — и были чрезвычайно смущены.

Девушка в свою очередь в равной степени смущена. В реальности у неё может отсутствовать самоуважение, она может быть не уверена в себе, пристыжена, она даже чувствовать себя жертвой, но снаружи, в сиянии своего лица, она королева, сдержанная, золотая и неуязвимая. Золотая Женщина в другом мире дарит ей своё сияние сквозь атмосферу, и сияние появляется на лице девушки. Её красота — достаточно хорошая ловушка для потусторонней тоски мальчиков; она вписывается в их шаблон, в их генетическую память. Они ловят один взгляд и лето заканчивается.

Если мальчикам было по восемнадцать, один из них мог заговорить с ней, ухаживать за ней.

Возможно даже заняться с ней любовью; и всё, что он понял, это что она — не «она». Какое разочарование! «Как я мог так ошибиться?» — говорит он себе. Когда она спрашивает, почему он потерял интерес, он даже может рассказать ей о своём разочаровании.

Мы видим здесь источник огромного отчаяния в некоторых мужчинах, и много страданий в некоторых женщинах. Мужчина может повторять ухаживания и разочарования снова и снова. Один тридцатипятилетний мужчина сказал мне, что путаница в любовницах разрушила его жизнь. Его жизнь прошла так: он видит женщину через комнату и сразу знает, что это «Она». Он влюбляется, преследует её, чувствует дикое возбуждение, страсть, бьющееся сердце, одержимость. Через несколько месяцев всё разрушено; она становится обычной женщиной. Он смущён и озадачен. Затем он снова видит лицо, сияющее сквозь комнату, и старая уверенность возвращается. Её лицо, кажется, шепчет: «Все те, кто любит Золотоволосую Женщину, придите ко мне». Она даже не понимает, что шёпотом посылает это сообщение. Конечно, шёпот даёт ей большую власть, потому что мужчины предлагают изменить свою жизнь ради неё. Но это не реальная власть, и когда мужчины покидают её, она чувствует себя ничтожной, маленькой, брошенной и беспомощной. Поколение назад миллионы мужчин с Восточного побережья отдали свою тоску Золотоволосой Женщине Мэрилин Монро. Она попыталась взять её и умерла из-за этого.

Великолепие Священного Короля спускается на общественного деятеля, лидера и отца, которые могут принять его. Великолепие Женщины с Золотыми Волосами спускается из её внутреннего светящегося пространства на публичные фигуры, такие как Мэрилин Монро или Мерил Стрип, и далее к шестнадцатилетней девушке на горном курорте. Под неуязвимым лицом находится обычная девушка, очень уязвимая, её тянут вверх и вниз эти обезличенные безжалостные силы.

В течение XII-XIII веков всё это было понятно. Поэты-трубадуры под религиозным влиянием мусульман, пишут поэмы о Золотой Женщине. Они делают её более понятной, описывая как «жену Лорда Замка». Для этого поэтического описания имеются и другие причины, сохраняющие настроение сдерживания и тайны.

Жены лордов были мудрыми женщинами, и знали, что желание души могло быть удовлетворено здесь. Некоторые женщины того времени сами стали поэтами-трубадурами. Когда женщина-трубадур, такая как Графиня де Диа, являвшаяся великой поэтессой, восхваляет мужчину, она смотрит сквозь мужчину на светящуюся фигуру позади него, как и мужчины-поэты, восхваляющие женщину.

Если древний грек видел мужчину с энергией Зевса, он никогда не сказал бы: «Этот мужчина — Зевс». Его мифология различала эти слои. Сейчас, когда мифология рухнула, современные мужчины снова и снова путают живую женщину с Золотоволосой Женщиной. Живая женщина с желудком, тонким кишечником и нарушенным детством — это не женщина из света. Человек, который может незаметно пукать в лифте — это не божественное существо, и мужчина должен знать это.

Что означает, когда мужчин влюбляется в сияющее лицо на другом конце комнаты? Это может означать, что ему нужно произвести некоторую душевную работу. В его душе разногласия. Вместо того, чтобы преследовать женщину и пытаться лишить её покоя вдали от её мужа, он должен остаться в одиночестве, возможно в горной хижине, месяца на три — писать стихи, спускать каноэ на реку и мечтать. Это спасло бы некоторых женщин от множества проблем.

Я не говорю, что влюблённость — это иллюзия, и что к романтической любви нужно всегда относиться с подозрением и сбрасывать её со счетов. Целостность — тонкая материя. Вполне

возможно, что Роберт Джонсон, часто столь точный и прекрасный в своих трудах, относился к романтической любви слишком подозрительно. Другое недоразумение — принятие юнгианцами этого отвратительного слова «анима» и описание каждой красивой женщины, с который ты познакомился как «анимы».

Когда мужчина говорит женщине: «Ты моя анима», она должна сразу закричать и убежать из комнаты. Слово «анима» не имеет ни величия Женщины с Золотыми Волосами, ни величия обычной женщины, желающей быть любимой как женщина.

Когда женщина, которую мужчина никогда не встречал, появляется во сне, это может означать, что Женщина с Золотыми Волосами приблизилась к нему. Это стихотворение называется «Послеобеденный Сон с Женщиной, Которую не Знал».

Я проснулся и вышел. Ещё не рассвело.
Петух утверждал, что был серпом Луны.
Ветряная мельница была лестницей, заканчивающейся на облаке из подлив.
Измельчитель кормов рычал на соседней ферме.
Мороз прополоснул облака на всю ночь.
В моём сне мы остановились на кофе, мы сидели одни возле камина, рядом с нежными чашками.
Я любил в тот день, и всю оставшуюся жизнь.
Р.Б.

Джон Фаулз отмечал, что его роман восходит из одной картины, увиденной им в течение 10 секунд во сне. Женщина с частично закрытым шарфом лицом стоит на краю причала в шторм.

Мэрил Стрип великолепно показала эту сцену в фильме. Позже становится понятно, что Таинственная Скрытая Женщина, как я назвал её в другом месте, любит уединение, нависающие деревья, тёмные места под мостами, полутёмные комнаты. Один бурный сексуальный шторм в сенном сарае значит для неё больше, чем три года тёплой любви; она хочет страсти и цели в мужчине, и она несёт в себе важное желание — страсть — среднее между эротическим чувством и религиозным пылом.

Данте, знавший поэтов-трубадуров Прованса с ног до головы, написал несколько поэм о наивной девочке в горах Кэтсвила, точнее, он писал о женщине, осознающей свою ношу, что делает её не наивной, но мудрой.

Женщина, что я боготворю, несёт восторженную любовь в глазах.
То, на что она смотрит, становится всё менее житейским.
Когда она идёт, каждый мужчина оборачивается и смотрит на неё.
И если она его замечает, сердце трепещет в его груди.
Так, что опустив глаза, он бледнеет,
И чувствует в груди каждую из своих слабых сторон.
Погруженность в себя, лелеянье себя, остались позади неё.
И все вы, женщины, помогите мне описать это правильно.
Когда мужчина слышит этот голос, кротость и забота,
И способы служить другим приходят в его грудь.
Я сказал тогда много похвал, тому, кто первым увидел её.
И когда она улыбается, даже ненадолго, появляется ощущение
Чего-то, что я не могу ни описать, ни удержать в памяти,

Это всё какое-то чудо, свежесть, изумление.
Переведено Р.Б.

Ирландская красавица Мод Гонн посетила Йейтса, когда ей было восемнадцать. Она стала для него той самой. Он написал для неё много поэм, стал выступать ради неё на публике, любил её и делал ей предложения до тридцати лет, пока не сдался и не решил жениться на обычной женщине. Даже после того, как он принял это решение, ему было трудно выбросить её из головы. Пока его друзья оглядывались вокруг в поисках жены для него, он написал это стихотворение:

Одно было любимое лицо,
И два-три очаровательны,
Но очаровательные лица были пусты,
Потому что горные травы
Не могут сохранить форму
От спавшего на них горного зайца.
— «Память» из сборника поэм

Горные зайцы дики; он указывает на связь Моды Гонн со всей её дикостью. Мы помним, что мальчик в нашей истории говорит о Богине: «Дикие цветы порадуют её ещё больше».

Также как политический король и наш отец получают сияние, что стекает или изливается из Священного Короля, так Мод Гонн и всякая живая женщина получают сияние, изливающееся из Святого Женского Начала или Золотой Женщины.

Мы знаем, что фраза «женское начало» не взаимозаменяема со словом «женщина». Женщины участвуют в женском начале так же, как вода в сосуде участвует в свете, когда свет проходит сквозь неё. Кабир говорит: «Возьмите сосуд, полный воды, и опустите его в воду — теперь есть вода внутри, и вода снаружи». Так же женственность — широка как океан или солнечный свет, бесконечна, вне сосудов, пока не поймана здесь и сейчас, окутана здесь и сейчас — иногда женским телом, иногда мужским. Но каждое тело содержит лишь вкус океана, благоухание моря. Блейк скажет: «Обнажённое женское тело — часть вечности, слишком великая для глаз мужчины».

В нашей истории этим сосудом с океанской водой становится Дочь Короля. Почему мы не могли завершить инициацию юноши без неё? У всех нас есть идеи по этому поводу, и я поделюсь одной.

Каждый мужчина и каждая женщина на этой станции находятся на дороге от Закона к Легендам. Как, наверняка, и каждый человек, читающий эту книгу. Легенды стоят за влажным, болотистым, дикими, не прирученным. Легенды влажны если сравнивать их с сухостью Закона. Нужно двадцать лет, чтобы понять Законы, и вся оставшаяся жизнь, чтобы от них добраться до Легенд.

Закон основывается на предписаниях, нужных для того чтобы оставаться живым; на правилах, которые говорят на какой стороне дороге нам ехать; на законе всемирного тяготения. Мы должны усвоить аксиому, что мы не можем набрать в свои лёгкие воды и дышать; диктат, удерживающий нас от убийства друг друга из-за небольшого упрёка; канон против самоубийства; постулаты, стимулирующие бережность, вежливость и адекватность; принципы, помогающие контролировать наше безумие. Некоторые мужчины остаются с правилами.

Йейтс, говоря о таких мужчинах, становящихся учёными, говорит:

Все изворачиваются здесь; все харкают в чернила;
Все протирают ковры своими ботинками;
Все думают, что думают другие;
Все знают мужчину, которого знает их сосед.
Господи, что они подумают
Когда их Катулл пойдёт тем путём.

Каждый из нас на этом пути от Закона к Легендам, от догмы к Мидрашу, от чересчур покорного мужчины к дикости. Мальчик в нашей истории явно идёт в этом направлении. Свидетельство тому — его разговор с Дикарём о его золотом мяче, и всё то, что происходит с ним позднее. Чем ближе мужчина подходит к Легендам, тем ближе к нему или к ней глубина, влажность, спонтанность и шероховатость. Некоторые кельтские легенды описывают «птицу с человеческой головой», которая рассказывает юному герою о лохматой лошади. Эта лошадь приносит юношу на берег океана, где молодёжь бросает буханки хлеба драконам, и в нужный момент сбрасывает его с себя. Так мы двигаемся от Георгия Победоносца к дракону.

Как началось это движение? Писатель и аналитик Джон Лавард говорит, что когда мужчина готов сделать решительный шаг навстречу «Легендам», женственная фигура, чьё лицо «смотрит в обе стороны» может появиться в его снах. Она будто имеет два лица: одно смотрит на мир с правилами и законами, а другое — на мир драконьего желания, влажности, дикости, взрослой мужественности. Эта фигура из сна — не женщина из плоти-и-крови, но вечная фигура из света. Она — Золотоволосая Женщина.

Мы предполагаем, что нечто подобное происходит и с женщиной, готовой на решительный шаг. В какой-то момент мужская фигура, чьё лицо смотрит в обе стороны появится в её снах. Но я только предполагаю. Женщины знают об этом больше мужчин.

В любом случае, «Женщина, Смотрящая в Две Стороны» сейчас появилась в нашей сказке. Русские в своих сказках называют её «Женщина-Царица»; её можно назвать «Женщина, Привлекающая Золото». Или любым другим именем, придуманным вами. Если бы её можно было назвать раз и навсегда, тогда как сказал Дао де цзин, она не могла бы быть реальным светящимся существом, так что давайте не будем беспокоиться о её имени.

Мир Закона и мир Легенд — это две отдельные части вселенной, и возможно, после того, как появляется Женщина, Смотрящая в Обе Стороны, мужчина становится способен видеть оба этих мира с большей чёткостью, потому что их видит она. Его история движется быстрее.

В своей способности запланировать жизненное движение, Золотоволосая Женщина в большей степени напоминает индуистское женское начало, Шакти, чем западную женственность, которую обычно рисует восприимчивой и пассивной. Шакти, которую мы видим на многих индийских картинах — прямая, провоцирующая, прыгающая вверх, пламенная, неистовая. На некоторых картинах Шива лежит рядом на земле, или даже под её ногами, и видимо, спит; он, наоборот, восприимчив, холоден, спокоен, глубоко погружен в себя.

Отношение к этой провоцирующей женщине переносится на Марию Магдалину. Её импульс — причинить неприятности, бросить искру в сухие дрова, вытянуть энергию из стоячей психики, размешать море одной волосинкой — заслуживает некоторого изучения и некоторого внимания.

Антонио Мачадо, пользуясь своими познаниями старых арабской и персидской культур, отмечает, что рано или поздно озабоченный или идущий мужчина, или мужчина полный решимости — садится на обочине дороги.

Однажды к нам в пути придет изнеможение,
и наша жизнь тогда — лишь время ожидания,
лишь смена жалких поз — ненужное волнение;
ведь с Нею все равно не избежать свиданья.
Перевод Бычкова М.Н.

Часть 5: Гермес и богиня

Сатурн — это бог пепла, и это бог летаргии, депрессии, обжигающей окалины, бог которому юноша поклоняется в пепельный период своей жизни. Сатурн насыщенный, уплотнённый, тяжёлый, стимулирующий; он существует в виде дисциплины в удачливых мужчинах, и в виде кислой горечи в невезучих мужчинах. Он бог правильного поражения.

Гермес — это бог внутренней нервной системы. Его присутствие равнозначно небесному остроумию. Когда мы находимся в поле Гермеса, сообщения проходят с фантастической скоростью: между мозгом и кончиками пальцев, между сердцем и слёзными протоками, между гениталиями и глазами, между частями внутри нас — той, что мучается, и той, что смеётся. Гермес — это Меркурий, а мы знаем, что ртуть нельзя удержать в руке — она раскатывается везде, разделяется на мельчайшие капельки, снова соединяется, падает на пол, перекачивается под столом, двигается чрезвычайно быстро. Её правильней назвать быстрым серебром.

Эта меркурианская энергия зовётся, среди прочих, Один в Северной Европе, Меркурий в Италии, Гермес в Греции. В его честь названа английская Wednesday (день Одина) и французская Mercredi (День Меркурия) во Франции.

Иногда, когда друзья общаются в закрытой комнате, пыл беседы нарастает: высказываются остроумные вещи; поток взаимного сотрудничества прибывает со всех сторон; появляется игра воображения; искренняя духовность следует за моментом после чего-то по-настоящему непристойного. В какой-то прекрасный момент дружеской беседы молчание следует за таинственным; никто не решается нарушить его. В Испании до пятнадцатого века такое молчание звалось «Молчанием Гермеса». Так Лопез-Педраза 33 раза упоминает его в своей прекрасной книге о Гермесе.

Старая традиция утверждает, что истинное обучение не получается без Гермеса. Это удручает, потому что университетские факультеты английского языка, факультеты социологии и факультеты религии, как правило, избавляются от учителей с энергией Гермеса. Вся система высшего образования была создана германскими убийцами Гермеса. Гермес — магический, влюблённый в мелочи, нецензурный, танцующий, чокнутый и не ориентированный на карьеру.

Гермес проскальзывает правдивой информацией в долю секунды между моментом, когда твой язык начинает слово, и моментом, когда заканчивает. Вы планируете сказать: «Это моя мама», и говорите: «Это моя жена». Я сделал это. Моя мать выглядела довольной. Вы планируете сказать «дальний» (farther), а выходит «отец» (father), потому что Гермес двигается быстрее, чем наши мысли. То, что называется «оговоркой по Фрейду» — в действительности меткость Гермеса. Гермес прокалывает помпезность, набожность, уверенность, самодовольство.

Гермес действует в саду, выбирая мгновение, когда мальчику нужно снять головной платок, в следующую секунду направляя луч вверх в покои принцессы; он действует при выборе диких, а не окультуренных цветов, и позже раздаёт золотые монеты. Вся солнечная работа — дело его рук. Планета Меркурий находится ближе всех к Солнцу, и поэтому является его ближайшим родственником.

Ахимики знали, что ртуть (mercury) обладает способностью разжижать золото и серебро. Мы чувствуем, какой застрявшей и застывшей может стать маскулинность, и что так же может застрять феминность. Меркурий в каком-то смысле размягчает их, так что они могут течь. В присутствии Гермеса поток между мужским и женским в нашей истории уже начался.

Юноша, ученик Железного Джона, получает благословение: одно от Афродиты — ещё одно имя Женщины, Любящей Золото, другое от Гермеса. Гермес и Афродита хорошо уживаются вместе. Несколько сохранившихся греческих скульптур изображают Афродиту, запускающую пальцы в волосы Гермеса. Мы знаем, что не бог и богиня делают этот союз хорошим: Гера и Зевс тому пример. Но Гермес и Афродита вместе — это так хорошо, что они стали моделью для гермафродита. Это союз душ — Гермеса в мужчине с Афродитой в женщине, или наоборот.

Женщина, Любящая Золото стаскивает головной платок мальчика, прекрасно зная в отличие от Короля, что находится под ним. Она дарит мальчику монеты в обмен на полевые цветы, и каждый раз он отмечает: «Я отдам их детям садовника, чтобы они игрались с ними».

Это означает, что всё полученное в саду должно быть отдано. И голова должна остаться покрытой. Женщина может слишком жаждать того, чтобы юноша показал ей золото. Люди в целом хотят, чтобы художники показали им золото немедленно. Но история Железного Джона подразумевает, что художник должен быть осторожен в показывании своих картин до двадцати или в публикации своих книг слишком рано.

Если вы собираетесь умереть в двадцать пять, как Китс, то всё имеет разные сроки. Но для тех из нас, кто согласился жить дальше, важно одеть на голову убор, и сказать о монетах: «Я отдам их детям садовника, чтобы они игрались с ними».

Мы уже говорили об участии Гермеса в герметически закрытом надёжном внутреннем пространстве, сохраняющем то, что следует сохранить, и удерживающем то, что должно быть удержано. Мужчины, которые могут предотвратить самих себя от отдавания всего самого важного работе и миру, находят самих себя способными войти в огороженное стенами пространство, внутри которого происходят определённые магические события.

Гермес с его стенами, и его стены организуют сад:

И я просил побыть
Где нет штормов,
Где зеленая зыбь в молчаливой гавани
И качаются волны на море.

Железный Джон хочет, чтобы юноша получил опыт в саду. Получив развивающий опыт сада — который может занять десяток лет — можно сказать, что юноша начал чтить свою душу, научился быть возлюбленным и научился танцевать.

Глава 6: Возвращение внутреннего воина в жизнь

Маикл Мид напоминает нам старинный кельтский девиз: «Никогда не давай меч мужчине, не умеющему танцевать». Наша история говорит, что следующим шагом для мальчика является воинскость (warriorhood); воинскость следует за садом.

Старейшина предлагает меч только после того, как сердце юноши было тронuto уединённостью любовника и танцем любовника. Мы замечаем, что армия оставляет мальчика без этой заготовки; они предлагают меч мужчине вне зависимости от того, может он танцевать или нет.

Военные развивают внешнего воина; мы начнём с внутреннего.

Часть 1: Воины внутри

Воины внутри западных мужчин стали слабыми в последние годы, и их слабость способствует отсутствию границ — состояние, которое мы ранее описывали как наивность. Взрослый мужчина шести футов ростом позволит другому человеку пересечь его границы, ворваться в его психологическое жилище, обругать его, забрать его сокровища, и уйти, хлопнув дверью; при этом он будет стоять с заискивающей смущённой улыбкой на лице.

Когда мальчик растёт в неблагополучной семье (возможно, без других детей в семье), его внутренние воины будут убиты очень рано. Воины, мифологически, поднимают мечи для защиты короля. Король в ребёнке стоит и встаёт в настроении ребёнка. Но когда мы дети, наше настроение можно быть легко захвачено, захлестнуто, перевернуто с ног на голову более мощным, более доминирующим, более страшным настроением родителей. Можно сказать, что, когда воины внутри нас не могут защитить наше настроение от распада, или наше тело от вторжения, они рушатся, входят в транс или умирают.

Внутренние воины, о которых я говорю, не пересекают границу агрессивно, они существуют для защиты границы. Фианна, известная группа воинов, защищавших границы Ирландии, может быть моделью. Фианна ходили всю весну и лето, осматривая границы, а на зиму возвращались домой.

Но обычно ребёнок не имеет такой защиты. Если взрослый движется к тому, чтобы ударить ребёнка или засунуть пищу ему в рот, защиты нет — это происходит. Если взрослый решает кричать и насильно проникать в слуховые границы ребёнка — это происходит. Большинство родителей вторгаются на территорию ребёнка, когда хотят, а ребёнок, стараясь поддержать своё печальное настроение, просто замыкается, пряча своё настроение в себе.

Каждый ребёнок живёт глубоко внутри своего душевного дома или замка души, и ребёнок заслуживает права суверенитета в своём доме. Всякий раз, когда родитель игнорирует суверенитет ребёнка и вторгается, ребёнок чувствует не только гнев, но и стыд. Ребёнок делает вывод, что, если он не имеет суверенитета, то не имеет и ценности. Стыд — это имя, которое мы даём тому чувству, что мы недостойны и неадекватны, как человеческие существа. Гершен Кауфман гениально описывает это чувство в своей книге «Стыд», а Мерле Фоссум и Мэрилин Мейсон в своей книге «Лицо стыда» продолжили работу Кауфмана в области семейных систем стыда и механизмов их работы.

Когда наши родители вообще не уважают нашу территорию, их неуважение кажется непреодолимым доказательством нашей неполноценности. Пощёчина вонзается глубоко, под лицо, являющееся нашей фактической границей, в нашу душу, и мы уже пронзены. Если

взрослый человек решает пересечь наши сексуальные границы и прикоснуться нам, нет ничего, что мы как дети можем поделаться. Наши воины умирают. Ребёнок, столь полный ожиданием благословения каждый раз, когда он или она, находится рядом со взрослым, застывает в шоке и попадает в вечное окаменевшее смятение стыда. Что ещё хуже, за одним сексуальным вторжением или избиением следует другое, и воины, если они воскресли, умирают вновь.

Когда мальчик растёт в семье алкоголика, его воины сметаются в реку огромной волной, и они борются с ней, несясь вниз по реке. Ребёнок, мальчик или девочка, беззащитный, изолированный, имеет больше общего с белыми гусями, чем с людьми.

Снежные гуси в снежной пурге Дакоты,
Ступенями маленькие фермы за забором,
Крики выплёскиваются в ночь сквозь друг друга.
А между тем сумерки складывают крылья.
Свет падает на голые и снежные поля.
Пьяный отец тащит мальчика в дом.
Мальчик бьёт, выворачивается — и сбегает.
Он проводит ночь вне дома, голодный, с гусями.
Где насторожено, держа баланс, широкими шагами,
Проходя через скандалы, бредут сквозь сломанные стебли.
— Р.Б

Неудивительно, что такой ребёнок, будучи подростком, смотрит на одинокую комнату, материнскую женщину, гуру, системы, забор «непривязанности». Когда он станет старше, в тридцать или тридцать пять, он по-прежнему будет чувствовать себя незащищённым, и чувствовать себя не в состоянии защититься от других людей, разъярённых своей собственной незащищённостью.

Каждый взрослый или старший брат, желающий войти в психическую комнату ребёнка, делает так — это будто на внутренней стороне двери нет дверной ручки. Дверь свободно движется, открывая нас неприличной интимности, которой может настойчиво требовать от нас мать, или неприличному унижению, на котором может настаивать отец. Сексуальные ласки, на которых могут настаивать более старшие дети или няня. Инцест физический или психический. Дверь свободно движется, и мы могли бы сказать, что дверная ручка находится снаружи.

Похоже, что ранняя смерть воинов в мужчине удерживает мальчика в его стремлении наверх. Возможно, что это также предотвращает женщину в мальчике от развития. Мы знаем, что Диккенс, например, пережил ужасное детство, и мы также замечаем, что его женские характеры сентиментальные и девчачьи. Вполне возможно, что эти девчачьи существа являются проекциями его чахлой внутренней женщины, которую его воины не смогли защитить от окружающего насилия.

Внутренний мальчик в проблемной семье может продолжать стыдиться, вторгаться, разочаровываться и быть парализованным в течение многих лет. «Я жертва» — говорит он снова и снова; и он жертва. Но то, что очень отождествляется с жертвенностью сохраняет дом души открытым и доступным для ещё больших вторжений. В большинстве западных мужчин сегодня недостаточно пробуждены или оживлены внутренние воины для защиты их домов души. И большинство людей, мужчин или женщин, не знают, как подлинные внешние или внутренние воины выглядят или что они чувствуют.

Часть 2: Внешние, или дисциплинированные, войны

Мифолог и историк культуры Жорж Дюмезиль подарил нам величайший дар своим открытием и массовой документацией того, что плодородная почва индоевропейских цивилизаций состоит из трёх отдельных слоёв грунта:

Король, Воин и Земледелец. Из этих трёх нитей плетётся гобелен. Существует три вида церемоний, три жизненных пути, три мира с богами и богинями в каждом.

Римская культура и Юпитер в королевской сфере, Марс в сфере воинского дела, и Квири́н в земледельческой сфере. В древнегреческой культуре Зевс и Гера — король и королева области, Арес — воинская сфера, Дионис и Ариадна — земледельческая и винодельческая. Северная Европа: Один в королевской сфере, в воинской — Тор, и в земледельческой — Фрейр и Фрейя.

Земледельческое видение выглядит как «плодовитость, обилие людей и товаров, питания, здоровья, мира, чувственного удовлетворения». Привычное отождествление богов и богинь с темами плодородия в XIX веке и сейчас — похоже, вылилось в навязчивую идею правильного питания.

Королевское видение, глазами Короля и Королевы выглядит как суверенитет, политическое родительство, царственность, священное и как им управлять. Мы обсуждали это в главе 4.

Дюмезиль установил, что видение воина осуществляется на среднем уровне. Глаза воина видят бой и применяют силу в бою. Если Дюмезиль прав, одна треть видения индоевропейской расы всегда — сейчас или в далёком пошлом — происходила из головы воина. Мы могли бы сказать, что треть каждого человеческого мозга — это мозг воина; треть инстинктов, осуществляемых нашей ДНК связаны с поведением воина; треть наших мыслей — нравится нам это или нет — мысли воина. Это отрезвляет.

Роберт Мур, психолог и богослов, думал о войне непреодолимо и убедительно, и мы подытожим некоторые из его идей. Он подчёркивает, что в мужчину «вшит» (hard-wired) воин. Это не программное обеспечение (software). Роберт может сказать мужчине: «Ты носишь в себе много воина — не беспокойся об этом — больше, чем тебе требуется. Вопрос, как будешь ты чтить его: сознательно или бессознательно».

Воинская сфера знания и опыта — это поле боя. Происходящая война может физической войной, психологической войной или войной духовной. Внутри этой сферы гремящее обрядовое пространство, армии, кланы, божества, даже идеи подготовить себя к состязанию мод. Флаги поднимутся, голоса углубятся, разумы заострятся, мышцы подтянутся острой необходимостью. Древние философы в воинском режиме представляли собой противоположную картину: прямые и кривые, длинные и короткие, кислые и сладкие. Экстравертивные мужчины в воинском режиме похожи на Генерала Паттона: видение картины битвы, сталь на сталь, святость поля битвы — как священно черно-засеянное поле для земледельца — они видели в битве адреналин, поединок, радость опасности, даже радость благородной смерти.

Мур подчёркивает, что качеством истинного воина является то, что он служит цели большей, чем он сам: то есть трансцендентному делу. Мифологически, он служит Истинному Королю. Если он чувствует, что Король продажен, как в случае с Олли Нортон, или если Короля нет, и он служит жадности или власти, он больше не воин, он солдат.

Ацтеки, переняв культуру Тольтеков в Мексике около 1200 г. до н.э., подняли касту воинов над королевской кастой. Это было необычное оригинальное движение к Тольтекскому миру, и это

единственное изменение обрекло ацтекскую культуру. Японцы, чьё общество чествовало воинов на протяжении веков, рассказывают историю о пруде, потерявшем Короля; не зная, что делать жители пруда наконец избрали цаплю (которая в Японии ассоциируется с воином), чтобы она стала их Королём. Цапля съела абсолютно всех в пруду.

Однако, когда воин служит Истинному Королю — то есть трансцендентному делу — он делает это хорошо, и его тело становится трудолюбивым слугой, терпящим, когда требуется, холод, жару, боль, раны, рубцы, голод, недостаток сна и трудности всех видов. Тело обычно реагирует хорошо. Человек в контакте с воинской энергией может работать долгими часами, не замечая усталости, делать то, что необходимо, чтобы закончить кандидатскую и все сноски к ней, терпеть несносных начальников отдела, жить скудно, как Ральф Надер, писать как Т.С. Элиот под одинокой болтающейся лампочкой, убирать дерьмо и отбросы, как Святой Франциск или Мать Тереза, терпеть презрение, пренебрежение и изгнание, как Сахаров. Когтистая рука забирает любящего комфорт ребёнка, и в тело вселяется взрослый воин.

Как любая сложная культура живёт без сильной воинской энергии? Сегодня внешние войны внутри некоторых женщин сильны, иногда сильнее мужских. Силы современного общества поощряют женщин в том, чтобы быть воинами, и в то же время отбивают охоту к воинскости у мальчиков и мужчин.

Майкл Мид подчёркивает, что стратегия является важнейшим качеством истинного воина. Стратегия включает в себя хитрость, суетливость, интеллект. Герой какой-нибудь старинной истории пытается найти Золотоволосую Женщину или похитить Трёх Чёрных Жеребцов, живущих на дне океана, и он может встретить великана, ведьму, или их обоих, преградивших ему дорогу. Солдатская часть него говорит: «Атакуй великана или отруби голову ведьме. Убей их!». Воин вызывается, чтобы разработать стратегию. Стратегия здесь заключается в том, что мальчик будет вести великана в лес, ударяя в маленький барабан, и когда гигант спросит его, зачем он это делает, ответит, что прокладывает путь для десяти тысяч маленьких мужчин, которые следуют за ним. Он объяснит, что мужчины невелики, но каждый несёт с собой маленький молот, и все вместе они способны выбить великану мозги, когда он ляжет спать. Великан любит спать, и мелкие вещи пугают его, поэтому он обычно совершает сделку. Видение воина включает в себя такие остроумные стратегии.

Часть 3: Вечный, или священный, воин

Нил Форсайт включил внушительный спектр мифологических материалов в свою книгу о Вечном Воине Старый враг: Сатана и Боевой миф. Физические воины, будь то Роланд или Жанна Д'Арк, или Паттон, любят поле битвы. Поле, которое любит Святой Воин — это поле добра и зла, где Силы Тьмы бьются с Силами Света. Древняя литература, такая как Рамаёна несёт в себе больше описаний этих неосязаемых невидимых сражений, чем полей битвы, где человеческие существа живут и умирают.

В эпосе Мардука, имя противника Мардука — Тиамат — на вавилонском языке означает силы морского хаоса. Мифологически хаос и зло связаны между собой. Хаос Тиамат имеет женский оттенок, хаос Хумбабы, вавилонского великана — мужской.

Христианские тексты называют все силы хаоса — Сатана, задавая ему тем самым мужской оттенок; так в святой битве христиане сражаются между собой двух братьев: Христа и Сатану.

Мильтон, воплотивший в себе много качеств внешнего воина, ослеп, сражаясь во славу мелкопоместного дворянина, желавшего вернуться во власть после казни Карла I. Он рисовал

вечную воинскость, когда писал Потерянный Рай. Он любил битвы добра и зла, так же сильно как Паттон любил танковые сражения в Северной Африке.

Древние персы создали самое сложное из всех божественных полей битв, где Ахура Мазда (чья фамилия до сих пор украшает некоторые лампочки) сражается как Воин Света с Духом Разрушения Ариманом, сражающимся как Воин Тьмы. Иудаизм представляет Яхве воином света, а Сатану — Воином Тьмы.

Автор Книги Иова предполагает, что внутри Яхве есть тёмная часть. Когда Яхве разрушает здоровье и семью Иова, Иов мельком видит «чудовищную и страшную сторону Бога», как назвал её Нил Форсайт. Тогда Вечная Битва может быть между Богом и Его Врагом, а может быть битвой между двумя половинами Бога. Как человеческие существа, мы чувствуем эти войны внутри себя.

Антонио Мачадо сказал:

Каждый мужчина в двух
битвах сражается вечно:
с Богом во снах,
бодрствуя — с морем.
Переведено Р.Б.

Священные Король и Королева живут в Светлых Владениях, возле Диониса и Иисуса, но Святой Воин живёт там «вшитый» (hardware) во Вселенную. Его битва против хаоса, против моря, против алчных великанов, против Великой Матери, против Великого Титанического Отца, против гномов, бесов и врагов Господа никогда не закончится. Иудаизм принял Бога Иегову Богом-Воином, а не Богом-Королём; и все мы, унаследовали вслед за иудо-христианами эти подтянутые мышцы и закованные в броню грудные клетки Воина Бьющегося Вечно.

У Священного Воина есть благословенная и отравленная стороны. Неудивительно, что у земных воинов также есть священная и искривлённая стороны. Один мужчина — это самоотверженный воин, сражающийся за дело, большее, чем он сам; другой мужчина — безумный солдат, насилующий, грабящий, убивающий бездумно, выжигающий напалмом целые деревни.

Святой Воин вторгается в нас из вечного пространства, как ураган энергии и вихрь силы. Мощь воина, питаемая электрической или магнитной энергиями, движется за завесой плоти, и меняет настроения и порывы, светится через экран из кожи и костей, заставляет тело делать то, что хочет эта мощь.

Каждый вихрь силы, будь то Дикарь, Воин или Король, можно представить как большой коготь, пробивающий стену и забирающий человеческое дитя вовне. Вторжение когтя опасно. Но благодаря когтю человеческое существо получает моменты жизни в другом мире. Старый воин-викинг, например, бывший берсерком — воином-медведем — совершает путешествие в другой мир, из которого в конце концов возвращается. Североевропейский фольклор включает в себя историю за историей, описывающие этот опыт. Однажды опытный воин засыпает в своём кресле дома. В этот момент на поле боя появляется огромный медведь, атакует и бьётся с врагом. Если медведь был ранен в правую лапу, мужчина, проснувшийся опустошённым и растерянным, находит рану на своей правой руке.

Физический воин, когда он хорошо обучен, может пройти сквозь дверь, и в комнате за ней

встретить тёмного, пылающего воина. Литература описывает воинов кельтов и викингов, «слишком далеко» ушедших в этот мир когтистой руки; и мужчины, и женщины охладили их пыл и вновь с превеликой заботой вернули к человеческому обществу. Мы даём нашим воинам стать берсерками, а затем просто выбрасываем их на улицы.

Можно сказать, что знание того, что такое воинскость, и как бороться с её тёмной стороной, и как восхищаться её позитивной стороной — знание этого было утрачено. В это же время, сам воин, или наше представление о нём, потерпел крах во всех трёх мирах.

Мильтон, как заметил Блейк, действительно хотел, чтобы Сатана победил. У старых мифологов, тоска Мильтона — это массовое предательство. Мы вместе с Мильтоном поэтизировали хаос. Возможно, мы, как индустриальные люди, тайно хотим, чтобы хаос пришёл и ослабил наши жёстко расслоенные жизни. Индия торжественно отмечает победы Кришны над великанами и демонами, и молящиеся на Бали каждый день воспроизводят фантастически яркие сцены битвы между принципами добра и зла, и победу добра в Рамаяне. Но мы не вполне уверены в том, что хотим победы Кришны, и мы предпочитаем Рамаяне Вуди Аллена. Мы планируем встретить врагов Бога небольшим юмором и мелким неподчинением. Отсутствие воображения делает нас неспособными увидеть, что такое хаос; и новейшая история Ирана даёт понять, что чувство юмора фундаментализма не заменяет отсутствие фантазии. Святая воинскость в мусульманском мире была сведена к войне между Ираном и Ираком, так же как и воображение, подогревающее творческий восторг во времена Короля Артура конкретизировалось в «Холодную Войну».

Когда Святой Воин падает, он вовлекает в падение воинов в двух других мирах. Рыцарские традиции, появившиеся в Европе в XI-XII веках, пытались, опираясь на арабские и персидские источники, поддерживать воинский идеал в культурной жизни, изменяя его в сторону эlegantности, сострадания, самопожертвования и партнёрского мышления. В конце XVIII века в Италии, образ воина включил в себя образы любовника.

Ученик и мастер айкидо Терри Добсон, научивший столь многих из нас благодатной терпимости внутри воина, нашёл эти слова, сказанные в 1465 году французским рыцарем Жаном Брюэлем:

«Битва — это радостная вещь. Мы так любим друг друга в бою. Если мы видим, что наше дело право, и что наши родичи дерутся смело, слёзы наворачиваются на наши глаза. Сладкая радость поднимается в сердце, в чувстве нашей подлинной верности друг другу; и видя нашего друга столь отважно подвергающего своё тело опасности, чтобы исполнить заповедь нашего Творца, мы намерены идти вперёд и умереть или жить с ним в любви. Это приносит такой восторг, что все те, кто не чувствовал его, не могут сказать, насколько это прекрасно. Как вы думаете, кто-то из них боится смерти? Ни в коем случае! Он настолько усилен, настолько восторжен, что не знает, где он. Действительно, он ничего не боится в мире!»

Здесь мы видим, как любовник смешивается с воином. Но это смешение сегодня практически исчезло. Физические воины расщепились на солдат сегодняшней механизированной войны.

Некоторые люди считают, что осознанный воин и его идеи закончились в течение последних сражений Гражданской войны в США, которые были резней. Генерал Грант, видевший это, решил остаться пьяным навсегда. В Ипре в 1915 году, сто тысяч молодых мужчин умерли в один день, все они даже не увидели автоматчиков, убивших их.

Ничего не осталось от воина в массовых бомбардировках Дрездена, в бомбах на Нагасаки и Хиросиму, и в бомбёжках Б-52 рисовых полей во Вьетнаме.

Современные войны, с их механическим и бездушным уничтожением, кажется, сделали жар агрессии позорным. Арес не присутствует на современном поле боя. Ветераны Вьетнама ранены в душу тем, что шли в бой, представляя себя служащими воинами у бога, а возвращались из него без бога. «Женщины ненавидят войну», — часто повторяют они — «но любят воинов». Это уже не так. Большинство женщин на Западе не видят причин различать воина и солдата или солдата и убийцу. Было безумием, связанным с воином — то, что произошло во время последней войны — уничтожить саму ткань культуры, защищать которую было основной работой воина. Женщины в других странах могут видеть по-другому. Русская женщина из Киева, чьё поколение женщин уже много лет живут без мужчины своего возраста, рассказала мне: «Все молодые люди, которые остались после битвы за Киев, отправились в Москву, чтобы защитить её. Ни один не вернулся назад». Она продолжила: «Я знаю, что женщины в Соединённых Штатах очень злы на мужчин, потому что они слишком агрессивны, и это так. Мы не чувствуем этого пути. Если бы русские мужчины не имели такой великой агрессии в себе, немцы были бы сейчас в Москве. Вопрос агрессии выглядит иначе, если вторгаются к вам».

Мы все можем добавить дополнительные детали на счёт падения воина до убийцы, но важно видеть результат. Дисциплинированный воин становится неуместен в условиях механизированной войны, побрезгованный и брошенный высокотехнологичной культурой, он исчезает в американских мужчинах. Мужчина, который не может защитить своё собственное пространство, не может защитить женщин и детей. Отравленные воины так называемых наркобаронов в первую очередь рекрутируют мальчиков без короля, без воина.

И всё это происходит так быстро. Массовые бои 1915 закончились дисциплинированными или внешними воинами, и в течение следующих тридцати лет воины внутри западных мужчин слабели. Двойное ослабление делает понятным для нас, как связаны между собой внешний мир и внутренний мир, и как серьёзно они влияют на исторические события.

Наша история восходит к тем временам, когда воин ещё был почитаем. Сейчас мы увидим, как рассказчик вводит воина.

Часть 4: История: Боевая сцена

Через недолгое время страна оказалась охвачена войной. Король собрал свои войска, но не был уверен, что может одолеть врага — тот был силён, и привёл большую армию. Мальчик-садовник сказал: «Я уже достаточно взрослый, и я пойду воевать, если вы просто дадите мне коня». Остальные мужчины посмеялись и сказали: «Когда мы уйдём, посмотри в конюшне — мы, конечно, оставим подходящую тебе лошадь».

Когда они все ушли, мальчик пошёл в конюшню и вывел оттуда лошадь, она была хромая на одну ногу и ходила кое-как. Он вскочил на неё и поскакал в тёмный лес. Когда он подошёл к краю леса, то позвал три раза «Железный Джон» так громко, что эхо повторяло среди деревьев.

Появился Железный Джон и сказал: «Чего ты хочешь?»

«Я хочу крепкого боевого коня, потому что хочу идти на войну».

«Ты получишь это, и больше чем смеешь просить».

Дикарь повернулся и ушёл в лес, и вскоре вернулся, держа за уздцы боевого коня с раздувающимися ноздрями и горячим норовом. Вслед за лошадью шёл большой отряд

закованных в железо воинов, и их мечи сверкали на солнце. Мальчик отдал свою трёхногую клячу конюху, вскочил на новую лошадь, и поскакал во главе солдат. К тому времени, когда он приблизился к полю битвы, большая часть людей Короля уже были убиты, и было недалеко до полного поражения.

Мальчик и его железное войско и так скакавшие на полной скорости, понеслись на врага словно ураган, и поразили каждого, кто выступил против них. Враг развернулся, чтобы бежать, но мальчик последовал за ними и преследовал их до последнего человека. Затем, однако, вместо того, чтобы вернуться к Королю, мальчик взял своё войско и окольными путями вернулся в лес и позвал Железного Джона.

«Чего ты хочешь?» — спросил Дикарь.

«Ты можешь забрать свою лошадь и своих людей обратно, и отдать мне снова трехногую клячу».

Так и случилось, что он закончил приключение и кое-как вернулся домой.

Когда Король вернулся в свой замок, его дочь подошла к нему и поздравила его с победой.

«Не я был тем», — сказал он, — «кто сделал это, а странный рыцарь и его войско, пришедшие на помощь».

Дочь спросила, кто этот странный рыцарь, но Король не знал, и добавил: «Он поскакал в погоню за врагом, и это последнее, что я видел». Девушка пришла к садовнику и спросила про мальчика, но он засмеялся и ответил:

— Да он только что вернулся домой на своей трехногой кобыле. И все, посмеиваясь, кричали ему: «Вот и подъехала наша заморенная кобыла!» И спрашивали: «А за каким это плетнем ты отсиживался да спал?» Но он отвечал: «Я совершил подвиг, и без меня плохо пришлось бы». Но над ним еще больше смеялись.

Отрывок начинается с заявления о том, что в Королевство произошло вторжение. Если герои сказочной истории все вместе являются психикой — нашей психикой — нам приходится заключить, что вторжение произошло в нашу собственную психику.

Битва, я думаю, появляется в этой части истории не потому, что враги вторглись в психику день или два назад, а потому что мальчик садовника понял наконец, что вторжение имело место. И сейчас оно усиливается.

Наблюдательные люди на протяжении веков обращали внимание, что когда усилие, необходимое для изменения, нагревает психику, то жара сама по себе привлекает демонов или спящие комплексы, или злейших врагов духа — или похожего рода проблемы.

Люди, присоединившиеся к медитативной группе, в течение нескольких часов будут рассказывать Вам истории об этом явлении: они начинают медитировать, и всё идёт лучше чем когда-либо в их жизни две или три недели, а потом вдруг хозяйка выгоняет их из квартиры, пломба выпадает из зуба, прачечная теряет их одежду, кто-то угоняет их машину, и так далее.

Эти истории указывают на возобновление или усиление вторжения. Но кто вторгается?

Всё то время, пока мы учились в колледже или строили карьеру, или стремились к чистоте, таинственные силы вторгались в Королевство. Как часто мужчины и женщины в свои двадцать

чувствуют себя в опасности. Таинственный голос говорит: «Ты должен измениться сейчас же. Если ты этого не сделаешь, будет слишком поздно».

Когда мне было тридцать, я описал захватчика как питона:

Обезьяна, одинокая в бамбуковой клетке, чувствует запах
Питона, и кричит, но никто её не слышит её зов.
Смерть движется вперёд из своей засады,
Вьётся медленно из стороны в сторону,
Проходя под кустами и сквозь тоннели из листьев,
Оставив собак и овец убитыми там, где они спали.
Какая-то сияющая вещь внутри нас, что
Прекрасно нам служила, трясёт бамбуковую клетку.
Она может уйти прежде, чем мы проснёмся.

Это и есть захваченная страна, и это и есть захватчик, это и есть духовно надеющаяся часть нас и опасно враждебная часть. Это и есть нежная часть души и зубастая часть души. Сесар Вальехо говорит:

И что если после столь многих крыльев птиц,
Оставшаяся птица не уцелеет!
Было бы лучше в самом деле,
Если бы было всё поглощено прямо сейчас, и покончим с этим!
Переведено Р.Б. и Дугласом Лоудером

Вторжение — нечто большее, чем развлечение или раздражение. История говорит, что Король проиграл битву. Видимо, центр психики не может защитить собственную территорию. Враг активизировался, и душа больше не может сотрудничать, поддерживать, быть гармоничной; она не в фисгармонии, как сказал бы Уоллес Стивенс.

Вспоминая битвы, в которых сражается внутренний воин, мы могли бы предположить, что вторгшийся в душу враг — это само зло, но не чувствуем его таковым. Вторгшийся мог бы быть хаосом, но враг чувствуется также и как часть души. «Лев и соты, описанные в писании?». Пчелы делают мёд внутри мёртвого тела враждебного льва.

Если Король на самом деле проигрывает битву — это время для воина внутри нас научиться драться. Мы замечаем, что воин бьётся до конца, без рассудочных полумер — ни шага назад.

Волк — проглотивший шестерых детей — должен быть убит; ничего не сказано о половинчатых мерах, таких как терапия для волка. Всё это — внутренняя работа с внутренними волками, но отношение к ней должно быть решающим. Если не будет решительного шага, волк просто будет поедать ваших «детей».

Мы чувствуем себя здесь в религиозной ситуации, возможно, в религиозном ритуале. То, что «убито» трансформируется. Мы знаем, например, что когда мужчина в Римской империи принимал митраизм, священник в его присутствии закалывал быка, и послушник говорил «Как Бог убивает быка, я убиваю свои страсти».

Мы также знаем, что в пещерах Митры, где проводились религиозные обряды, картина с

изображением быка поворачивалась на петлях, и на её обратной стороне были изображены вино — в которое превратилась бычья кровь — и пшеница, которая выросла из мёртвого быка. Точно так же в Египте изображалось, что пшеница каждую весну прорастает из слоя земли, заботливо расположенной вокруг и над мёртвым телом Осириса.

Вполне возможно, что обсуждаемая сцена битвы происходит в ритуальном пространстве, и мы ожидаем, что некая пшеница или кукуруза, или мёд произрастут из этих «тел».

Но прежде всего мы можем рассматривать сцену сражения как посвящение мальчика в война глубины. Она рассказывает мальчику, что это правильно для него — быть в контакте с врагом. Быть пассивным или нанимать эксперта для битвы с вашим врагом — не работает. Мне очень нравится, что враг в нашей истории не имеет имени.

Часть 5: Обретение четвероногого коня

Примечательная деталь выскакивающая в этой сцене, и требующая некоторого пояснения — это трёхногая лошадь, найденная мальчиком на конюшне. Эта трёхногая лошадь не выглядит хорошей новостью, когда мы видим её, стоящей там; и выглядит ещё хуже, когда он едет на ней. Мы можем посмотреть на то, чем лошадь могла бы быть в такой истории как эта, и какая разница может быть между тремя и четырьмя ногами.

«Четыре» — это завершенность, как закрытый с четырёх сторон город, четыре стороны света, четыре реки Рая, четыре времени года, четыре буквы Святого Имени, четыре коня солнечного экипажа и четыре струны систра. Старая рифма говорит:

Один для скорби
Два для радости
Три для свадьбы
Четыре для рождения

Три, с другой стороны, это как-то маловато. Город, закрытый с трёх сторон, не так впечатляет как город, закрытый с четырёх сторон; и планета со всего лишь тремя направлениями движения, показалась бы нам странной. Рассвет, полдень и закат составляют хороший день, но остаётся ночь. Осень, зима и лето не достаточны для земледельцев, им нужна весна. Так мы должны понять, что ушло нечто важное.

Что касается лошади — это объединение неба и земли. Конь напоминает человеческим существам океанскую волну, смерть, гром, сексуальную энергию — особенно сексуальную энергию мужчин, Великую мать — как Леди Годива на коне, славу и царство, и божественные энергии — такие как четыре Всадника Апокалипсиса.

Лошадь на контрасте со всадником, напоминает мужчинам и женщинам животную часть человеческого существа и телесность. Всадник связывается с интеллигентностью, интеллектом, умом, а лошадь — с животными желаниями и инстинктами, и энергиями, которые живут внутри.

Я собираюсь рассмотреть четвертую ногу, как ногу стыда. Я предполагаю, что животное тело мальчика было парализовано стыдом; его неуклюжая походка такова из-за ноги стыда.

Мы уже говорили о стыде и его власти. Стыд может прийти из разных источников: от родителей, сознательно стыдящих нас, чтобы сделать более управляемыми, от зависимых

родителей, стыдящих нас в качестве побочного эффекта своей собственной зависимости, или от коллег, стыдящих нас, чтобы скрыть собственный стыд. Задать родителю вопрос и не получить на него ответ — уже является достаточной причиной для стыда; мы можем проглотить постыдную оценку родителя и получить стыд по наследству; даже вторжения, будь то сексуальное или физическое насилие за пять минут производят такое количество стыда, что он длится тридцать лет. Проще создать ложную личность для удовлетворения наших родителей, которые могут генерировать стыд всю свою жизнь. Стыдящие нас раздражённый учитель, маниакальный католический священник или наш собственный внутренний перфекционист увеличивают стыд, капающий в наши полые ноги, и каждая капля стыда усиливает наше стремление к изоляции. Мы посещаем тайные встречи извинений, подчинения, обиды и сотрудничества.

Когда мы были очень маленькими, у наших лошадей были все четыре ноги, и они радостно жили в какой-то чувственности, которая могла стать галопом. К тому времени, когда ребёнок в нашей культуре достигает двенадцати, по крайней мере одна из его ног парализована стыдом, живёт он в «неблагополучной» семье или нет.

В двенадцать лет никто из нас не знает, как лечить нашу лошадь от стыда. История говорит о том, что лошадь мальчика должна быть доведена до пожилого человека, или наставника, или поднявшись на сцену творческого уровня, она должна быть приведена к Дикарю. Взяв клячу из сарая, где «старшие мальчики» оставили её для нас; мы едем к опушке леса; и затем мы просим Дикаря о лучшем коне. Мы знаем, что должны вернуть его, но просто почувствовать, что значит ездить на лошади без искалеченной ноги, даже несколько минут, стоит того.

В одной шведской версии четвероногий конь появляется прямо из-под земли. В нашей версии он появляется из леса с полусотней вооружённых мужчин, бегущих к нему, «с копьями, блестящими на солнце». Эти решительные мужчины будут нужны сейчас. Их железо — важно.

Железный Джон, одолжив нам лошадь, не покончит с нашим ранним стыдом; с ним не может быть покончено. Но мы можем работать, чтобы не допустить дальнейшего стыда. И мы можем научиться связываться с тем ранним, четырёхногим конём. Это то, что означают слова Дикаря: «Я дам тебе то, что ты просишь, и много больше».

Часть 6: Воинскость в обучении, литературе и науке

В тибетских монастырях XII-XIII веков юные буддийские послушники выстраивались вдоль коридора напротив друг друга. Учитель, проходя между ними, выкрикивал вопросы вроде: «Каким было лицо Будды, прежде чем он родился?». Юноши, слыша горячие возгласы друг от друга и мастера, выкрикивали ответы. Адреналин заливает мозг, струны мышления натянуты, мозг становится соколом, пикирующим и взмывающим в воздух, срывающимся с запястья на охоту за едой.

Отец Онг — священник и автор произведения Оральность и грамотность недавно написал статью о судьбе этого воинственного метода обучения на Западе. Знаменитые средневековые дебаты об ангелах относятся к этому воинственному обучению, которое мы в наши дни высмеиваем, хотя Анри Корбин показал, что эти дебаты были битвой между Аристотелем и Авиценной. Фундаментальные вопросы души — например, существование того, что Корбин называл «образный мир» — были на кону. Авиценна утверждал, что между духом и телом была третья реальность; Аристотель отрицал это.

Отец Онг отмечает, что воинственные дебаты выжили в некоторых европейских университетах,

но почти исчезли в американских. Мужчины, не имеющие семейной традиции живой аргументации могут чувствовать себя ошеломлёнными в таких дебатах. Кроме того, некоторые мужчины и женщины обнаружили, что они не наслаждаются этим путём обучения: конкурентные настроения, агрессия, ярость фраз не радуют их, а некоторая жалость к проигравшим убивает радость битвы.

Но исчезновение ожесточённых споров — это потеря. Когда игривые словесные битвы исчезают, то воинскость уменьшается или ограничивается борьбой, футболом, боевыми искусствами, партизанской войной и фильмами с кровью и кишками.

И наука, и литература развивается посредством ритуальных сражений между поколениями. Элиот придумывает новое движение в поэтическом монологе и выгоняет Роберта Браунинга с поля. Так называемая, новая критика, в это время даёт ритуальный бой исторической критике. Позже, левая критика тридцатых нападает на новую критику — и так далее. Если каждое поколение воплощает импульс воинскости, литература продвигает себя вперёд и избегает застоя. Язык ломает кости, но поток сохраняется.

Хосе Ортега-и-Гассет в деталях описывает такое сражение среди астрономов-философов, начавшееся за сто или около того лет до Галилея. Наука приняла борьбу поколений во время Ренессанса, как средство прогресса, и использует её до сих пор.

Блейк бился в умственном сражении с Ньютоном:

Мой дух в борьбе несокрушим,
Незримый меч всегда со мной.
Мы возведём Ерусалим
В зелёной Англии родной.
Перевод С. Маршака

Идеалам воина есть место и в бизнесе. Со времён сёгунов японцы изучали акт самопожертвования, востребованный воинским идеалом, и, кажется, то изучение усилило ответственность и долг, которые они проявляют по отношению к сотрудникам своих компаний. В Соединённых Штатах у владельцев компаний было так мало чувства долга, что профсоюзы вынуждены были встать на защиту работников. В эти дни руководители в Америке легко двигались от компании к компании, выписывая себе премии прямо перед банкротством, продавая пенсионный фонд и так далее. Эти люди, конечно, не строили Иерусалим.

Странно, как мало крепких мечей налогоплательщиков поднято против этих безобразий или против ненасытных сберегательных программ и ссуд, или против президентской кампании, отказывающейся от обсуждения проблем.

Я уже упоминал в предыдущей главе мужчину, который буквально не мог протянуть вперёд руку, если в ней был меч, даже деревянный. Уничтожение воина означает, что меч выбрасывают. Я встречал много хороших мужчин, говорящих, что если бы кто-нибудь и дал и меч, они бы сломали его или зарыли в землю, и продолжили путь.

Часть 7: Пеласгинское сотворение мира

Мы знаем, что сегодня не одному американскому мужчине нужен меч, чтобы отделить свою взрослую душу от привязанной-к-матери души. Старейшины австралийских аборигенов используют этот меч именно для того, чтобы отрезать душевную пуповину. Меч имеет кромку,

отсекающую цепляние от любви, отсекающую мальчишескую браваду от мужской твёрдости, отсекающую пассивно-агрессивное поведение от лютости. Тибетцы упоминают о таком остром внутреннем мече, называя его Ваджра. Без него, говорят они, духовная жизнь невозможна, и невозможна взрослая жизнь.

Нам также может потребоваться меч, чтобы отрезать нас от нашей жалости к себе. Жертвенность могла вне нашего внимания присоединиться к нам, когда мы были детьми, и в присоединении мы могли не препятствовать ввергающему в транс растлителю, озверевшему брату или сестре, жестокому отцу или жестокой матери. Жертвы души становятся связанными в сиамских близнецов жалостью к себе, обидой, депрессией, низкой самооценкой, пассивностью и гневом. Кто отрежет эти эмоции от души?

Греки восхищались Пеласгинским мифом о Сотворении мира, который отличался от Олимпийского мифа о Сотворении мира, и был старше его. Миф гласит, что давным-давно было яйцо, плывущее по океану. Затем что-то приближается к яйцу; и меч разрезает яйцо на две части. Оказывается, что внутри яйца был Эрос.

Если бы яйцо осталось нетронутым, то в мире не было бы никакого Эроса.

Нет меча — нет Эроса, говорит миф. Любовь родителя к ребёнку, любовь мужчины к женщине, любовь женщины к мужчине, любовь пчелы к улью, любовь поклоняющегося к Богу — ничто из этого приходит в бытие без меча.

Такая история создания — это история неодинакового отношения. Как только появилась материя, прибыл Великий Резчик, и разделил материю на тяжёлое вещество и лёгкое вещество. Лёгкое порозовело, а тяжёлое спустилось. Тогда Божественный Резчик появился снова и разделил лёгкое вещество так, что одна его часть стала Огнём, а другая Воздухом. Затем Божественный Резчик разделил тяжёлое вещество так, что одна его часть стала Землёй, а другая часть стала Водой. Затем Божественный Резчик, или Логос, разделил землю так, что одна часть стала материком, а другая часть островами. Меч ещё раз разделил воду на солёную воду и пресную воду. Меч разделял снова и снова. Эти части наконец стали тем самым точно сочленённым, поющим, прекрасно подробным, сияющим миром мельчайших частичек, что так любят пейзажисты. Мы можем почувствовать как эта история отличается от «И создал Бог Небо и Землю».

Пифагор, очень любивший эту историю сотворения, сказал что если мы внимательно присмотримся, то можем увидеть следы Божественного Резчика, оставленные им или ей после ухода в невидимую реальность. Резчик оставляет после себя следы парами противоположностей, существующих везде; мы можем упомянуть право и лево, прямо и криво, мужчину и женщину, ограниченность и безграничность, движение и покой, и так далее. Мы взглянем на эти противоположности далее в этой главе.

Юнг ссылается на значение ясности в своём странном произведении под названием Семь проповедей к мёртвым. Мы замечаем, что ястреб всегда остаётся ястребом, даже когда живёт среди сов; сова остаётся совой, даже когда живёт среди дикобразов. Но человеческие существа внушаемы и могут потерять ясность. Когда они сливаются в «массы», как в фашизме, они попадают в неразличимость. Гностики, представляли это место, называемое Плерома, как огромное изобилие, но и огромное неразличение. Мужчины и женщины сознательно стремятся к различию, вызывая половое влечение. Опасно, если они не делают этого.

В наши дни великое множество споров идёт по поводу того, к насколько ясному разделению полов мы должны стремиться. Смысл Пеласгинского мифа заключается в том, что

«изумительная сложность», которую мы все так любим, основывается и в природе, и в культуре на любви к ясности.

Часть 8: Воинскость в браке и в отношениях

Осознанное сражение — это большое подспорье в отношениях между мужчинами и женщинами. Юнг сказал: «американские браки — самые печальные в целом мире, потому что мужчина проводит все свои сражения в офисе».

Когда мужчина и женщина стоят лицом к лицу и спорят, чего хочет мужчина? Часто он не знает. Он хочет, чтобы конфликт прекратился, потому что он боится, потому что он не знает, как бороться, потому что он «не верит в борьбу», потому что он никогда не видел свою мать и своего отца во взаимовыгодном сражении, потому что его границы настолько не ухожены, что меч проникает в самый центр его груди, нежной и ранимой. Когда крики гнева выходят из мужчины, это означает, что его воины не смогли защитить его грудь; копья брошены и уже слишком поздно.

Майкл Мид предположил, что оба супруга начинают с определения оружия, дошедшего до них сквозь их семейное древо.

Возможно, женщина унаследовала короткий кинжал, используемый неожиданно, и шипастую булаву, которую она в качестве аргумента с широким замахом опускает вниз, на голову солдата. Муж мог бы унаследовать широкий меч, который он бережёт для ситуаций, когда напуган в большом круговороте неразличимости; он говорит «никогда» и «всегда». «Ты всегда говоришь, как твоя мать». Он мог бы добавить к этому тонкое копьё остроты.

Некоторые также используют «дротик дверного проёма». Когда спор закончился, и женщина, допустим, собирается идти на работу, мужчина говорит: «Между прочим», и дротик прикалывает её к дверному косяку.

Муж и жена могут сказать, какое оружие он или она планируют использовать в конкретном сражении. Во время таких предварительных бесед воин мужчины и воин женщины приветствуются и чествуются в доме. Хорошее сражение делает вещи ясными, и я думаю, женщины продолжают сражаться и быть с мужчинами, которые знают, как сражаться хорошо.

Когда оба используют своё оружие неосознанно или не называя его, и мужчина, и женщина оступаются в бою, и когда это происходит, оба внутренних ребёнка могут быть серьёзно ранены.

Взрослый воин внутри и мужчин, и женщин, будучи натренированным, может получить удар без того, чтобы надуться или порушиться, он умеет сражаться за ограниченные цели, держит правила боя в уме, и в целом может сохранить сражение чистым и в заданных границах.

Мария-Луиза фон Франц однажды рассказала историю о своей подруге. «Эта женщина прошла через несколько браков. Каждый брак протекал хорошо, пока не приходилось спорить. Тогда она начинала истерику и произносила уничтожающие вещи. Ужасные ссоры продолжались, и в конце концов, мужчина уходил. Однажды мы услышали, что она нашла нового мужа, и сказали: 'О-о-о, это произойдёт снова'. Но что-то пошло иначе. Через несколько недель после медового месяца возник старый спор, и она стала изливать свой яд, и говорить ужасные вещи. Муж побледнел, но к её удивлению ничего не сказал и вышел из комнаты. Она нашла его наверху упаковывающим чемоданы. 'Что ты делаешь?' — спросила она. 'Я знаю' — ответил он:

‘что я сейчас должен действовать как мужчина, и кричать, и бить тебя, но я не такой человек. Я никому не позволю разговаривать с собой так, как это делаешь ты, и я уйду.’ Она была поражена. Она попросила его остаться, и он остался. Их брак продолжается до сих пор».

Эта история не идеальна. Если аргумент женщины справедлив, неправильно для мужчины уходить; он должен остаться и бороться. Но фон Франц использовала подходящие слова, подразумевающие, что её подруга имела привычку ходить за линию одержимости. Её ноги метафизически стояли во владениях Кали, а не в человеческом мире. Мужчины так же часто пересекают эту линию. Внутренний воин может сказать человеку, когда партнёр находится по ту сторону линии, и когда он на этой стороне.

Мэрион Вудман в своей книге Опустошённый жених замечает: «Гнев приходит из персонального уровня, ярость из архетипического ядра... Ярость у обоих полов приходит из многовекового насилия. Если она будет взята в отношения, то разрушит их. Нападение друг на друга в состоянии одержимости не имеет ничего общего с освобождением». Внутренний воин и в мужчине, и в женщине может помочь им сражаться на человеческом уровне. Если внутри мужчин и женщин есть лишь солдаты и стыдящиеся дети, им придётся постоянно участвовать в разрушительных сражениях.

Часть 9: Железо против меди

Мы замечаем, что солдаты в нашей истории, когда они бегут с конём Железного Джона, «одеты в железо». Железо принадлежит Марсу и Аресу. Считается, что железо связано с кровью, потому что красный цвет спрятан внутри железа. Древние различали два вида железа: магнитное железо, связанное с небесными богами, и называвшееся «упавшим с небес», и обычное железо, связанное с тёмными земными богами, такими как Сет, преследовавший и убивший солнечного бога Осириса.

В астрологии железо управляет планетой Марс. Железо часто считается счастливым, особенно, когда найдено на дороге. Подковы можно использовать в качестве защиты от зла; и гвоздь лежит в колыбели, чтобы защитить младенцев, или в кровати, чтобы защищать женщин во время родов; ножницы также могут быть спрятаны в кровать.

Блейк связывает железо с интеллектом и духовной борьбой. Мы замечаем в сказках, что энергия великодушного Отца-Духа проявляется в виде маленьких мужчин, одетых в железо. Когда мальчик в нашей истории приводит с собой на поле боя железо, он приводит множество полезных удачных и полезных сил: подковы, магнитное железо, кровь, планету Марс, небесных богов, Отца-Духа, интеллектуальное сражение.

До сих пор в этой главе мы связывали воинственность с самопожертвованием и служением Королю, с интеллектуальным сражением, с честным сражением в браке и остротой меча Ваджры. Меч Ваджра должен двигаться так, чтобы разрезать на части то, что не должно быть соединено. Когда меч сделал свою работу и Логос-Нож разрезал гладко, мы находим себя менее нуждающимися и более готовыми вникнуть в пары противоположностей. Напомним некоторые из пар противоположностей, названных Пифагором: свет и тьма, ограниченный и безграничный, мужской и женский, отдых и движение, и так далее.

Что если мы чувствуем себя слишком молодыми для заселения опасного пространства между мужским и женским? Что если нам не нравится сильное напряжение между прямым и кривым, и не хочется такого количества противоположностей? Ребёнок в проблемной семье может чувствовать ужасную напряжённость между холодом гневного отца и жаром любящей матери, или между холодом остервеневшей матери и жаром горящего отца.

В такой ситуации относительно легко отказаться от железной работы и взяться за медную. Ребёнок может легко стать профессиональным мостом. Ребёнок может стать проводником из хорошо проводящего металла — меди.

Мужская медная работа может начаться рано, с того, что он кладёт одну руку на гневную грудь отца, а другую руку на землю; или возможно, он кладёт одну руку на страждущее сердце матери, а другую на землю; или одну руку на взрослую одинокую голову, а другую на землю.

Мальчик, ставший проводником, ценит себя за сложные потоки, проходящие через его тело, за своё умение перевести гнев в землю тихим ответом, самоотверженно протягивая руки и прикасаясь к обоим полюсам.

Многие из нас знают это ощущение проводимости с раннего детства: мать и отец общаются друг с другом через ребёнка. Позор отца-алкоголика, например, проходит сквозь наше тело на восток, а беспокойство со-зависимой матери проходит сквозь наше тело на запад. Каждый передаёт другому ярость и презрение, и они встречаются где-то в груди сына или дочери.

Если ребёнок — мальчик, то интенсивная изоляция отца может протекать сквозь него с небольшим сопротивлением... медь является таким хорошим проводником, что мальчик не нагревается. Интенсивные женские страдания могут течь сквозь него, не нагревая его слишком сильно. Я не уверен, как это происходит с маленькими девочками — подозреваю, что они нагреваются чуть больше.

Сын теряет свою отчётливость как мужчина, научившись быть проводником; дочь, принявшая эту задачу, становится похожей на мост, а не на женщину. Когда сын или дочь достигнут взрослости, они будут замечать множество возможностей быть подобным мостом.

Этот способ обращения с противоположностями стал чрезвычайно популярным в последние сорок лет. Когда мужчина или женщина становятся проводником, действие проведения даёт нам чувство, что мы не позорно узкие и ограниченные, но что мы — это ещё кто-то. Конечно, для того, чтобы поддерживать иллюзию существования ограниченности и безграничности, и ребёнка и моста, плоти и меди, такой человек должен игнорировать многие ощущения, что проскальзывают внутри него или неё в неурочное время.

Если мужчина стал медью как мальчик, он вероятно, продолжит работать с этим же металлом, когда вырастет. Он может поместить одну руку на темя своей остервеневшей жены, а другую руку на землю. Он может стать общественным защитником, проводящим в землю — сквозь собственное тело — века оправданной женской ярости.

Так как отцы теряют связь с воином, все меньше отцов даёт какую-нибудь модель помимо медного моста, когда сталкиваются с женским гневом. «Мой отец никогда был устойчивым с матерью, и я всё ещё злюсь на него за это». Сотни мужчин говорили эту фразу на собраниях. Иногда все, что необходимо было сделать отцу ; это упрочить свои границы, или ограничить вербальные оскорбления и просто твёрдо сказать «Хватит!» Если отцы не могут ограничить полыхание матери, а матери отцовские «потери самообладания», их дети превращаются в медные провода.

Чем больше мужчина соглашается быть медью, тем больше он будет ни живым, ни мёртвым, но третьим вариантом — аморфным, не мужественным, полуживым психическим проводником. Я верю, что женщины иногда проводят через себя ярость десятков убитых женщин, не имевших возможности озвучить свою ярость, пока они были живы. Проведение такой ярости может быть опасным.

Проведение большого количества очарования и любезности тоже опасно. Чрезмерное употребление меди — это профессиональный риск для служащих, терапевтов и священников, напоминающий опасность проглатывания свинца, как выносят его некоторые заводские рабочие. Современные служащие канала духовного комфорта нянчатся и успокаивают, но за счёт принятия риска и одиночества. Многие мужчины-служащие сдают в своём стремлении к одиночеству, к резкости и к сумасбродству в мужских компаниях; и когда они хоронят такого служащего, он действительно состоит в основном из меди.

Мужчины и женщины, также часто становятся проводниками не из храбрости или открытости к переменам, но для продолжения комфорта, для мира в доме, для мягких слов, для защитной окраски, стремясь спрятаться как перепела осенью в камышах.

Стать проводником для мужских и женских течений — это не то же самое, что достижение андрогинности. Гермафродит — это образ от алхимии, и он становится возможным, как мы упоминали ранее, на внутреннем плане после многих лет отчётливости: это годы отрезания, противоположностей и распознавания. Ложная андрогинность достигается на ранних этапах проводимости, но, как правило, ни Гермеса, ни Афродиты в ней не присутствует.

Это сложная тема, и трудно определить формулировки в правильном ключе. Никто из нас не получил очень хорошего совета на медной работе. Женщины на заре феминистического движения требовали, чтобы мужчины были в большей степени проводниками их гнева на них. Женщины давно устали от медных фантазий о мужском доминировании; я полагаю, что первые феминистки не замечали как много мужчины проводимости уже есть в мужчинах.

Часть 10: Поддержание напряженности между противоположностями

Через изображение того, как мужчина становится медным проводником, я пытаюсь передать ощущение, которое большинство из нас испытали дома в детстве. Мы теряем нашу детскость и нашу игривость, став медными проводами. Что происходит с нами, когда мы становимся старше?

Мы становимся подозрительными ко всем формам слияния. Романтическая любовь включает в себя огромное количество слияния; и это не значит что мы должны отвергать его, мы должны его рассмотреть. Это правильно — изучить все слияния: слияния насильника и жертвы, тирана и гражданина, компании и работника, церкви и молящегося, декады и моды, группового разума и личного разума, мужа и жены.

Чехов показывает это в рассказе «Душечка»; шедевре этой последней формы слияния. Мы знакомимся с женщиной, которая, выйдя замуж за продюсера, сетует, что зрители уважают только музыкальные комедии. После того, как её муж умирает, она выходит замуж за лесопромышленника и начинает интенсивно говорить «двое-на-четвереньки», «подпол», «дубовые балки» и так далее. Когда муж умирает, она влюбляется в ветеринарного врача и страстно говорит о ящуре, бруцеллезе, чуме и тому подобном. Не имея детей, она страстно привязывается к маленькому сыну ветеринара и охотно говорит о том, как несправедливы директора школ, как трудна жизнь на игровой площадке, и так далее. История заканчивается тем, что мальчик во сне кричит: «Я отдал тебе всё! Уходи! Замолчи!».

Мы легко могли бы описать параллельную историю, где мужчина след в след адаптируется к чувствам жены. Слияние так красиво... И по правде говоря, ребёнок живущий внутри каждого из нас, мужчины или женщины, должен научиться, сталкиваясь лицом к лицу с чрезмерным слиянием, научиться говорить, как сказал маленький мальчик: «Уходи! Замолчи!». Некоторые слияния правильны, некоторые нет.

Наша интуиция — то, что может сказать нам, когда слияние уместно, а когда нет; тогда внутренний воин — тот, кто может научить нас тому, как удерживать границы. В не-медном режиме границы сохраняются, но отношения по-прежнему живы.

Фрост сказал: «Есть что-то, что не любит стен». Но мы знаем, что граница — это не стена. В браке могут быть границы и обоснованные точки зрения на каждой стороне от границы. Они не должны сливаться в один вид.

Когда малолетний сын Роберта и Элеоноры Фрост умер, и Роберт собственноручно похоронил его, то обнаружил, что жена ненавидела то, как он рыл могилу, и ненавидела то, как он об этом говорил:

«О Боже, что за женщина! И я
Не смею говорить о мертвом сыне».
«Не смеешь, раз не знаешь даже как.
Бесчувственность твоя... Его могилку
Ты выкопал недрогнувшей рукой.
Я за тобою из окна следила —
Из этого окна! Как ты махал
Лопатой, перебрасывая гравий
Туда-сюда, туда-сюда, туда-
Сюда... Кто это? Я его не знаю»
«Ты разозлишься, что я ни скажу.
Я разучился говорить с тобою,
Но подскажи, но намекни мне как.
Согласен — а на что, — и сам не знаю.
Я как мужчина с женщиной готов
На крупные уступки».
И снизу вверх взглянула на него
С таким презрением, что, и сам забывшись,
Воскликнул: «Что же, мне о нем нельзя?»
«Тебе — нельзя! Где шляпа? К черту шляпу!
Пойду пройдуся. Мне надо подышать.
Об этом вообще нельзя мужчинам».
«Но, Эми! Не сбегай хоть в этот раз.
Послушай-ка, я приставать не стану.»
— из «Домашние похороны», перевод В. Топорова

Я люблю Роберта Фроста за то, что он способен поддерживать напряжение между противоположностями, между мужчиной и женщиной, в котором никто из них не принимается за ошибающегося, но за отличающегося.

Когда человек достаточно вырастает для того, чтобы чувствовать противоположности и осознавать, что должен или должна принять позицию по отношению к ним, то на ум приходят две возможности: первый — пройти их с металлом Афродиты, медью, о которой мы уже говорили; и второй — жить в противоположностях, а не жёстко занимать одну или другую сторону.

Часть 11: Живя в противоположностях

Таким образом, мы можем говорить о жизни между противоположностями. Жить между ними означает, что мы не только признаём противоположности, но и радуемся тому, что они существуют. Пифагор, как мы уже упоминали выше, оставил список тех противоположностей, в которых был уверен. Мужчина и женщина составляют одну пару, свет и тьма другую, один и множество следующую, чётное и нечётное ещё одну. Живя между ними мы протягиваем свои руки и отталкиваем противоположности так далеко друг от друга, как только можем, а затем живём в резонирующем между ними пространстве.

Жизнь в противоположностях вовсе не означает идентификацию себя с одной стороной и принижение другой. Цель не в том, чтобы мужчина, например, должен выбрать мужскую роль и рассматривать женственность как врага.

Католическая церковь, одержимая противоположностью языческих представлений и христианских установок, идентифицировалась с одной из сторон во времена инквизиции и результат оказался плачевным. В любой религии есть соблазн для аскетичных мужчин идентифицироваться с мужским полюсом. Далее, под видом духовных воинов, они могут оставаться злыми на женщин на протяжении всей жизни. Всё больше и больше женщин в последние десятилетия начали отождествлять себя с женским полюсом, и утверждать, что всё плохое — это мужское, а всё хорошее — женское.

Радоваться в противоположностях означает расталкивать противоположности с помощью своего воображения с тем, чтобы создать пространство, и затем наслаждаться фантастической музыкой, доносящейся с каждой стороны. Так чувствуется мощь, сидящая между ситаром и таблой, когда оба они излучают музыку.

Резонанс между противоположностями можно почувствовать в танцах фламенко. Защитник и атакующий смотрят друг на друга, притягивающий и отталкивающий, мужчина и женщина, красный и красный. Каждый есть полюс с его отдельным магнитным зарядом, каждый есть нация, защищающая свои границы, каждый есть воин, наслаждающийся теплом экстравагантной страсти, непонятной страсти, которая есть свирепость, орлиность (eaglelike), загадочность.

Часть 12: Восхищённость выбором Париса

Мы помним, что у Ареса в греческой мифологии была сестра, её звали Эрида (Раздор), и она была единственной, кто создал проблемы для Париса, отдав ему золотое яблоко, и сказав, чтобы он отдал его богине, понравившейся ему больше всех. Это проблема. Парис увидел Геру и её Укоренившуюся Земную Энергию, Афродиту и её Эротическое Удовольствие, и Афины с её Экстатическим Духовным Знанием. Эрида говорит: «Выбирай!» Большинство из нас делает вид, что не слышит этого слова. Задача Париса — выбрать одну богиню, и это означает, что двое других останутся злы на него. Когда человек выбирает одно самое дорогое — это серьёзный поступок. Выбор заканчивается хорошо, но не для отвергнутых богов.

«Я хочу всё». «Дерзай» — это нынешнее клише, выражающее какую-то ужасающую жадность, наивность и любовь к безграничному. Некоторые наивные мужчины и женщины не хотят выбирать, но хотят выбирать события. Ричард Уилбер написал чудесную поэму о продолжении:

Читал, как Дон Кихот в случайном путешествии своём
На перекрёстке встал очередном, и чтоб не загрязнить

Всех шансов чистоту, не принимал решения,
Куда направить путь, но дал коню сей выбор сделать.
Лежала слава там, куда он мог свернуть,
Легка была его глава, коня подковы
Очень тяжелы, и он направился в сарай.

Выбор богини очень отличается от идентификации с одной из сторон пары противоположностей. Вопрос здесь в том, что вы действительно любите. Эрида говорит выбирать то, что вы хотите, а затем платить за это. Мужчина выбирает желание его жизни, и воин в нём соглашается на неприятные подвиги, что последуют за этим. Для женщин ничего не отличается.

Воин даёт мужчине или женщине разрешение жить в страдании. Йейтс в преклонных годах сказал:

Страдая, люди все живут
И понял я давно,
Взойдут они высоко,
Иль упадут на дно:
Ткачиха за своим станком,
Гребец в своем челне...
Перевод Савина В.А.

Страдания здесь означают трудные задачи, принятие ради вашего желания, но также и мучительное осознание других не пройденных дорог.

Страсть в нашей природе призывает человеческое существо выбрать «одну драгоценную вещь», и настаивает на том, чтобы он заплатил за это бедностью, конфликтами, лишениями, трудом и продолжительным гневом отвергнутых богов. Это воин — тот, кто разрешает человеческому существу стать только музыкантом или только поэтом, или только врачом, или только отшельником, или только художником. Это любовник в мужчине или женщине — тот, кто любит одну драгоценную вещь, и говорит, ему что она есть; но это воин в Рембрандте или в Мирабай — тот, кто соглашается терпеть страдания, которые влечёт за собой этот выбор.

Студент Иешивы может обнаружить, что богиня сексуальности атакует его. Сахаров выбрал, и получил враждебность правящих кругов, отказ от собственных детей и ссылку в Горький.

Алхимики Средневековья многое поняли из сцены, где Парис выбирает между богинями. Ксилография шестнадцатого века, перепечатанная Эдвардом Эдингером в его *Анатомии души* показывает — близ Париса и богинь — короля, крепко спящего на земле. В тот момент, когда Парис палочкой показывает свой выбор, король просыпается.

Если мы выбираем «одну драгоценную вещь» — объект нашего желания — то, по мнению алхимиков, внутренний Король в нас, что спит уже много лет, просыпается. В течение всех лет в роли проводника, что мы хоронили наше железо, и делали внутри себя медные мосты, у Короля не было никакого выбора, кроме как спать. Пока ничего не ясно, пока мы не выбрали быть проводником или человеком, Король — и Королева — спят дальше.

Выбор Париса отмечает одну богиню, или иначе жизненный путь. Есть в этом что-то свирепое.

Мы могли бы сказать, что люди Нью Эйдж в целом имеют пристрастие к гармонии. Алхимическая ксилография говорит, что ребёнок не станет взрослым, пока не нарушит пристрастия к гармонии, выбрав одну драгоценную вещь, и войдя внутрь радостного участия в напряжённости мира.

Когда битва в нашей истории закончилась, мальчик наивен на одну вещь меньше: в том, что знает, что такое меч. Конечно, как и всё в истории, битва происходит снова и снова. Мы находим нашу трёхногую клячу; мы едем в лес; мы просим у Дикаря лошадь; без гнева мы присоединяемся к напряжённости мира. Каждый раз, когда мы хорошо используем воина, мы не столько бьёмся в сражении, сколько пробуждаем Короля.

Часть 13: Движение от меди к железу

Этот процесс оживления внутренних воинов продолжается в течение многих лет, и это связано с переходом от меди к железу. Каждый из нас должен представить, как привнести внутренних воинов обратно в жизнь, и это не столько физическая работа, сколько творческая.

Фианна любили Ирландию, и были защитниками её границ. Что мы любим настолько, чтобы защищать?

Защита границ и Короля означает в упоминаемой выше метафоре, что мы получаем ручку на внутренней стороне двери. Само по себе взросление не даёт это ручку. Мужчина в тридцать пять и в сорок пять, как только слышит, как рука берётся за ручку с внешней стороны двери, может впасть в оцепенение, и дать всему этому повториться вновь. Это работы воина — выйти из оцепенения. Постепенно мужчина или женщина учится распознавать признаки оцепенения, и узнавать женщин или мужчин, вводящих нас в оцепенение. Метафорически, задача состоит в том, чтобы переместить ручку на внутреннюю сторону двери. Чем больше мы чувствуем внутренних воинов, тем больше вероятность того, что они будут предупреждать нас, когда кто-то делает это.

Каждый раз, когда мы просим интуицию наших воинов распознать наш стыд, мы наращиваем проницательность. Конечно, мы можем потерять часть своей «мальчишеской наивности», некоторый «оптимизм по поводу человеческой природы», но мы уже не раненные шестилетние дети. Раненного ребёнка по-прежнему нужно беречь и защищать, но ребёнок больше не владеет нами.

Задача воина заключается в том, чтобы предупредить нас, когда человек разговаривает с нами с намерением передать часть своих пристыживателей (shamers). Например, когда мы закончили беседу или лекцию, кто-нибудь может сказать: «Мне понравилось то, что Вы сказали, за исключением одного. Вы хотели бы знать, что это?». Сейчас самое время. Человек может иметь хорошие намерения или нет. Если воин говорит «нет», возможный ответ: «Я не думаю, что Вы будете стыдить меня сейчас, если с Вами всё в порядке». Нет необходимости бить человека палкой. Иногда слова «стыд» достаточно, чтобы сохранить границы. Человек шокирован и говорит, что у него и в мыслях не было... О, конечно, нет.

Защита внутреннего дома подразумевает замену части меди на железо. «Дева Малейн» — история из коллекции Братьев Гримм, советует Малейн и её служанке, беззащитным, поест крапивы, которая фактически является источником железа. Поедание крапивы предполагает принятие шипов, таких же крепких, как у розы; жизнь в нужде, делание неприятного, и избегание разговоров о том, что могло быть лучше. Разговор о реальности — хороший способ привнести железо.

Практический способ предотвратить себя от осуществления функции медного проводника — это осознание проводимости, происходящей в данный момент. Проводимость находится в бессознательном, и называние её помогает привнести её в общение. «Я не думаю, что и дальше буду проводником для Вас».

Воинскость внутри, таким образом, сводится к готовности души помогать человеческому существу не превратиться в медную проволоку, и защищать нас от пристыживателей, бессознательных мечников, враждебных людей и жадных внутренних существ.

Одиссея говорит, что есть женихи внутри, желающие жениться на душе. Эти зубастые женихи имеют планы на вашу жизнь. Если человек никогда не поднимает меч, он или она может получить высокую оценку за мягкость, но может закончить как раб женихов или цель свадебной церемонии. Мы можем сказать о человеке, отказывающемся поднять меч:

Легка была его глава, коня подковы
Очень тяжелы, и он направился в сарай.

Это может произойти и с культурой. Если культура отказывается от воинской энергии — с её сознательностью, дисциплиной, честью — та будет выплёскиваться наружу в виде уличных банд, избиения жён, жестокости к детям и бесцельных убийств.

Одна из главных задач современных мужчин состоит в переосмыслении того, что сейчас образы вечного воина и внешнего воина больше не являются моделью, переосмыслении значения воина в отношениях, в литературе, в мыслях, в эмоциях.

И мы можем вообразить, что последует после воинской напряжённости. В отсутствие энергии, что любит воевать, нужно учиться переигрывать всё заново? Как это происходит?

Глава 7: Скачка на красном, белом и чёрном конях

Мы знаем, что наше общество производит мальчиков в избытке, но, кажется, производит всё меньше и меньше мужчин. В некоторых современных культурах — например, в племенах Новой Гвинеи — принуждают мальчиков быть мужчинами через такие хитрые, горячие, творческие, отчаянные аскезы и учения, что могут очень быстро произвести цельного мужчину. Мы находимся на противоположной стороне этого спектра, так как не имеем никаких идей о том, как производить мужчин; и мы даём всему этому произойти неосознанно, пока мы смотрим на Уолл-Стрит и надеемся на лучшее.

Майкл Вентура в великолепном эссе под названием Эпоха Помрачения (недавно опубликовано в Полном обзоре Земли) говорит о подростковой дикости и её вызовах при нашем отсутствии идей. Их музыка, их манера поведения, их слова, их коды, говорит он, сообщают, что момент посвящения пришёл. Эти сумасбродства — требование ответа. Вентура замечает:

Племенные люди везде встречали начало полового созревания, особенно у мужчин, со сложными и мучительными посвящениями — практика, которая явно не была бы нужна, если бы их юноши были так экстремальны, как наши.... Племенные взрослые не бежали от этого момента в своих детях, а праздновали его. Они нападали на своих подростков, в буквальном смысле, со священным ужасом; ритуалами, что хранились в секрете от юношей до этого момента.... ритуалы, фокусировавшие на юношах весь свет и всю тьму их племенной коллективной психики, всё его чувство тайны, все свои вопросы и все истории,

рассказывающие о прибежищах и ответах на эти вопросы.... Ключевое слово здесь «фокус». У взрослых было, чему научить: «истории, навыки, магия, танцы, видения, ритуалы. Фактически, если бы эти вещи не были хорошо и полностью изучены, то племя могло бы не выжить.... Племенные культуры удовлетворяли страстное желание, в то же время снабжая необходимость, и мы называем это «посвящение». Эта практика оказалась такой эффективной, что, как правило, в возрасте пятнадцати лет юноши и девушки племени могли занять место в качестве полностью ответственного взрослого.

Вентура замечает, что около сорока лет молодёжь в нашей культуре порождала формы — музыку, моду, модели поведения — «которая продлит момент посвящения ... будто надеясь каким-то образом случайно быть посвящёнными на этом пути». Этого не произойдёт: Мик Джаггер вошёл в средний возраст, но взрослость ему так и не открылась.

Затягивание момента посвящения — и отсутствие на это реакции со стороны взрослых — всё это, считает Вентура, создаёт огромный рынок наркотиков в Соединённых Штатах.

Каждый из нас должен знать намного больше о посвящении, чем сейчас, прежде чем мы сможем удовлетворить спрос на это посвящение. Но это не мешает думать.

Часть 1: Обзор классической инициации

Есть много видов посвящения, много моделей, много последовательностей ритуалов и учений. Все последовательности этапов посвящения являются линейными, а само посвящение напоминает сферу. С этим предупреждением, мы можем посмотреть на линейный вид мужского посвящения в пять этапов. Во-первых, связь с матерью и отделение от матери. (Первое мы осуществляем хорошо, а второе совсем не хорошо, особенно в пригородах и в гетто). Во-вторых, связь с отцом и отделение от отца. (Мы часто откладываем связь с отцом до пятидесяти или около того, а потом сепарация всё равно должна произойти.) В-третьих, появление мужской матери, наставника, который поможет мужчине восстановить мост к своему величию и сути. Король Артур является примером такого мужчины-матери. (Этот шаг происходит бессистемно, если происходит вообще.) В-четвёртых, ученичество у урагана энергий, таких как Дикарь, или Воин, или Дионис, или Аполлон. Когда он проделан хорошо, юноши получают напиток из вод бога. (Такой напиток — это единственное, о чём просят подростки.) И, наконец, в-пятых, брак со Священной Женщиной, Королевой.

События нашей истории проходят примерно в этой модели классического посвящения. Железный Джон олицетворяет взрослого наставника, возвращающего связь мальчика с его величием и его «Золотой Головой». Железный Джон, как Дикарь, также является божественной энергией, водами которой мальчику было позволено напиться.

Отказавшись от посвящения, наше общество с трудом ведёт мальчиков к мужественности. Мифологически, мы можем сказать, что Великий Отец в своей примитивной форме блокирует юношей на их пути, и Великая Мать в своей примитивной форме тоже блокирует их. Эти препятствия мы также должны добавить к нашему объяснению, почему у нас так много мальчиков и так мало мужчин. Основная причина, я думаю, это наше собственное незнание посвящения и его обесценивание.

Личный отец, в первую очередь проводящий через себя благословенную, упорядочивающую и творческую сторону Священного Короля может помочь своему сыну пройти сквозь уровни инициации с удовольствием. Но мы знаем, что Искривлённая или Ядовитая часть Священного Короля также может проходить сквозь отца. Ядовитый Король будет «лежать проклятием на заслуженной радости», как сказал Блейк, а это означает повреждение сыновей

генеративности, самооценки и сексуальности, так что они будут эффективно заблокированы — как описывалась эта Искривлённая часть Великого Отца на протяжении четвёртой главы.

Мы должны так же внимательно посмотреть на обе стороны Великой Матери. С её позитивной стороны: принятие, питательность, похвала и поток отваги стекают к сыну. Но Великая Мать так же имеет Искривлённую или Ядовитую сторону, ибо она тоже представляет собой огромный ураган энергии, что тянет свою костистую руку сквозь стену. Иногда когтистая рука забирает человеческую часть из матери, и оставляет только механическую часть, что повторяет психические шаблоны, хорошо знакомые её бабушкам, прабабушкам и пра-прабабушкам. Наша история суммирует притягательную сторону Великой Матери в одну-единственную идею: «надо украсть ключ из-под подушки матери».

Мэрион Вудман просит нас проводить черту между сознательной матерью, знающей о своей власти над сыном или дочерью, и несознательной матерью, продолжающей работу программ Великой Матери в своём мозгу снова и снова, с трудом различая партнёрство и доминирование.

Искривлённая сторона Великой Матери на хочет, чтобы мальчик вырос, потому что тогда он покинет её царство. Она не проклинает его, как Искривлённая сторона Священного Короля, но она держит его.

Кельтская история под названием Килух и Олвен, упомянутая ранее, обращает внимание на юношу по имени Мабон, сидящего под водой. Лосось может слышать его плач ночью и днём. Товарищи Килуха говорят Артуру, что Килух не может выполнить свою задачу, пока Мабон не будет спасён из своей подводной тюрьмы, а это невозможно, пока Эидол находится в своей одинокой башне, а это не может быть сделано пока не будет найден Великий Лосось, и так далее, и так далее. Мальчик заключён под водой — это молодая мужественность, пойманная в привычное собственничество Великой Матери. Личная мать не сажает в эту тюрьму, но это делает Великая Мать, к которой восприимчивы личные матери. Мы должны повторить, что это не личная мать закрепощает сына — она хочет от него освободиться. Это притягательная или примитивная сторона Великой Матери держит его взаперти.

Места лишения свободы описываются и в других историях. Одна такая история — это русская сказка Царь-девица, в которой купечий сын Иван теряет мать, будучи очень маленьким. Его отец вступает в повторный брак, так что у Ивана теперь есть мачеха. «Мачеха» — кодовое слово в сказках для Ядовитой стороны Великой Матери. Тревожная действительность такова: мачеха влюбилась в Ивана. Мы могли бы сказать, что Великая Мать влюбилась в непосвящённого мальчика.

Отец отправляется в путешествие, и нанятый им учитель Ивана, берёт мальчика на рыбалку в залив. Вдалеке появляется флотилия лодок, подходят ближе, и на самой большой лодке находится властная золотоволосая женщина, приветствующая Ивана так, будто хорошо знает его. К его радости она обещает вернуться на следующий день. Она зовётся Царь-Дева. Мы признаём в ней Золотоволосую Женщину. В тот вечер мачеха опаивает учителя и узнаёт всё, что произошло. Она даёт учителю булавку, и приказывает воткнуть её в воротник Ивана, как только на следующий день корабли появятся на виду, чтобы она усыпила его. Учитель делает всё как приказано; Иван устаёт, ложится и не его невозможно разбудить.

Это действие Великой Матери, вступившей в сговор с учителем, является более тонким, чем проклятье отца, и оно не оставляет следов: как только корабли ушли, учитель вытаскивает булавку; Иван просыпается. Но рост мальчика, или процесс посвящения, останавливается, прежде чем он приносит дикие цветы Священной Женщине; он как вкопанный

останавливается мачехой. В моменты, критичные для следующего шага сознания, он спал.

Мне нравится, что учитель, номинально маскулинность, и мачеха, номинально феминность, делают эту плохую работу вместе. Эта история намекает словом «учитель», что система образования, заставляющая мальчиков и девочек спать годами, вплоть до аспирантуры, находится в сговоре с тёмной стороной Великой Матери. Очерки по теории деструкции написаны людьми с булавками в воротниках. Каждый из нас знает достаточно о коллективном образовании, чтобы развить эту идею гораздо дальше. Колледжи называют себя Альма-матер. И негативная материя в материализме заставляет спать целые народы.

Мэрион Вудман упоминает эту булавку в качестве «ложного фаллоса», вставляемого рядом с головой. Она связывает её с некоторыми видами интеллектуальной беседы, исходя из рациональной мысли о том, что бессознательное матери балуется со своим сыном-подростком. Иногда интеллектуальные идеи матери приносят сыну благословение поздней ночью, иногда нет. Такой мальчик может закончить свои годы в изоляции на высокой умственной башне.

Но если объединение происходит на уровне чувств, он может закончить заточённым под водой, где лосось слышит, как он плачет день и ночь.

Наша культура в последние годы уделяет много внимания, и это правильно, физическому инцесту между мужчинами и их дочерьми, которые безобразны и отвратительны по своей длительности и разрушительности. И мы обращаем внимание на психический инцест между отцом и дочерью. Мы поднимаем тревогу из-за роста числа сыновей, сообщающих о сексуальных злоупотреблениях со стороны матерей, а также отцов, дядьев и старших братьев; но культура всё же не очень серьёзна по отношению к психическому инцесту между матерью и сыном.

Мэри Сандоз в Они были Сиу упоминает, что юный Сиу — после семи лет или около того — никогда не смотрел матери в глаза. Все запросы передавались через его сестру. «Ты попросишь мать починить эти сандалии?», «Дамбо просить поправить его сандалии», и так далее. Когда задача выполнена, мать не отдавала сандалии сыну со словами «Вот твои сандалии», но опять же объект передавался окружным путём. Много сексуальной энергии может участвовать в обмене, когда мать смотрит своему сыну прямо в глаза и говорит «Вот твоя футболка, всё чисто».

Такие меры предосторожности между матерью и сыном кажутся нам абсурдными, неслыханными, нелепыми, бесчеловечными. А ещё мужчины Сиу, когда вырастали, славились отсутствием страха с женщинами, своими раскованными разговорами в вигвамах, своей лёгкостью в сексуальных разговорах со своими жёнами. Мы признаём, что женщины Сиу были более осведомлены о возможностях психического инцеста между матерью и сыном,

чем мы.

Я уже упоминал, что американские матери иногда поверяют подробности своей личной жизни своим маленьким сыновьям, в деталях, лучше бы подошедших взрослым своего возраста. Откровенное самораскрытие часто лучше, чем молчание, но оно становится вредным, если сын чувствует, что должен что-то сделать. Мальчик во многих кухнях привлекается на сторону матери, и он в какой-либо форме говорит эти страшные слова: «Мама, когда я вырасту, у меня будет большой дом для тебя, и тебе никогда снова не придётся работать».

До двадцати-тридцати процентов мальчиков сегодня живут в домах без взрослого мужчины; и часто говорит эти слова, молча или открыто. Но психический инцест отнюдь не

ограничивается неполными семьями. Особое место в последние десятилетия уделяется неадекватности мужчин и злу патриархальной системы, рекомендуя матерям обесценивать взрослых мужчин. Современным женщинам также стало известно об их богатой внутренней жизни. Сразу могу сказать, что европейский роман, прекрасный феномен последних двух десятилетий, научил больше чем одну современную женщину, что обильный резервуар побуждений и стремлений в её душе может быть удовлетворён или остаётся не удовлетворённым. Немногие женщины могут сказать сегодня: «Границы моей жизни — это мой муж». В XX веке женщина испытывает внутри себя такие сложные чувства, что ни один обычный или смертный мужчина не может познать.

Я предполагаю, что здесь объединились две современные тенденции. Одной из них является растущее в американской культуре внимание к неадекватности взрослого мужчины, даже его нелепости, а второе — повышение информированности женщины о её внутреннем эмоциональном богатстве.

Когда эти две тенденции объединяются, надежда на изменение и осуществление ложится на сыновей. Мать смотрит на сына для эмоционального удовлетворения, и её фантазии в этом отношении, возможно, углубились за последние годы. Это не редкость для взрослых мужчин обращаться к молодым женщинам для сексуальной дружбы; взрослая женщина может обратиться к своему восьмилетнему сыну для душевной дружбы. Её фантазии могут включать мечты о том, что он искупит грубости других мужчин, что он будет развивать ум открытым для женских ценностей, и что она будет для него душевным другом. Возможно в её фантазиях он будет жить в некоем героическом сценарии, который она прожить не смогла. Прежде всего, она надеется, что он может научиться быть добрым по отношению к женщинам, добрее, чем его отец, и сможет удовлетворить свою женщину сексуально. Короче говоря, она надеется, что он станет лучшим любовником для «своей женщины», чем был или есть его отец. Кто бы мог быть «его женщиной»?

Сотни раз тот или иной мужчина говорили мне, что сейчас, в сорок или в сорок пять, он понимает, что его задача на протяжении всей его жизни — стать заменой мужа, любовника и душевного друга для своей матери. Он представляет себя белым рыцарем для женщин всего мира. Если я спрашиваю такого мужчину: «А что ты чувствуешь по отношению к мужчинам?», он, вероятно, скажет: «Я никогда не мог доверять им».

Если мы понимаем второй этап инициации как связь с отцом (и сепарацию от отца), такой мужчина никогда не сделает этот шаг; и мы догадываемся, что он никогда не доверился бы Дикарю настолько, чтобы уйти на его плечах.

Мальчик, призванный матерью слишком рано, чувствует себя беспомощным, когда понимает, что он слишком мал, чтобы сделать то, о чём его просят. Его эмоциональная энергия слишком фрагментирована для удовлетворения потребностей матери, и его уверенность в себе как в мужчине слишком неустойчива, чтобы заменить отца.

Не является необычным для мальчика чувствовать себя неудачником в отношениях с отцом, с которым фактически у него почти нет отношений. Далее, когда он не может спасти свою мать, то чувствует себя неудачником и в отношениях с ней. Он начинает жизнь с двойного провала.

Кто-то должен быть в состоянии сказать эти истины без возложения излишней вины на мать, которой Фрейд ошибочно присвоил главную ответственность. Традиция посвящения, о которой Фрейд знал очень мало, кладёт ответственность на мужчин, особенно на пожилых мужчин и ритуальных старейшин. Они зовут мальчика прочь. Когда они не делают этого, притягательная сторона Великой Матери начинает лишать их свободы, даже когда личная мать не хочет

негативное владение имело место. Матери часто даже не видят эти вещи; но мальчик их видит.

От стыда за свою несостоятельность, а иногда из страха быть утянутым на сторону матери, прежде чем он стабилизировался как мужчина, мальчик находит в себе необъяснимую злость, ярость, что мешает материнским мечтам о нежном мужчине стать явью. Этот гнев может проявлять себя, когда сын-подросток грубит своей матери на кухне. Это его личная форма лирики хеви-метал, ставящий её в тупик. Необъяснимый гнев может позже перейти в сотни других способов: замкнутость, трудоголизм или бездумные поступки Дона Жуана или Джеймса Бонда, которые грабят женщин в сексуальном плане, а затем унижают их, или в случае Бонда, расстреливают их, если они стоят на пути.

Предъявление завышенных ожиданий от маленького сына, желание, чтобы он заменил дефектного отца, останавливающего процесс посвящения мужчины на раннем этапе, и называется «мачеха влюбилась в Ивана».

Отсутствие мифологии, в частности, потеря греческой мифологии в целом в культуре, и низведение сказочных историй до детских, способствует неспособности матери увидеть, что происходит. Это как если бы многие женщины были проницательны по отношению к тёмной или отрицательной стороне Священного Короля, но наивны относительно негативной стороны Великой Матери.

В последнее время в аудитории много очень бодрых женщин, и когда их спрашивают о прилагательных, связанных с Великой Матерью, то в изобилии получают прекрасные слова: питательная, влажная, принимающая, земная, страстная, непредвзятая, нежная, заботливая и любящая. Но никто не говорит бессознательная. Женщины получают мало помощи в различении между положительной и отрицательной стороной Великой Матери. Нам нужны люди, чтобы снова и снова напоминать мужчинам, как трудно стать осознающим отцом, и напоминать женщинам, как трудно быть осознающей матерью. Есть часть мужчины или женщины, скрытая от него или неё.

Мы знаем, что есть много исключений из того, что я сказал, и есть разные матери и отцы. Некоторые отцы хороши и для сыновей, и для дочерей, некоторые матери не просят сыновей или дочерей спасти их, или стать заменой их брачных партнёров.

Но когда сын вызывается слишком рано, единственное, что мальчик делает неправильно — это то, что он не спасает свою мать. Он не делает её счастливее или не забирает её боль. Он так и не может занять место своего неадекватного отца, и как отец пребывает в стыде, так и сын виновен, ибо должен был уметь делать всё это.

Традиционный способ различения вины и стыда: стыд — это ощущение, что вы самый неадекватный человек на этой планете, и с этим, наверное, ничего не поделаешь. Чувство вины — это чувство, что вы сделали одну вещь неправильно, и вы можете искупить свою вину. Некоторые сыновья, призванные слишком рано, будут испытывать и стыд, и вину.

Мы помним, что Орест будучи преследуемым Разъярёнными Невидимыми Женщинами после убийства своей матери, откусил свой палец и бросил его им, и после этого некоторые из чёрных Разъярённых Невидимых Женщин побелели и оставили его в покое.

Традиционная стратегия, когда кто-то чувствует на себе слишком много вины — это откусить часть вашего тела, и бросить его позади себя. Мужчина, чувствующий себя виноватым, может принять решение потерпеть неудачу в первой половине своей жизни. Это его наказание за то, что он не спас свою мать. Некоторые мужчины идут в профессию, которую ненавидят, откусив

все свои радости, и только к пятидесяти возвращаются к тому, что любят. Мужчина может стать «неправильной женщиной», другой может стать импотентом. Ещё один может стать заядлым соблазнителем, и так продолжать чувствовать вину за не удовлетворение эмоциональных потребностей любой женщины. Некоторые мужчины, которым не удалось спасти своих матерей, становятся терапевтами, и пытаются спасти женщину снова и снова. Они откусывают палец своих эмоций и прислушиваются к эмоциям других людей до конца своих дней. Если лошадь в нашей истории сделала бы это, она бы откусила одну из своих ног.

Когда мужчина оказывается не в состоянии достать ключ из-под подушки своей матери, возможно, он любил свою мать слишком сильно, или беспокоился о ней слишком долго. Когда мужчина оказывается не в состоянии спуститься в пепел или войти в сад, может быть, он слишком любил своего отца или слишком долго беспокоился о нём.

Не все мужчины проходят стадии посвящения со скоростью ученика Железного Джона, который ясно отделился и от отца, и от матери на ранней стадии. И что на счёт тех мужчин, которым действительно не повезло, мужчинам, не любившим свою мать и своего отца, мужчинам, которых жестоко избивали или издевались, или абсолютно забросили? Это страдающие мужчины, чья боль глубже, чем любой из нас может себе представить.

Такой мужчина становится бессердечным выживальщиком, живущим в Айдахо с собаками и АК-47.

Такой выживающий мужчина воюет на некоторых маленьких островах в Тихом океане много лет после окончания войны. Его маскулинная красота не выходит наружу, его ригидные границы, злой мальчик внутри, мертвый Король, роботизированные внутренние воины, вводят его семью и жену в отчаяние. Он видит, что его мать не защитила его от отца, а его отец не защитил его от матери. В этом состоянии оба полушария его мозга не коммуницируют друг с другом. Он не знает о своих чувствах; они не приходят в слова. Он может впасть в избиение жены или подраться из-за задержки на светофоре в пятнадцать секунд, и это будет только усиливать его отчаяние.

Как может мужчина выйти из этого режима, приводящего к насилию другие народы и других людей, действующих одержимо и разрушительно всю свою жизнь. Как могут мужчины, любимые или нелюбимые, выйти из их монотонного агрессивного режима? Это вопрос всего нашего народа, возникший после окончания холодной войны.

Наша история говорит, что такому мужчине требуется мужская мать, в этом или в вечном мире, кому он может отдать свою трёхногую клячу и от кого он может получить лошадь со всеми четырьмя ногами.

Часть 2: История: Фестиваль золотых яблок

Теперь пришло вернуться к нашей истории. Юноша, как мы видим гораздо более удачно, чем большинство из нас прошёл через пепел, сад и битву. Он поскакал на поле боя на здоровом коне, одолженном ему Дикарём. Он вернул боевого коня в лес, и вернулся домой на своём неуклюжем подростке под насмешки конюхов. Но он знает, чего он достиг.

Почему не закончить историю здесь? Юноша во время битвы вошёл в царство конфликта радостно, как если бы это была его территория. Истинные воины драгоценны настолько, что когда мужчина достаточно развивает внутреннего и внешнего воина, ему хочется сказать: «Этого достаточно». Живя в чудесных противоположностях среднего мозга, его сказочных фурий, его секретных защитах страсти, его повышенном адреналиновом кровообращении,

мужчина может дать миру дух, защитить сообщество и пребывать в собственной страсти.

Мужчины получают дар воина, как вершину экстаза служения, из обезличенного воина высоко в генетических небесах; но помимо воинскости есть вещи, требующиеся от нас жизнью. Умение воевать также хорошо как танцевать, являющееся свидетельством искреннего намерения быть в мире, не столь аппетитно, когда мужчина может представить себе другого мужчину или другую страну лишь в качестве врага, и не может представить себе отношений без боя. Такие выдающиеся мужчины как Савонарола, Святой Игнатий де Лойола, основавший Орден иезуитов; Карл Маркс, генерал Паттон, Ницше, Ибсен — все они застряли в режиме воина.

Режим воина, кроме того, имеет ядовитую или негативную сторону. Воинская искривлённая или ядовитая сторона означает жестокость, мародёрство, требование безоговорочной капитуляции, бессмысленные убийства, избиения жён, изнасилования, предательство всех человеческих ценностей Короля.

Мужчинам, воодушевлённые воинской энергией, нужна возможность понижать частоту воинского режима. Мы знаем, что не можем закончить историю здесь, потому что освобождение от агрессии или выход ещё не появились.

Возвращаясь к истории, мы помним, что последний эпизод завершился победой над врагами Короля. Мы догадываемся, что дочери Короля стала интересна личность этого таинственного рыцаря, спасшего королевство. Мы помним, что она подозревает мальчика садовника в чём-то необычном. Это приводит её к тому, что единственным способом узнать, что мальчик садовника и есть таинственный рыцарь — это пригласить всех рыцарей на фестиваль поединков и проявить себя.

Король сказал своей дочери: «Я устрою большой праздник, он будет длиться три дня, и ты будешь той, кто бросает золотое яблоко. Возможно таинственный рыцарь и появится.

После объявления о фестивале, юноша поскакал к краю леса и позвал Железного Джона.

«Что тебе нужно?» — спросил тот.

«Я хочу поймать золотое яблоко, которое собирается бросать дочь Короля».

«Нет проблем: ты почти держишь его в своих руках» — ответил Железный Джон. «Я дам тебе больше: красные доспехи и мощного гнедого коня».

Юноша в назначенное время прискакал на поля, ехал среди других рыцарей и его никто не узнал. Дочь Короля шагнула вперёд и бросила золотое яблоко в группу мужчин; и он был тем мужчиной, кто поймал его. Однако, получив его, он ускакал и пропал.

Когда он приехал во второй день, Железный Джон снарядил его белыми доспехами, и проводил на белом коне. На этот раз яблоко вновь попало в его руку; и снова, не останавливаясь ни на секунду, он ускакал.

Это рассердило Короля, и он сказал: «Такое поведение недопустимо, он должен был подъехать ко мне и сообщить своё имя».

«Если он поймает яблоко в третий раз и поскачет прочь» — сказал он своим людям: «Преследуйте его. Более того, если он откажется вернуться, ударьте его мечом».

На третий день фестиваля Железный Джон дал юноше чёрные доспехи и чёрного коня. И в этот день юноша поймал яблоко. Но в этот раз, когда он поскакал прочь, люди Короля устремились за ним, и приблизились достаточно, чтобы концом меча поранить его ногу. Юноша ускакал, но его конь так мощно рванул вперёд, что шлем юноши слетел, и все увидели его золотые волосы.

Люди Короля прискакали домой и рассказали Королю, что случилось.

Три темы или детали в этом эпизоде кажется требующими внимания: смысл золотых яблок, любопытный характер фестиваля, и последовательность из трёх цветов, утверждённая конями.

Часть 3: Золотые яблоки

Золотые яблоки в этой истории, как и во многих других историях — это намёк на то, что события происходят в каком-то особом пространстве или времени, что они связаны с ритуалом.

У Париса было золотое яблоко в дар, и мы помним, что его просили выбрать между Герой, Афиной и Афродитой. Яблоко ассоциируется с бессмертием, и мы знаем, что некоторым юношам, когда они должны были быть принесены в жертву в греческом ритуале Адониса, давали золотое яблоко, как пропуск в рай. Слово рай (paradise) означает огороженное стенами пространство у древних персов, а кельты представляли рай, как яблоневый сад на Западе, где смерть.

Это соотносится с разного сорта деталями в старой европейской жизни. Например, это яблоня, коротко стриженная на Хеллоуин, когда мёртвые возвращаются в этот мир. Ритуал проведения банкетов предписывает начать с яиц Востока, а закончить яблоками Запада. Ещё одна восхитительная деталь про яблоко заключается в следующем: если разрезать яблоко поперёк, то в тёмных зёрнышках священную пентаграмму с её пятью точками. Это тайный знак Святой Женщины или Софии. Яблоко — это земля, а пентаграмма — её священное начертание. Так Софья, по этой мысли — это душа земли.

И здесь у нас есть намёк: дочь Короля, Женщина, Любящая Золото, выбрала мальчика Священным Королём.

Естественно, наша история теперь проходит в ритуальном пространстве. Мы замечаем, что рыцари не сражаются во время этого фестиваля: боевые действия происходят в предыдущем эпизоде. Фестиваль Короля призывает обойтись без копий, выбивающих всадника из седла, без пробивания доспехов, без ударов мечом, пронзающих кишечник или отнимающих руку по плечо. Некоторые изменения просятся в выражение энергии воина. Можно сказать, что здесь юноша учится регулировать выход агрессии через похвальбу, форму и ритуал. Юноши демонстрируют свою красоту, проходя в процессии, и «удача» определяет, кто получит яблоко.

Часть 4: Пороговое пространство

Виктор Тёрнер, антрополог, восстановил в течение последних десятилетий практически забытое понятие ритуального пространства. Люди входят и покидают ритуальное пространство через церемониальный порог или лимен. Прежде чем войти в него, человек подвергается некоторому ритуальному отделению, и физическое местоположение также требует некоторого отделения для обособленности. Внутри церемониального места, и время и пространство изменяются, отличаясь от того, какие они в мирском месте.

Изменение или трансформация может произойти только тогда, когда мужчина или женщина

находятся в ритуальном пространстве. Войдя, человек должен, во-первых, сделать шаг через порог, а во-вторых, само пространство должно быть «нагрето». Мужчина или женщина остаются внутри нагретого пространства (как в суфийском ритуальном танце) на сравнительно короткое время, и затем они возвращаются в обыденному сознанию, к собственной неряшливости или тупости.

Католическая церковь помнит ритуальное пространство Мессы, но для протестантизма она канула в забвение. С некоторыми исключениями протестантизм распространил своё игнорирование ритуального пространства во всём мире. Живя в эпоху, когда утеряна идея, мы можем легко совершить две ошибки: не дать ритуальному пространству никакого места в своей жизни, и таким образом остаться «крутыми»; или остаться в нём слишком долго. Некоторые фундаменталисты настаивают на необходимости нахождения в ритуальном пространстве без выхода до сорока лет — не позволяя проявлений неряшливой человечности. Если человек не вступает в ритуальное пространство, он или она будет мягким, как глина; если остаётся в нём слишком долго, то заканчивает как треснувший горшок, перепечённый и почерневший.

Дионис, как говорят, основал греческий театр. Мы знаем, что дионисийская посвятельная работа проходила в изысканно ухоженном ритуальном пространстве. Греческий трагический театр считается передачей этого ритуального пространства в публичный доступ.

Ритуальное пространство имеет ещё несколько особенностей. Когда мы в нём, наша энергия желания не мчится вперёд к своей кульминации, будь то оргазм или битва; но радость сменяет гнев, а обороты речи или изгибы символов заменяют путь меча.

Добавим, что мужчины и женщины в ритуальном пространстве могут быть представлены незнакомому мужчине или незнакомой женщине внутри себя. Король и его дочь учредили фестиваль, потому что — и это прекрасная деталь — хотели знать, кем был тот «таинственный рыцарь».

Занятия любовью в Индии и Тибете иногда переходят в ритуальное пространство. Религиозные учителя помогают мужчинам и женщинам создать такое нагретое пространство, в котором пара соединяется сексуально, но где ни мужчина, ни женщина не приходят к оргазму. Занятия любовью могут длиться

два или три, или четыре часа. Обряды, иногда очень сложные, подготавливают пространство. Мужчина готовится со знанием и нужной творческой энергией, потому что его задача визуализировать несколько богинь в таких деталях, будто он смотрит в глаза женщины, и женщина готовится со знанием и использует свою творческую энергию, чтобы визуализировать несколько богов в таких деталях, будто она смотрит в их глаза. Два человека едут верхом на своих инстинктах, как на лошади; эта лошадь удерживает их в ритуальном пространстве, даже если их инстинкты всю жизнь до этого момента отдыхали в такое время от их целей.

Наслаждение ритуальным пространством означает интимное и творческое действие, и наслаждение таким пространством напоминает вложенность в миску или в корзину. Моррис Берман отметил, что в музеях, в качестве доказательства ранней культуры, характерны по-настоящему тяжёлые вещи, такие как топоры и копья. Но культура, очень вероятно начинается с корзины из камыша, которые являются мягкими и удерживают пустоту.

Пустота внутри каждого человека, можно сказать, имеет свою форму. В обычной жизни мы пытаемся удовлетворить наши желания, и заполнить пустоту, но в ритуальном пространстве, как мужчины, так и женщины, учатся испытывать пустоту или страстное желание и не

заполнять их.

Такой мужчина может быть в непосредственной близости к невинности — не двигаясь, чтобы иметь с ней половые сношения, наслаждаться своей яростью — без физического действия, знанием материнской нужды — без движения к её спасению. Воин может наслаждаться красотой своей священной воинскости — не вступая в бой.

На фестивале каждый рыцарь присоединяется к другим рыцарям на параде или в похвальбе, где нет насилия. Переехав в ритуальное пространство, он замедляет свою скорость, придаёт изящества своим движениям, кланяется Королю и Королеве, усиливает прозрачность границ, предлагает забыть неприязнь, а там будет видно. Можно сказать, что это изящное проявление сподвигает принцессу бросить яблоко — в самый подходящий момент.

Биологи когда-то думали, что цапли и гуси создали свои загадочные ритуальные танцы для рождаемости или по причинам выживания, что они — как мы говорим о себе — практичны. Но биологи в последние годы, после обширного наблюдения за цаплями, оленями, гусями, павлинами и т.д., пришли к выводу, что некоторые ритуальные танцы не имеют особого значения для выживания — они являются похвальбой. Человеческие существа хвалятся передней частью; мы подчёркиваем красоту в лице, и лицо становится эмоционально выразительным. Олень, однако, хвалится обеими частями: белохвостый олень показывает красоту в области морды и в области зада — своим пышным хвостом. Танец цапли, напыщенность павлина, сцены шествия — всё это может быть рассмотрено как артистическая или ненужная похвальба.

Страстное желание экспрессивно, красиво, высокодуховно. Энергии, пойманные там, удержанные в церемонном моменте, активируют что-то в других птицах и животных, смотрящих на это. Поэтому похвальба активирует танцы. События должны быть видны.

Наша культура допускает определённую похвальбу, связанную с напыщенностью мачо или крейсированием вниз по главной улице в больших машинах, что происходит, когда юноша (или девушка) находится на пред-воинском или воинском этапе. Банды выставляют огромную часть такого рода похвальбы. Это часть подросткового огня, но это не то, о чём я говорю здесь.

Ритуальное пространство уносит юношу из мачизма, из битвы, из фантазий о доминировании. Блейк называл высшей ступенью сознания «постоянное творчество» или «Сияющий Город Островков». Золотое яблоко переносит человека в форму рая. Рыцари на фестивале участвуют в похвальбе, выражая свою любовь к форме и красоте. Это ближе к искусству, чем напыщенность. Они ведомы ритуальным пространством прочь от войны — к сообществу.

Когда старый кельтский воин, такой как Кухулин, возвращался из битвы, всё сообщество принимало участие в ритуале. Иногда группа женщин, и его мать среди них, оголяли грудь для него, чтобы пробудить сочувствие, а мужчины помещали его, пока он находился в безумной горячке среднего мозга, в три ванны воды, одну за одной, чтобы остудить его. В первой ванне вода испарялась, во второй закипала, и так далее. Мы попросили вьетнамских добровольцев стать солдатами. Но нет никаких церемоний сострадания, нет признания тепла, нет гордости за требуемое безумие.

Вьетнамские ветераны были бы сегодня в лучшей форме, если бы мы устроили праздник в каждом маленьком городе в стране, в котором ветераны проехали бы мимо, и молодая женщина бросала им золотые яблоки. Участники парада почтили бы их возвращение к домашней жизни и включили бы в церемонию золотые яблоки с тысячелетней историей.

Командиры Вьетнамской войны не имели ритуала для помощи ветеранам, приехавшим домой. Армия отправила их в Нью-Йорк и бросила на улице. Мы все знаем, что случилось. Больше вьетнамских ветеранов покончили жизнь самоубийством после войны, чем погибли во время неё. Чёрная стена в Вашингтоне — попытка исправления ошибки; это также доказательство армейского недостатка воображения, и нашего безрассудного забывания всего, что мужчины прошлого знали о в высшей степени важном отличии война от не война.

Многие мальчики-подростки сегодня испытывают напряжённость битвы в городах. Мы встречаем этих разгорячённых юнош с наказанием в виде тюремного заключения или с отведёнными глазами. Они ничего не получают, и всё больше подростков заканчивает жизнь самоубийством каждый год. Скоро нам понадобится чёрная стена для признания нашей ритуальной неудачи с подростками.

Мы помним, что мальчик во время вражеского вторжения приехал на своём трёхногим коне на опушку леса, и временно обменял её на боевого коня, данного ему Железным Джоном. И хотя история не повторяет картинку, мы

предполагаем, что в течение всего фестиваля, он каждый день уезжал на своём неуклюжем коньке в лес. Это происходило, иначе странный конь в конюшне был бы замечен.

Если трёхногий конь, метафорически, это его собственное тело с ногой стыда, то юноша обменивает своё тело три раза на целого коня и опыт того, каково это — похвальба без стыда. Подобно тому, как капля и павлин, и олень выражают свои яркость и неистовость без стыда. «Гордость павлина — слава Божия» — сказал Блейк.

У современного мужчины в супермаркете или в подвале церкви, или в офисе адвоката нет Железного Джона, от которого он может получать четвероногого коня. Мы знаем, что юноша должен вернуть заёмного коня, и всё же опыт обитания в теле, в котором ему не стыдно, учит его, что такое гордость.

Мы догадываемся, что во время паузы между битвой и фестивалем, внутренние войны мальчика стали достаточно сильны, так что теперь ему не придётся прятаться по углам и стогам сена, а может выполнять публичные функции. Он способен выйти на парад с другими мужчинами и принять вызов, так сказать, для яблока быть брошенным.

Моя близкая подруга рассказала мне такую историю. Отец этого мужчины покинул семью в стыде, когда его сыну исполнилось пять, и сын многие года стыдил себя за эту брошенность. В двадцать лет сын уехал в Японию, и провёл десять лет, изучая боевые искусства с сильным наставником. Только после обучения этому боевому искусству, он оказался способен вернуться в свою семью и занять своё законное место в ней. Без поддержки отца — для мужчины альтернативно фразе «во стыде». Его поддержка, как у мальчика в нашей истории, приходит с приёмным отцом — в этой истории с боевым наставником, а в нашей истории с Железным Джоном. Только когда внутренние войны мужчины достаточно сильны, он может перейти в радость похвальбы.

С этой силой он может также войти в форму восторга. Бесформенная одежда, жидкие стихи, хаотичная домашняя обстановка — всё это тайные пути к стыду. Мир не стыдится, и это форма восторга. Солнце, поднимающееся над океаном и садящееся в океан, одинокие лунные следы и тайники, листья разворачиваются и падают — в его похвальбе.

Поэзия — это форма похвальбы. Поэт-птица повторяет гласные и согласные для того, чтобы развернуть свой хвост. Метр и счёт слогов составляют хвост павлина. Стихотворение — это

танец, исполняемый для некоего существа в другом мире.

Как сладко взвешивать линию со всеми эти гласными:

Тело, Томас, псалм трески. Веселые Формы лежат в занятиях игривых.

Звук посчитан, пересчитан и служит для питания чьего-то.

Будучи в форме восторга, человек затем движется от старой двойственности героя и врага, правильности и ошибки, маскулинного противника и феминного противника. Когда мужчина или женщина вступает в ритуальное пространство, каждый предпринимает действия, означающие быть увиденным, и удовольствие от похвалы помогает вытащить энергию, которая в противном случае была бы вложена в конфликт. Рыцари идут парадом мимо Королевских трибун, терпеливо ожидают получить «золотое яблоко» — прекрасный символ нового этапа, в котором желание победы исчезает и заменяется желанием быть увиденным.

Наш фестиваль, таким образом, имеет место в ритуальном пространстве. Это пространство, нагретое Священными Женственностью и Королём, становится достаточно горячим, чтобы разрешить измениться. Воинскость, которая не была подавлена или перепрыгнута, может быть смодулирована в красоту, восторг, похвалу или искусство.

Часть 5: Езда на красном, белом и чёрном конях

История говорит, что Железный Джон последовательно дал юноше коней разных цветов, седло и броню на каждый из трёх дней, и мы понимаем, что в этой детали есть какая-то информация. Всё, что мы можем сделать — это изучить три цвета и их соединения, и посмотреть, что происходит.

Напомним, что Королева в Белоснежке однажды шила у окна с рамой из чёрного дерева, когда снаружи выпал снег; и когда она уколола палец, три капли крови упали на снег. Она сказала: «Я хочу ребёнка белого как снег, красного как кровь и чёрного, как эта оконная рама». Герой или героиня сказки — будь то русская, немецкая или финская сказка — тот, кто имеет шансы увидеть капли красной крови от чёрного ворона на белом снегу, и сразу же погрузиться в йогический транс. Что говорит об огромной власти, которую имеют или имели красный, чёрный и белый над сознанием человека вплоть до Средневековья.

Мы кратко рассмотрим африканские и европейские ассоциации вокруг красного, белого и чёрного. Виктор Тёрнер в своей книге «Символ и ритуал» собрал очень много информации о трёх цветах в Африке. Для племени Ндембу в Замбии, с которыми Тёрнер жил в течение многих лет, многое в их религиозной системе зависит от отличий в цветовой гамме.

Красный для Ндембу — это кровь рождения, менструальная кровь, кровь пролитая оружием. Ашанти добавляют к этому несколько ассоциаций: красный для их трибун, для красной земли и культа земли; и для войны, и колдовства, и жертвоприношения людей и животных. Европейские ассоциации недалеко от африканских. Барбара Уокер в её Энциклопедии женских мифов и секретов назвала красный «кроваво-красной нитью жизни». Европейцы также добавляют к нему злости: «Он увидел красный». Красный говорит о быкоподобной ярости. «Не маши красной тряпкой перед быком».

Белый для Ндембу и Ашанти связывается со спермой, слюной, водой, молоком, озёрами, реками, «благословением потока воды», морем и священством. Тёрнер говорит о Ндембу: «Белизна представляет собой единую сеть связи, в идеале включающую в себя как живых, так

и мёртвых. Это правильные отношения между людьми как просто между человеческими существами, и их плодами являются здоровье, крепость и все хорошие вещи. Белый смех, например, это то, что зримо проявляется в проблескивании зубов, демонстрирует товарищество и хорошую компанию» (Ритуальный Процесс). Из-за ассоциации с белой спермой, белый говорит о мужском принципе, тогда как красный указывает на женский принцип. Противоположность не из простых, ведь белая молодка означает жизнь и плодородие, а красный петух приравнивается к смерти и колдовству. Тёрнер говорит: «Нет чёткой корреляции между цветами и полами. Цвет символически не постоянно связаны с полом, хотя красный и белый могут ситуативно представлять собой противоположность полов».

Для европейцев белый сохраняет связь с благословением и с молоком, и это

предполагает некоторые качества доброго товарищества, и силу. Он также вызывает ассоциации с чистотой, детьми и невестами, и следовательно и с человеком с высокими моральными ценностями, такими как белый рыцарь, борющийся за чистоту, Деву и добро.

Чёрный цвет — это уголь, речной ил и чёрные фрукты для Ндембу, и он выступает за негодность и зло, почерневший труп, страдания, болезни, отсутствие чистоты, ночь и тьму. Тёрнер добавляет, что чёрный также относится «к понятию мистической или ритуальной смерти и связанным с понятием смерти страсти и вражде ... для Ндембу умереть часто означает конец определённой стадии развития сквозь смерть к возмужанию. «Для европейцев чёрный также означает смерть и траур. Они добавляют к этому депрессию: «Он в чёрном настроении». Также чёрный означает левый путь: «Она чёрная ведьма» или «Он чёрный маг». Европейские и египетские алхимические ассоциации вокруг чёрного очень близки к африканским: чёрные трибуны для сырой материи, «prima materia», свинец и тело Осириса в подземном мире.

Часть 6: Последовательность великой матери

Европейские сказочные истории, когда мы их рассматриваем, настаивают на тех же трёх цветах, что и Ндембу, и в Европе эти три цвета появляются в определённой последовательности. Самая известная последовательность этих цветов — та, что упоминается в «Белоснежке»: белый, красный, чёрный. Мы можем назвать их последовательностью Великой Матери. Белый, красный и чёрный — это названия трёх фаз луны: первый — белый Девы — Новолуние, затем красный Материнства — Полнолуние; и, наконец, чёрный Старухи — Старая луна.

Барбара Уокер в своей книге о Старухе проходит через эти три этапа и их цвета очень подробно. Мы могли бы сказать, что каждый из нас получает опыт невинности первым, затем любовь и битву, затем смерть, разрушение и знание. Старые мифы викингов говорят, что когда человеческое существо умирает, три петуха кукарекают: первым белый петух, затем красный, затем чёрный. Так что все мы идём по этой дороге, и она широка. Это дорога Великой Матери — белый, красный, чёрный.

Часть 7: Последовательность алхимиков

Алхимики, египетские или европейские, работают с теми же цветами, но начинают с чёрного. Первый — это чёрный цвет prima materia, чёрный цвет свинца, чёрный цвет материи совершенно нетронутый духом или сознанием. Они хотят углубить чёрный. «Чёрный зверь» должен выйти вперёд, говорят старые тексты, прежде чем начнётся наш рост. «Красавица и чудовище» говорит, что это хорошо.

На втором этапе чёрный зверь белеет, как медленно белеет горизонт перед рассветом. Белый цвет здесь выступает как очищение, что происходит; воображение, дух и чувство юмора здесь не развиваются. «Но в этом состоянии белизны никто не живёт в истинном смысле этого слова; это абстракция, идеальное состояние. Чтобы достичь его, оживить его, нужно иметь кровь, нужно иметь то, что алхимики зовут рубедо, краснота жизни» (Юнг).

Третий этап алхимиков — красное восходящее солнце. Теперь появляется сера, вспыхивает страсть.

Это путь мужчин и женщин, желающих вырастить из себя личность, увеличить духовные и оккультные знания, кто хочет духовный свинец превратить в духовное золото. Он начинается, быть может, в сорок пять, а не при рождении. Мы начинаем свинцово-золотой путь примерно в то же время, когда начинаем идти по дороге жизни и смерти.

Часть 8: Маскулинная последовательность

Наша история помнит о третьей дороге. Если в последовательности Великой Матери излагаются женские тайны жизни и смерти, а последовательность алхимиков является нейтральной, верной как для мужчин, так и для женщин, то можно сказать, что последовательность Железного Джона излагает мужские тайны ранения и роста. Эта дорога начинается с красного. Она проходит красный, белый и чёрный цвета.

Если девушка начинает с белого цвета невинности или белого платья конфирмации, то мальчик начинает с красного. Красный цвет — это цвет Марса. Старейшины-инициаторы среди Гису и Масаи в Африке ведут юношей сразу в красный цвет: юноши поощряются к тому, чтобы вспылить, драться, видеть красный, попадать в беду; и в эмоциях они поощряются к выражению гордости, высокомерия, асоциальности, сварливости и дружбе с гневом. Девушки поощряют их к дракам. Старшие ведут каждого юношу, так что драки не приводят к смертельным ранам. Юноша может остаться в красной зоне в течение десяти или пятнадцати лет. В это время девушки могут заниматься с ним любовью, но ни одна не выйдет замуж за такого мужчину, потому что он ещё не закончен; его не уважают, как говорят старшие, он слишком красный.

Когда юноша красный, он проявляет свою злость, он кричит на людей, он вспыхивает как спичка с серой верхушкой, он краснеет от гнева, он дерётся за своё, перестаёт быть пассивным, ходит на пятках, он красный ястреб, он свирепый. Конечно, никто особо не доверяет красному человеку.

Великая русская сказка под названием «Иван-Царевич и Жар-птица» показывает яркие сцены начала красного цвета. Молодой воин едет и вдруг видит на лесной подстилке перо, упавшее с горячей груди большой Жар-птицы. Метафорически это красное перо.

Его лошадь советует ему не трогать перо, если он сделает это, то принесёт беду. Юноша всё равно забирает перо. Поскольку перо упало с груди Жар-птицы, мы знаем, что оно связано с сердцем — горящее, огненное. Оно вызывает к мужчине как зов призвания или зов посвящения.

Средневековье уделяло много внимания последовательности Железного Джона, и мы можем очень явно видеть это движение от Красного к Белому, и затем к Чёрному Рыцарю в приключениях Парсифаля. Когда Парсифаль покидает дом своей матери, где нет взрослых мужчин, он неуклюжий наивный дурачок. Почти сразу он убивает Красного Рыцаря и, забрав его доспехи, — сам становится красным рыцарем. Как много недопонимания он причиняет; как много в нём хамства и наглости; как много асоциального поведения он позволяет себе во время

ношения Красной Брони! Но без красного нет белого.

В наши дни мы с самого детства стараемся превращать юношей путём обязательного образования в Белого Рыцаря.

И мы могли бы сказать, что иногда мать хочет, чтобы её сын был белым, когда он уже в красном. (И наоборот, мужчина в среднем возрасте может хотеть, чтобы его жена была белой — и респектабельной — когда она уже перешла в красный.)

Мы знаем, что Дикарь в нашей истории даёт юноше красную (гнедую) лошадь в первый день. На второй день он даёт ему белую лошадь. Что мы можем сказать о белом?

Белый рыцарь блестящий и великолепный. Мы обычно находим это забавным, но белый рыцарь тоже вступает в бой. Он борется за добро, и он уже не случайно асоциален. Ральф Нейдер — белый рыцарь; он вступает в бой в корпоративном мире.

Мы помним, что Георгий Победоносец ехал на белом коне и в белых доспехах, когда вступил в бой с драконом. Смотря позитивно, мы могли бы сказать, что пребывание в белом означает, что мужчина может иметь отношения с драконом. Это не означает убийство дракона. Мы знаем, что христианские крестоносцы, нашедшие миф о Георгии Победоносце и драконе в Палестине, исказили его по возвращении домой. В некоторых старых версиях дракон превращается в женщину или отдаёт сокровища; он трансформируется сам. Дракон в старых мифах — не зло. Он тёмная вода-энергия, немного регресса может быть, но его голод стар и понятен.

Типичный кельтский герой попадает в отношения с драконом, бросая хлеб ему в рот. Конечно, бросать нужно точно, поэтому мы можем сказать, что вместе с белым приходят некоторая точность и мастерство.

Опасность с этапом белого рыцаря в нашей культуре в том, что он часто бывает невыносим, потому что он не прожил красный цвет. Белые рыцари в нашей культуре поддерживают холодную войну и проект искоренения краснокожих, или красных коммунистов, или дикарок, или чёрных мужчин.

Если мужчина не прошёл красный уровень, он поражённый белый рыцарь, который будет вести характерно лживую войну с неким конкретизированным драконом, таким как бедность или наркотики. Дебаты Буша-Дукакиса были печальным спором двух застрявших белых рыцарей. Такие дебаты на редкость скучны.

Можно сказать, что момент когда юный русский всадник поднял перо Жар-Птицы, он уже был на пути — и его конь знал об этом — к чёрному цвету.

На третий день Железный Джон даёт юноше в нашей истории чёрного коня, чёрное седло, чёрную уздечку, чёрные доспехи. Он едет на чёрном коне, когда осуществляет свой решающий спуск в ранимость, и получает рану от «людей Короля».

Мы можем видеть растущий мрак по краям картин Рембрандта, когда он становится старше. Если вы разместите заказанные Линкольном фотографии в течение его последних четырёх лет жизни, вы увидите его в чёрном. Люди в чёрном обычно отказываются от вины. Мать, вошедшая в Белый дом, и разбудившая Линкольна в пять утра, рассказала, что её сын был отправлен на поезде в Вашингтон за несколько дней до этого, не спал, и будучи сразу отправлен на дежурство, уснул, и будет расстрелян сегодня в восемь утра. Если бы Линкольн был в красном, возможно, он накричал бы на охранников: «Кто пустил сюда эту женщину?»

Уберите её отсюда!». Если бы он был в белом, он, возможно, сказал бы: «Мадам, мы все должны подчиняться правилам. Ваш сын не подчинился правилам, и я чувствую себя так же плохо, как и Вы, но я не могу вмешаться». Он не сказал ни того, ни другого. Он сказал: «Ну, я думаю, расстрел бы ему не сильно помог», — и подписал бумагу. Мы замечаем, что чувство юмора приходит с чёрным.

Если мы ничего другого не возьмём из истории Железного Джона, мы могли бы принять эту идею, что юноша движется от красной интенсивности к белой помолвке и затем черной гуманности. Каждому мужчине даётся три коня, на которых мы едем в разные моменты наших жизней; мы падаем и возвращаемся.

Я не думаю, что мы должны считать одного коня лучше другого: всё, что мы могли бы сказать — это то, что ни один из них не должен быть пропущен. Нам нужно три умения, для каждого коня есть свой собственный род аллюра; каждый конь шарахается от разных вещей, каждый реагирует на всадника иначе.

Учителя и родители часто говорят нам пропустить красного коня. Некоторые мужчины не проживают красный цвет в подростковом возрасте. Такому мужчине затем придётся вернуться в красный цвет позже, научиться вспыхивать и быть вредным в сорок.

Служители церкви часто оказываются принудительно помещены в белый цвет, потому что они пропустили красный, и их паства не позволит им вернуться к нему. Но тогда они не могут идти вперёд, в чёрный цвет. Политики должны выглядеть белыми, а на самом деле они Бог-знает-какого цвета. Анвар Садат, несомненно, попал в чёрный цвет в то время, когда был в тюрьме; больше политиков, наверное, нужно сажать в тюрьму. Возможно, это было бы так же хорошо и для поэтов.

Когда мужчина переходит в чёрный, процесс суммируется, чтобы забрать весь теневой материал, который в течение многих лет проецировался на лица плохих мужчин и женщин, коммунистов, колдунов и тиранов, обратно. Это процесс можно назвать извлечением и поеданием тени.

Роберт Фрост съел много своей тени, что безусловно является частью его величия. Он рассказывал о тени в своём браке. Муж и жена едут сквозь лес в коляске, запряжённой одной лошадью. Вдруг мужик выходит из-за деревьев и закалывает лошадь прямо в сердце. Пара, как говорит Фрост, была: «самой беспрекословной парой, что когда-либо принимали судьбу».

Мы предположили, что мужчина сам
Или кто-то ему приказал
Хотел, что бы мы спустились
И прошли пешком остаток пути.

Мужчина, ходящий в чёрном, «идёт пешком остаток пути». Движение в чёрный занимает долгое время. Сколько лет пройдёт, прежде чем мужчина найдёт тёмные части самого себя, что он выбросил? Когда он найдёт эти части, и присоединит их, другие люди начнут доверять ему.

Когда он научится ездить на чёрной лошади, то лошадь сама будет нести его к месту, где люди Короля ранят его. В этот момент его золотые волосы ниспадают ему на плечи, так что каждый будет знать, кто он... но это уже другая часть истории.

Кое-что осталось от истории фестиваля с золотыми яблоками, и это — только что полученная рана на ноге юноши.

Глава 8: Ранение людьми короля

Но в этот раз, когда он поскакал прочь, люди Короля устремились за ним, и приблизились достаточно, чтобы концом меча ранить его в ногу. Юноша ускакал, но его лошадь сделала такой мощный рывок, что шлем юноши упал, и все увидели его золотые волосы. Люди Короля прискакали домой и рассказали Королю, что случилось.

Все мы чувствуем что-то таинственное и весомое вокруг этой раны на ноге. Она представляет собой то, что мы наполовину помним.

Часть 1: Ранение гениталий

С Фрейдом, свежим в нашей памяти, мы бы, наверное, первым делом предположили, что во всём этом скрывается сексуальная рана. Всегда возможно, что нога — это эвфемизм для гениталий.

Мы знаем, что Король-Рыбак, самый известный из всех Артуровских раненных мужчин, получил какую-то генитальную рану. Парцифаль, в версии Кретьена де Труа, спрашивает о ране его кузину, и она отвечает:

Добрый сэр, он Король, уверяю Вас, но он был ранен и искалечен в бою так, что не может двигаться сам. Дротик пробил ему оба бедра. Он испытывает такую боль, что не может садиться на лошадь, но когда он хочет отвлечься, то садится в лодку и рыбачит на крючок; поэтому его зовут Король-Рыбак.

Некоторые комментаторы рассказывают, что у него есть кусок железа, застрявший в тестикулах. В сказочных историях железо обычно ассоциируется с лишением свободы мужчин — как стекло с лишением свободы женщин. Сексуальность Короля-Рыбака каким-то образом находится в тюрьме, или железо как-то ранило её. Но никто не знает наверняка, что означает «раненая сексуальность». Вполне возможно, что враждебное отношение Рима одиннадцатого века к сексуальности, наконец, достигло кельтской деревни. Король-Рыбак больше не мог «сесть на коня» — старая вульгарная сексуальность была отвержена, убрана.

Но так как наша история, вероятно, раньше христианства на несколько столетий, я сомневаюсь, что постоянные боли Короля-Рыбака связаны с этим. История не предполагает беспокойства по поводу сексуальной функции. Я думаю, что объяснение раны заключается в другом; что можно сказать — это что рана ноги больше, чем рана «бедра».

Часть 2: Калечащее ранение

Нет ничего похожего на ранение в голову или в плечо, или в грудь, чтобы сконцентрировать своё внимание на голове, плече или груди. Действие с новой раной концентрирует внимание юноши на его бедре. Чем дальше продолжается наша история, тем больше и больше юноша соприкасается с подземными сокровищами — пеплом, вооружёнными мужчинами, конём — и теперь юноша отправляется, так сказать, в нижнюю часть своего тела.

Яркое описание раны есть в рассказе братьев Гримм “Живая вода”. Юноша проходит сквозь сложный комплекс испытаний, пытаясь вернуть “живую воду” и спасти больного отца. Принцесса рассказывает ему, где находится фонтан, и что он должен набрать воды прежде чем

часы пробьют двенадцать ударов. Он успешно набирает воды. “Как только он прошёл сквозь железные ворота, часы пробили двенадцать, и ворота захлопнулись с такой силой, что отрубили ему кусок пятки”. Рана ноги, и снова к концу истории — мы догадываемся, что это замедлит его.

Раненная нога влияет на передвижение. Это как если бы первая рана мальчика на пальце ускоряла его вверх, а эта замедляет, ведёт вниз. Старая традиция гласит, что чувства связаны с замедленностью. Возможно, эта рана углубляет его чувства.

Иаков, быстрый и беспринципный, такой умный, что может обмануть Исава, позже призван бороться с Богом, и во время этой неравной борьбы получает вывих бедра и небольшую хромоту. Старая традиция говорит, что Иисус немного прихрамывал, легенда Роберта Грейвса ссылается на Царя Иисуса.

Здесь мы можем говорить о заземлении, в смысле медного провода, идущего прямо в землю. Что лучше раненной ноги может соединить с землёй? Проколотые лодыжки Эдипа, казалось бы, обеспечили ему надёжное соединение с землёй в младенчестве. Но позже он получает заземление. После того, как он ослепляет себя, он ходит медленно, идя сквозь Святую Рощу к своей дочери. Его связь с землёй настолько хороша, что после его смерти земля раскрывается и он исчезает в ней.

Мы помним, что Гефест тоже хромал. Люди в древние времена думали, что кузнецы были опасно магическими и драгоценными, потому что они осмелились расплавить металл, и некоторые племена, кажется, намеренно калечили своих кузнецов, чтобы удержать их от перехода в другое племя. Такой кузнец получает “заземление”, как мы “заземляем” ребёнка, если он остаётся в детстве слишком надолго.

Некоторые древние традиции говорят, что мужчина не взрослый, пока не становится открытым к миру души и духа, и они говорят, что такое открытие делает рану в правильном месте, в правильное время, в правильной компании. Рана позволяет духу или душе войти. Джеймс Хиллман, ссылаясь на Ганса Касторпа в Волшебной Горе и пятна туберкулёза на лёгких Касторпа, говорит: “Сквозь маленькое отверстие его раны вошли огромные царства духа”.

Люди слишком здоровые, слишком решительно настроенные, слишком мускулистые могут использовать своё здоровье, чтобы предотвратить свои души от входа. Через совершенство победы они достигаются здоровья, но душа входит сквозь отверстие поражения.

Персидский поэт Руми подводит прекрасный итог всему этому в своей поэме о хромом козле:

Ты видел коз, что топали к воде?
В конце хромой, задумчивый козёл,
С пучком колючек в грязной бороде,
С трудом тащился, грустен и тяжёл...
Сперва не разглядевший плутовства,
Теперь хохочет весело народ —
Напившись, стадо тянется едва,
А тот хромой козёл его ведёт!
Есть разные пути вести дела —
Один брыкается, другой бредёт в тиши...
Хромого же стратегия козла
Ведёт к корням существования души!

И если хочешь, чтобы похвала,
Твой день украсила, приятель добрый мой,
То научись стратегии козла,
И стадо за собой ведаи домой.
Маснави, III, 114-127

Часть 3: Ранение от вепря, убившее Адониса

Детали раненных ног ведут нас в совершенно другом направлении, если мы вспомним ритуальные ранения Адониса и Аттиса. Сэр Джеймс Фрайзер в Золотой ветви, особенно в томе под названием «Адонис, Аттис, Осирис», излагает результаты своих многочисленных исследований по этому вопросу. Мы знаем, что в культурах Кибелы, Инанны, Венеры и Исиды в средиземноморских и месопотамских районах, Раненный Мальчик представлялся любовником Великой Матери и одновременно её сыном.

Двойную роль мальчика легче понять, если мы поймём, что в то время вся растительность — цветы, трава, пшеница, виноград, салат — представлялись мужскими. Поскольку мы говорим “Мать-Земля”, мы, если думаем обо всём этом, считаем всю растительность женской. Для них она была мужской.

Земля живёт через год; листья опадают. Земля живёт вечно; “растительный мир” умирает. Великая Мать, как и земля, живёт дальше, год за годом, но зелёная растительность умирает в летнюю жару и вновь в зимние холода.

Чтобы человеческий мир и мир природы двигались в гармонии, религиозные учреждения тех культур, приносили в жертву мальчика на 21 июня и вновь на 21 декабря. Мальчик, вид магического мальчика, вырос и вырубался. Из симпатии люди растят цветы в неглубоких горшках с малым количеством почвы, называемых “Садики Адониса”. Такие садики являлись горшками с недолговечными цветами, такими как салат или укроп, которые росли быстро, и как заметил Ад де Врис в своём Словаре символов и образов, уход за ними продолжался “в течение восьми дней, а потом им разрешалось увянуть, чтобы быть брошенными в море с изображением Адониса ... садики часто находились на крышах”. “Садики Адониса, жившие всего один день” были строкой в старой мелодии.

Время, как вечно катящийся поток,
Несёт всех своих сыновей прочь.

Юноша, ритуально избранный и ритуально принесённый в жертву, получил в некоторых областях имя Адонис, в других Аттис, в некоторых районах Греции Гиацинт, в Месопотамии — Таммуз. Он был непосвящённым мальчиком и не имел ресурса энергии, сравнимого с Великой Матерью, и он умер, а она жила.

Роберт Грейвс сделал большое дело, рассказав об этом ритуале, но я не верю в то, что как ему иногда кажется, это был огромный заговор Великой Матери, жрицы которой унижали и приносили в жертву мужчин. Мужчины и женщины в своём страстном религиозном желании, которое “что сверху, то и снизу”, подготовили и проводили этот ритуал. Я не вижу его как часть войны между мужчинами и женщинами.

Мы забыли эти события. Жертвы упали в небытие, но историки того времени, опираясь на тысячи упоминаний в античной литературе, дали понять, что смертельная рана была нанесена

вепрем. Вепрь, с его изогнутыми лунообразными клыками, нанёс Адонису рану в области гениталий, и рана оказалась смертельной.

В очень древние греческие времена, храм, вероятно, устраивал смертельную охоту на вепря. Вепрь приходит прямо из природы, и несёт с собой клыки, мощные ноги и загромок, и непредсказуемые движения, и ужас стремительной природной силы, наравне с наводнениями, пожарами, водопадами, ураганным ветром. Его клык красиво изгибается как прибойная волна, или молодой месяц, или коса уборочной машины.

Историям о юношах, раненных вепрями, тысячи лет. Мы знаем, что эти истории возвращаются к слою европейской культуры, выросшему вокруг диких кабанов и домашних свиней. Свинья была первым одомашненным животным, и затем эту культуру сменил целый пласт культуры овцы, а для некоторых — культуры крупного рогатого скота. Мифы часто переписывались, когда символическое животное изменялось.

Джон Лайард, потративший годы жизни на жизнь среди каменного века культуры Малекула, к своему удивлению обнаружил, что малекуланская культура была всё ещё погружена в культуру свиньи и хрюка, которую Европа прошла за века до этого. Малекуланский народ выражал все свои символические и религиозные идеи через жизнь и повадки вепря, и можно сказать, проживал свою трансцендентальность через вепря. Далее вепрь выступает в Греции в качестве священного животного.

Вот как Овидий описывает нападение на Адониса:

Но юный охотник
Презрел все упреждения, и однажды сие случилось.
Его гончие, идя по следу, подняли дикого вепря,
И когда он метнулся от древа, Адонис ударил его
Скользящим ударом, и вепрь обернулся, и покачивая
Копьём по сторонам, на охотника бросился,
Тот испугался, побежал, упал, и клык вошёл
В пах глубоко, и юноша лежал там умирая
На жёлтом песке.
Из “Метаморфозы”

Учёные полагают, что в более поздние греческие времена жрица или жрец, одевали маску вепря и взяв серп, делали ритуальную рану в животе или гениталиях мальчика, от которых он истекал кровью до смерти. Предполагается также, что юноша получал золотое яблоко, чтобы быть принятым в раю на Западе.

Эта жертва шокирует только тех, кто не читал много литературы. Барбара Уокер, трезвая и надёжная, говорит об Адонисе в своей Энциклопедии женских мифов и секретов:

Адонис: греческая версия семитского Адоная, “Господь”, кастрированный и принесённый в жертву спаситель-бог, чья любовь-смерть разлучила его с Афродитой или Ашерой, или Марией.

В Иерусалиме его звали Таммуз..

Другая форма того же бога была Анхисом, кастрированный “ударом в пах” священником Афродиты в маске вепря. Его отрубленный фаллос стал его “сыном”, непристойным богом Приапом, идентифицирующимся с Эросом в Греции.. Кастрация бога была приравнена к жатве

зерна, которое олицетворял собой Адонис.

Напомним, что “Авраам” остановил жертвоприношение “Исаака”, которое, как мы предполагаем, происходило на протяжении веков. Во времена Авраама, Палестина жила в культуре овец, так что его заменил баран.

Всё это лежит в тени, и мало кто об этом говорит. Мы знаем, что в определённое время, разное для каждой из исследованных культур, ранение вепрем перестаёт быть смертельным.

Часть 4: Не убивающее ранение от вепря

Бруно Беттельгейм детально изучил обряды посвящения аборигенов и подытожил некоторые из своих выводов в Символических Ранах. По мнению Беттельгейма, аборигены говорят, что Великая Мать учредила определённые ритуалы, связанные с мужской инициацией. Только позже, судя по всему, мужчины взяли их себе.

Когда старейшины принимают ритуал, они придерживаются основной церемонии, но её настроение меняется. Если старая форма, как они видят, ослабит мужчин, то новая форма может укрепить их. Сохранив эту модель в разуме, можно представить себе, что старейшины-инициаторы в Греции взяли ритуал вепря и видоизменили его так, что юношей перестали приносить в жертву.

Одиссея на самом деле объявляет, что такое время настало. Мальчишеское приключение Одиссея с вепрем, о котором сообщает Гомер, тогда было бы важным. Одиссей, как описывается в этой истории, охотился на вепря «со своим дедом», и это говорит о том, что теперь весь ритуал находится на попечении стариков. Гомер рассказывает историю в девятнадцатой книге “Одиссеи”, а Роберт Фитцджеральд так её описывает:

Топот гончих ног, мужских ног вепря разбудил
Как они подошли — и из этой лесной засады
С оцетинившейся бритвами спиной и бешеными глазами
Он бежал и застыл в страхе. Одиссей,
Над ним находясь, первый выстрел сделал,
В лёгкое попав ему; но вепрь уже атакует под длинным копьём.
Он зацепил наискось одним белым клыком и вырвал
Плоть выше колена, но кость не задета.
Одиссея второй удар удался на славу,
Его блестящее копье проходит сквозь плечо;
И зверь застонал, чувствуя, как уходит жизнь.

Мы могли бы сказать, что у нас к этому времени есть два вида мужчин: те мужчины, которых вепрь убивает, и те мужчины, у которых остаются лишь шрамы. Есть мужчины, не выжившие в схватке с негативной стороной Великой Матери, и есть мужчины, которые выжили. Когда бой проходит под присмотром старейшин — дедов — нападение вепря оставляет лишь шрам. Сам мужчина остаётся в живых, и взрослея, становится хитёр, как Одиссей, и полон знания.

Ритуал вепря начался с убийства непосвящённого мальчика и превратился в церемонию, отмечающую поздний и решающий этап в суровом мужском испытании. Это изменение напоминает нам о развитии, что Осирис прошёл в египетской религии, что способствовало стабильности Египта. Осирис, представляемый лишь сыном Ириды, стал её “братом” и

“мужем”.

Одиссей, как отмечает Джеймс Хиллман, это не односторонний герой, как многие другие греческие герои, вспыхивающие и умирающие как мелкие цветы. Одиссей удивляет своей силой в мужской линии: он даёт много гордости своему отцу и много тепла своему сыну.

Мифологически, Одиссей объединяет в себе дерзкого юношу, “puer”, и устойчивого старика, “senex”.

Интересно, что когда римляне перевели Одиссею, то дали самому Одиссею имя Улисс (Ulixes), которое некоторые считают союзом oulas, раны, и ischea, бедра. Имя Одиссея становится, буквально, раной бедра. Он получает раны и живёт. Римляне, должно быть, почувствовали эту деталь в жизни Одиссея, как очень важную.

Позже в Одиссее, в двадцать четвёртой книге, есть изумительная сцена, где Одиссей тайно возвращается на Итаку и останавливается в избе свинопаса (опять свиньи). Его старая няня моет путешественника, и когда она видит рану на бедре, то вдруг понимает, кто он. Новый мужчина может быть признан через шрам на его бедре.

Что-то за пределами обыденности происходит, когда люди Короля ранят юношу в ногу. Теперь мы можем различать рану от вепря, забирающую мальчика в рай, и рану от вепря, оставляющую ему шрам на бедре. Если у нас есть этот шрам, наша «старая нянька» может признать нас. Другие могут видеть, кто мы есть, но наше собственное зрение, видимо, так же становится яснее.

Вполне вероятно, что в “Железном Джоне” мы имеем дело с раной от инициаторов, возможно, рана нанесена физически старейшинами-инициаторами в прошлом. Мы можем предположить, что наставники давали юноше рану в бедре на какой-то поздней стадии посвящения. Одиссей, как мы уже упоминали, имеет шрам от такой раны, и мы знаем, что он был посвящённым мужчиной; например, он “тринадцатый” в группе, отправившейся к Цирцее.

Что такое шрам? Американские индейцы имеют великолепную традицию шрамов, о чём Хромой Олень кратко намекает в своей биографии. Я слышал, что традиция говорит так: “Когда вы умрете, то встретитесь со старухой, и она съест ваши шрамы. Если у вас нет шрамов, она съест ваши глаза, и ты будешь слеп в следующем мире.” Эта история движется ужасно быстро, но она конечно защищает ценность шрамов.

Если мужчина не имеет шрамов, он становится слеп в следующем мире, но, возможно, мужчина без шрамов слеп и в воображаемом мире. Одиссей свидетельствует о том, что шрам помогает ему видеть, как он движется от одного таинственного острова к другому, мужчины с ним раздавлены камнями или съедены Циклопами, или превращены в свиней (снова свиньи!) Цирцеей; он видит то, чего не видят они, и он выживает в этих опасностях, хотя и еле-еле.

Мне кажется, что ранение юноша, полученное от людей Короля — это не конкретно сексуальная рана или рана, данная отцом, не только увечье, которое тоже есть. Это намёк на посвятельный ритуал, управляемый старейшинами, о котором мы забыли. Видимо, рана ноги, когда она достигнута ритуально, или посредством пространства старейшин, укрепляет юношей. Посмотрим, какого рода сила может быть получена.

Часть 5: Ранение как мужское лоно

Дионис, напомним, родился из бедра Зевса. Так как судьбой Диониса было стать “мужчиной с двумя матерями”, молнии Зевса завершили его пребывание в лоне матери Семелы. Одна

история говорит, что Гермес спас не рождённого мальчика и зашил на внутреннюю сторону бедра Зевса. В истории много магического мышления, но мы замечаем отверстие в бедре Зевса. Другая история рассказывает, что Зевс сам раскрыл своё бедро, чтобы обеспечить Диониса лоном.

Такого рода мышлению тысячи и тысячи лет. Андре Леруа-Гуран, годами изучавший загадочные наскальные рисунки Дордони, пришёл к выводу, что знаменитая сцена раненного мамонта, шамана в трансе и птичьих-голов-палочек, сводится к изучению “раны”. Из сибирских источников мы знаем, что шаман должен быть ранен, и копьё дало Христу рану на его стороне перед смертью.

Леруа-Гуран считает, что художники Дордони используют визуальный язык, чьи визуальные слова имеют по несколько значений. Например, копьё, когда отведено, это и фаллос, так же как изображённая рана, это и лоно. Чтобы вместить копьё, в искусстве Дордони, нужна вульва или — лоно.

Шекспир с его ошеломительным гением хорошо видел эту параллель. Его первым длинным стихотворением было «Венера и Адонис» — и оно решает головоломку в этой старой средиземноморской истории мужских жертвоприношений. Шекспир представляет Венеру как более взрослую женщину с горячей кровью, а Адониса как молодого, жаркого и неопытного мальчика. По её настоянию они занимаются любовью, но те читатели, кто признаёт классическую мифологию, знают, что охота на вепря приближается. Вепрь атакует Адониса и каким-то образом его бедро обращается в женское бедро. Шекспир описывает это так:

Я в правде этих слов убеждена.
Адонис подбежал ударить пикой,
И вспыхнуло тут сердце кабана,
Не гневом, но любовью превеликой.
Он целоваться к мальчику полез,
А получился лишь в паху надрез...

Шекспир обращает внимание на странную вещь: вепрь относится к юноше, как мужчина к женщине. В самом деле, вепрь открывает сексуальный проход; он создаёт ножны; юноша принимает женственное отверстие:

А получился лишь в паху надрез...

Отрывок ошеломляет меня: тайное знание спрятано здесь. Объединение ножен и раны появляется по лёгкому прикосновению, совершённому удивительным гением Шекспира, способным лишь чуть-чуть повернуть изображение.

“Влюблённый” вепрь, таким образом, напоминает собственный нож Зевса, или нож Гермеса; он открывает рану в бедре Адониса, что напоминает лоно, созданное в бедре Зевса. И мы вспоминаем о связи Диониса с этой раной.

Часть 6: Ранение как обязательство мужчины перед богом горя

Мы замечаем, что Дионис — это греческий бог, наиболее связанный с ранением и ранеными. Титаны, как гласит миф, дали Дионису зеркало, когда он был младенцем, а затем, когда он

отвлёкся, разорвали его на части и съели. Как мы упоминали ранее, он был воссоздан из сердца, не замеченного Титанами. Некоторые другие греческие боги, например, Аполлон и Зевс, выступают за целостность, сияние, и подобную солнцу чистоту; но Дионис выступает за экстаз, что может наступить из разрыва и разодранности. Экстатическое вино появляется, только когда гроздь винограда сорвана, растоптана, закрыта.

Дионис — это гроздь винограда, разорванная руками в греческих деревнях и брошенная в винный чан. Когда мужчины и женщины наступали на этот виноград, известно, что они пели: “О, Дионис, я не знал, я не знал”. Когда в Грецию пребыла культура крупного рогатого скота, деревенские жители ритуально уби-вали быка весной, и когда ели его сырую плоть, снова и снова повторяли имя “Дионис”. Этическая философия хочет Аполлона, нравственности и совершенства. Язычники хотят разрыва и экстаза.

УБ. Йейтс пишет в конце своей жизни, вообразив спор между католическим епископом, желающий безгрешности, и дикой цыганской женщиной по имени Безумная Джейн. Йейтс вкладывает в её уста обращение к епископу:

Бывает женщина в любви
И гордой, и блажной,
Но храм любви стоит, увы,
На яме выгребной;
О том и речь, что не сберечь
Души — другой ценой.
Перевод Кружкова Г.М.

Это прекрасно выражает языческую и дионисийскую хвалу разрыву и разорванности; и крошечный взрыв, происходящий в голове в последних четырёх строках — это свидетельство величия Йейтса, но и власть этой старой языческой идеи.

Я думаю, мы уже рассказали так много, как только могли о ране на ноге. Мы заключаем, что некоторые юноши в прошлом, предположительно руководимые старейшинами, становились всё больше и больше, как вечнозелёные растения и весенние цветы. Они не умирали, когда были ранены, но зашивали рану и выживали со шрамом. Одиссея, которая помнит всё, что мужчины и женщины узнали о Великом Отце и Великой Матери в течение сотен тысяч лет, сводится к объявлению того, что этот мужчина сейчас находится в мире.

Более того, рана ноги, нанесённая людьми Короля, создала, согласно

фантастическим человеческим существам, прошедшим сквозь века, лоно внутри мужского тела. Никто не станет взрослым без ранения, что достаёт до ядра. И мальчик в нашей истории не станет Королём без этой раны.

Старая традиция гласит, что у женщин есть два сердца: одно сердце в груди, а другое сердце в лоне. Они двоедушны.

Старейшины заставляют юношу посредством раны, данной в ритуальном пространстве, удвоить своё сердце. Теперь у мужчины есть физическое сердце, бывшее всегда, но также и сострадательное сердце. У него двойное сердце. Мы увидим из истории, как это происходит.

История: Просьба руки невесты

Дочь Короля на следующий день спросила садовника о его мальчике. “Он вернулся на работу в сад. Этот странный парень пошёл вчера на фестиваль и вот только вернулся прошлой ночью. Он показал моим детям, между прочим, три золотых яблока, что он выиграл”.

Король позвал юношу и тот явился со своей феской на голове. Однако, дочь Короля подошла к нему и сняла феску, и его золотые волосы упали на плечи. Его красота была столь велика, что все были поражены.

Король сказал: “Ты ли тот рыцарь, что появлялся каждый день на фестивале на разного цвета лошадях, и каждый день ловил золотое яблоко?”

“Я” — сказал он: “А яблоки здесь”. Достав яблоки из кармана, он протянул их Королю. “Если Вам нужно больше доказательств, Вы можете взглянуть на рану, нанесённую мне Вашими людьми во время преследования. Более того, я так же тот рыцарь, что помог защититься от врага”.

“Если ты можешь совершать подвиги такого масштаба, ты, очевидно, не мальчик садовника. Кто твой отец, могу я спросить?”

“Мой отец — знатный Король, и у меня много золота, столько, сколько мне когда-либо потребуется”.

“Ясно, — сказал Король, — Что я в долгу перед тобой. Всё, что в моих силах, чтобы порадовать тебя, я дам”.

“Хорошо, — сказал юноша: Я хотел бы, чтобы Вы отдали свою дочь мне в жёны.”

Тогда Королевская дочь рассмеялась и сказала: “Мне нравится, что он не ходит вокруг да около; я уже знала, что он не мальчик садовника с его золотыми волосами”. И она подошла и поцеловала его.

Юноша, вызванный к Королю, знает, что время золотых волос пришло. Его золотые волосы падали ему на плечи, когда он был ранен, и теперь падают ещё раз, когда он находится в присутствии Короля. Это хорошо, потому что святой момент настал. Что бы ни происходило в этот момент — правильно.

Юноша неоднократно прикрывал затылок, следуя принципу: скрой своё золото, пока ты молод. Напомним, что он отдал золотые монеты; он отказался от публичной похвалы после своей победы над захватчиками Короля; он отказывался от общественного признания каждый раз, когда золотое яблоко приходило к нему. Почему правильно именно сейчас открыть поток волос, показать золотые яблоки, принять награду за спасение королевства?

Связь с феминным началом также правильна. Прохождение юношей исключительно маскулинного пути завершено. Дикарь, являющийся богом природы, провёл посвящение юноши. Обучение у Железного Джона никогда не стремилось к мужскому разделению или какому бы то ни было разделению, и мы скоро увидим как глубоко и как по-разному ход нашей истории включает в себя партнёрство с феминным принципом. В природе Ян и Инь сплетены везде; природа немыслима без непрекращающегося и радостного смешения восприимчивости и инициативы, их любопытного смешения во всех улиточных раковинах и всех дубах, всех тиграх, всех горах, всех пчёлах.

Время в сказке движется быстрее, чем у нас; и мужчине в земном времени было бы около пятидесяти или больше. Какой-то цветок, наконец, развернулся и расцвёл; золотой лосось

отложил свои яйца; юноша через своё падение получил заземление, что позволило ему восстановить связь с каким-либо творчеством, испугавшим бы его, когда он был моложе.

Сказочные истории говорят, что каждый из нас несёт с собой при рождении золотые кольца или веретёна, или воспоминания о славе, убеждающие нас, что у нас есть трансцендентная или грандиозная сторона. Но жизнь в семье быстро избавляет от этой уверенности, и каждый из нас проходит сквозь время стыда или время лишения. Мужчины и женщины в течение этого времени живут в депрессии, ничего не знают о золотых мыслях, затаптываются лошадьми, сбиваются большими грузовиками и тщательно отделяются от достоинства. Корона спрятана, заперта в сундук, утеряна в подвале, украдена ворами, ушла. “Мы пустые мужчины, увы”.

Но в течение всего этого времени, если нам повезло, мост перестраивается. Кто его проектирует, кто архитектор, кто делает для него кирпичи или стальные балки — никто не знает наверняка, и для любого человека он в любом случае отличен. Но в конце концов, за пятьдесят или пятьдесят пять, мы чувствуем золотое кольцо на пальце ещё раз.

Большинство психологических систем не хотят любого выражения маскулинного величия. Все разговоры о величии — это инфляция, и все венцы должны быть оставлены в пыли. Наша история с самого начала несёт другую точку зрения. Она считает, что человеческая самооценка — это деликатная материя, и не должна отвергаться как инфантильная грандиозность. Наше “зеркальное величие”, как называет его Хайнц Кохут, требует внимательного уважения, ни завышенного, ни заниженного. Если мужское или женское “зеркальное величие” полностью отвержены, он или она будут калеками и кандидатами на все виды вторжения со стороны группового разума.

Кабир сказал:

Внутри этого глиняного кувшинчика — каньоны и горы с сосновыми лесами
И создатель каньонов и гор с сосновыми лесами.
Все семь океанов внутри,
И сотни миллионов звёзд.
Переведено Р.Б.

Юноша в нашей истории стал другом Дикаря и получил напиток из светящейся воды. Он не потерял связи с Королём. Воин предложил ему чашку. Гермес давал ему глоток время от времени.

Всё это восстановление моста, всё это чествование величия себя, всё это распределение воды, утоляющей жажду, было в нашей истории под руководством Дикаря. Возможно, сейчас пришло время спросить: “Кто этот Дикарь?”

Часть 7: Дикарь и его качества

Связь западного мужчины с Дикарём нарушалась и прерывалась на протяжении веков, и выстроила много страха. “Каждый ангел опасен”, — сказал Рильке, поэтому некоторый страх уместен. Но незнание неуместно.

Вместо того чтобы искать Дикаря снаружи, мы могли бы посмотреть на следы, сохранившиеся внутри нас. Один из следов — это спонтанность, сохранённая нами с детства. Независимо от того, в скольких семейных встречах мы принимали участие или сколько собраний комитетов посетили, небольшие забавные ужимки и причудливые крики ждут нас внутри. Когда мы

находимся в скучной беседе, мы можем вместо того, чтобы сказать что-то скучное, крикнуть. Мы никогда не можем предсказать, что выйдет наружу; и как только оно выйдет, мы предоставляем другим интерпретировать его, никаких извинений или объяснений. Маленькие танцы полезны в середине спора, как совершенные хайку, громко произнесённые в церкви или при покупке мебели. Грубость и сарказм могут быть дикими, но неожиданность не дикая.

Когда Дикарь сохранён внутри, мужчина также чувствует искреннее дружелюбие к дикости в природе. Конкордская женщина описала как Эмерсон, Готорн и Торо катались на коньках. Эмерсон наклонился вперёд, словно надуваемый ветром, Готорн катился как безжизненная спокойная статуя, а Торо постоянно делал маленькие прыжки и пируэты. Джерард Мэнли Хопкинс, всегда издававший неожиданные звуки, сказал:

Каким бы был мир, однажды лишённый
Влажности и дикости? Пусть они останутся,
О, пусть они останутся, дикость и влажность;
Да здравствуют сорняки и дикая природа.

Торо сказал: “В литературе нас интересует только дикость”. Это Дикарь — тот, кто защищает Пятнистую Сову. Дикарь — мужской защитник земли.

Я думаю, что мы должны сейчас вспомнить Дикаря — и женщины должны вспомнить Дикарку и других Активаторов — потому что мужчины и женщины должны сейчас более чем когда-либо в истории защитить землю, животных, воды, воздух, горы, деревья, дикую природу. Кроме того, когда мы развиваем внутреннего Дикаря, он следит за дикими животными внутри, и предупреждает нас, когда они близки к вымиранию. Дикарь в тебе тот, кто готов покинуть деловую жизнь, и способен быть отозванным отсюда.

Сильные листья клёна
Нырять на ветру, зовут нас отпасть
В дикость Вселенной,
Где мы будем сидеть у подножья растения,
И жить вечно, как пыль.

Мы могли бы сказать, что Дикарь представляет положительную сторону мужской сексуальности. Волосы, покрывающие всё его тело — это естественно, как у лани или мамонта. Он не был чисто выбрит из стыда, и его не были подавлены, чтобы создать ярость, унижающую женщин. Сексуальность Дикаря не кормится на феминности или картинах феминности; она резонирует также с холмами, облаками и океаном. В естественном американце много Дикаря, и он проявляется в любви к простым вещам. Хромой Олень упоминает в своей автобиографии, что индейский опыт божественного — в чем-то вроде шкуры животного, в тумане или паре, и в обычных событиях дня. Женщина Чиппева написала это маленькое стихотворение:

Иногда я начинаю жалеть себя,
И всё время
Я несу великие ветра по небу.

Дикарь — это дверь к дикости природы, но мы можем также сказать, что Дикарь — это и есть

природа. То же самое нужно сказать о Дикарке. Гермес, Аполлон, Богоматерь, возможно, находятся над природой, но Дикарь — это сама природа.

Дикарь поощряет и предоставляет доверие к тому, что ниже. Дикарь склонен доверять нижней половине нашего тела, нашим гениталиям, нашим ногам и лодыжкам, нашим недостаткам, “подошвам” наших ног, животным предкам, самой земле, сокровищам в ней, мёртвым, похороненным там, неподатливым богатствам, к которым мы падаем. “Вода предпочитает низкие места”, — говорит Дао Дэ Цзин, являющаяся истинной книгой Дикаря.

Это внимание к тому, что ниже, побуждает нас следовать нашим собственным желаниям, ограниченным, как знаем, сексуальным желанием, но для бесконечного, для Женщины на Краю Мира, для Жар-Птицы, для сокровищ со дна моря желания совершенно излишни. Джеймс Хиллман хвалит этот абзац Уильяма Джеймса, как великие слова о желании:

Главное отличие человека от скота заключено в избытке его субъективных склонностей. Его превосходство над ними заключается просто и исключительно в количестве, фантастичности и ненужном характере его желаний, физических, нравственных, эстетических и интеллектуальных. Если бы вся его жизнь не была поиском лишнего, он никогда бы не стал столь непреклонен в необходимом. И зная это, он должен извлечь урок, что своим желаниям нужно доверять, что даже когда их удовлетворение кажется наименее удачным, беспокойство ими представляемое, по-прежнему является лучшим руководством его жизни, и приведёт его к вопросам, находящимся полностью вне его нынешних возможностей расчёта. Сократите его экстравагантность, успокойте его, и вы его уничтожите.

Из Воля к вере

Нам нужно построить не тело на параллельных стержнях, а активированное, эмоциональное тело, достаточно крепкое, чтобы содержать наши собственные лишние желания. Дикарь может прийти к полноценной жизни внутри, только

когда мужчина прошёл через серьёзную дисциплину, вызванную взятием первой раны, работой на кухне и пепельной работой, созданием сада, принесением цветов Священной Женщине, проживанием воина на красном, белом и чёрном конях, обучением созданию искусства и получением второго сердца.

Дикарь не приходит к полноценной жизни через то, чтобы быть “естественным”, идти с потоком, курить травку, ничего не читать и в целом «быть ок». Экстаз подводит итоги жизни в пределах высокого напряжения золотых даров. Экстаз приходит после размышления, после наложенной на нас дисциплины, после горя.

Я мог бы до истоков проследить
Свои поступки, мысли, заблужденья;
Без криводушья и предубежденья
Изведать все, — чтоб все себе простить!
И жалкого раскаянья взамен
Такая радость в сердце поселится,
Что можно петь, плясать и веселиться;
Блаженна жизнь, — и мир благословен.
Из “Диалог Я и Души” У.Б. Йейтса

Затем Дикарь через свои дисциплины готовит эмоциональное тело, что может пережить горе,

экстаз и дух. Он готовит материю. София спустилась с верхних Азонов на эту планету, говорится в истории, и попала в материю. В результате мы можем найти Софию в каждом куске коры, в каждом камне или пере. Дикарь — друг Софии. “Каждый спокойный и разумный — безумный”, — говорит Руми.

Наконец, энергия Дикаря — это энергия, ощущающая рану. Его лицо, что мы видим на средневековых резных фигурках, и его тело, что мы видим в небольшой базальтовой статуе с 4 000 г. до н.э., содержит горе, знает горе, разделяет горе с природой. Жёсткий выживатель в нас выжил до совершеннолетия. Но Дикарь ведёт к возвращению, которое мы, в конце концов, должны сделать, будучи взрослыми, к месту жестокого обращения в детстве и отказу от него. Дикарь — это лучший проводник на путях боли, чем наш внутренний ребёнок, именно потому, что он не ребёнок. Поскольку он не ребёнок, он знает истории, и может привести нас к личным страданиям и провести сквозь них.

Качества Дикаря, в том числе любовь к спонтанности, связь с дикой природой, почитание скорби и любовь к риску, пугает многих людей. Некоторые мужчины, как только они получают первые импульсы к рискованности и признают свою связь с тем, кого мы зовём Дикарём, пугаются и прекращают всякую дикость, и рекомендуют робость и коллективное поведение другим. Некоторые из этих мужчин становятся директорами школ, некоторые социологами, некоторые бизнесменами, протестантскими служителями, терапевтами; некоторые становятся поэтами и художниками.

Но если мужчина не спускался на кухню, он не узнал пепла. Некоторые мужчины открыты пеплу и они разнообразны как Ричард Прайор, Джон Кассаветис, Джеймс Болдуин, Решад Филд, Ч. Эверет Кооп, Вуди Аллен, недавний Джимми Картер, Сесар Чавес и так далее. Всем желателен путь, предполагающий интенсивность, осознание раны, бдительность к импульсу, возможность падения.

Русские сейчас берут в свои руки пепел некомпетентной промышленности, колхозного земледелия, лжи, сталинской паранойи, военного мачизма, ГУЛАГов, ленинского безумия и так далее. Мы должны уважать это; возможно, потому что они держат прах, у них есть идеи.

Печально, что Соединённые Штаты по-прежнему отказываются подобрать пепел, созданный за последние четыре десятилетия. Наша сельскохозяйственная политика — это пепел, наши школы — это пепел, обращение с чёрными — это пепел, торговый дефицит — это пепел, экологическая политика — это пепел, бедность женщин и детей — это пепел.

Когда падение начинается в человеке или в нации, мы испытываем спуск, соответствующий выпадению из респектабельности и послушания в тёмное брюхо кита, “Фунты лиха в Париже и Лондоне”, погружение на дно, чувствуя, как вес автомобиля падает на тебя.

Блейк и Йейтс для почитателей поэзии — мастера пути Дикаря. Блейк берёт своего воображаемого бога Оре, живущего в пламени, как его образ; Йейтс воспринимает Кухулена, как образ Дикаря, а двух великих женщин, Эмер и Безумную Джейн, как образы Дикарки.

Кухулин и Безумная Джейн не хотят обычной жизни; они предпочитают возможность напряжённости, хотя это влечёт за собой риск неудачи или безумия, предпочитая его “ровной жизни, обещанной доброму слуге”. Безумная Джейн и Кухулин — идущие на риск, те, кто предпочёл бы пойти в ад, если бы он был оживлённым, чем жить в комфорте на небесах.

Цель не в том, чтобы быть Дикарём, но быть в контакте с Дикарём. Ни один здравомыслящий мужчина в Греции не сказал бы “Я хочу быть Зевсом”, но в американской культуре, и в

прошлом, и в настоящем, мы видим людей — желающих быть Дикарём — писатели, такие умные как Керуак, не видят различий между бытием и бытием в контакте с. Попытка быть Дикарём заканчивается ранней смертью, и сумбуром для всех.

Часть 8: Сообщество внутри психики

Дикарь является частью компании или сообщества в психике человека, и было бы так же глупо сосредоточиться исключительно на нём, как сосредоточиться исключительно на Воине. Как мужчина в нашей истории существует в качестве компаньона феминной энергии, иногда следуя за ней, иногда нет, так и Дикарь живёт в сложных взаимобменах с другими внутренними сущностями. Целая общность сущностей — это то, что зовётся взрослым человеком.

Я вижу семь из эти сущностей до сих пор. В этой книге мы подробно говорили о существе, которого мы называли Королём, и уделили много внимания Воину. Одна из величайших фигур в мужской психике — это Любовник, и мы говорили о нём, когда говорили о саде. Дикарь, конечно, даёт энергию для всей этой истории. Здесь я кратко расскажу о трёх других, о которых мы пока не говорили.

Трикстера мы назовём пятой сущностью. Американский учёный Пол Радин создал его фундаментальное описание в книге Трикстер, опираясь на великий цикл трикстеров Виннебаго. Похоже, что на североамериканской земле хранится больше энергии трикстера, чем на любом континенте в мире. Американские индейцы создали возмутительные истории о койоте, а Сидящий Бык был “хейока” всю свою жизнь. Мелвиллов Искуситель, или Маскарад знакомит всех с мужчинами девятнадцатого века, которым было мудро не доверять.

Трикстер не “идёт с потоком”, его задача — изменить его, как только он увидит, в каком направлении он течёт, чтобы большая энергия продолжала двигаться. Любой, кто видел американского комика Кэри Оутс, видел и Трикстера в чистом виде. Элегантность Гермеса, о которой мы здесь говорили, например, представление мальчика принцессе через отражённый солнечный свет, принадлежит Трикстеру. Шекспир всегда привносит клоуна или шута, чтобы уравновесить Короля; он любит это множество противоположностей. Во время Короля Лира, написанного в конце своей карьеры, он чтит Трикстера больше, чем когда-либо прежде. Когда Король Лир, ближе к концу пьесы, находит хижину во время шторма, Лир говорит шуту: “Входи сначала ты”.

Шестую сущность я называю Мифолог или Повар. Он знает, как долго должна продолжаться варка, и как перейти от одного этапа к другому. Роберт Мур, писавший о нём, называет его Волшебником или Магом. На высшем уровне он — шаман. Он имеет дело с энергиями в невидимом мире, и по этой причине можно сказать, что Математики — тоже маги.

Иногда, даже когда эмоциональное тело сильно повреждено в детстве, Маг или Повар могут выжить. Это чисто интеллектуальная энергия не так повреждается, как эмоции, цифры выходит и возносятся, чтобы сохранить здравый рассудок. Возможно, мудрое вознесение Мага — это то, как рождается наивный мужчина. Но Мифолог, Повар или Волшебник — это великое благословение. Он незаметно движется за экраном нашей истории, отправив, например, юношу в сад, вне зависимости от того, что сказал Король.

Седьмое существо я называю Горестным Мужчиной. Я верю, что у мужчин есть специальная фигура, ведущая их вниз в одну из их сильных сторон — мощь горя. Есть горе в мужчинах, что не имеет причины. Мы можем почувствовать это у Баха, Рембрандта, Гойи, Гомера. Я не говорю, что женщины не испытывают горя; но мужское горе имеет свой оттенок. Пока в нашей

культуре мужчине позволено горевать в очень малой степени.

Ну, в день, когда я родился,
Бог был болен.
Сесар Вальехо

Хорошо, что ещё колотится сердце.
Но часто тень кажется реальной тела.
Самурай сильно проигрывает
Своим доспехам из чёрной драконьей чешуи.
Из "После Смерти" Тумаса Транстрёмера, перевод: К. Андреев

Как мне жить без тебя?
Поднимись ко мне, любовь,
Из реки, или я
Спущусь к тебе.
Из "К Музе" Джеймса Райта

Когда мужчина становится старше, он сам даёт себе разрешение пойти вниз.

Всю нашу жизнь мы сохраняем желание пойти вниз.
Теперь земля знает, когда придёт время падения.

Сообщество из семи существ, упомянутые только что, создают структуру, которую мы могли бы представить как кристаллическую основу для воды души. Около пятидесяти верхних футов воды в мужской душе, как мы все знаем, очень мутные и взбаламученные в наши дни. Так много ролей, от которых мужчины зависели в течение сотен лет, растворились или исчезли. Некоторыми видами деятельности, такими как охота или пиратство, никто больше не хочет заниматься. Промышленная революция отделила мужчину от природы и от его семьи. Единственные рабочие места, которые он может получить, наносят вред земле и атмосфере; в общем, он не знает, стыдно быть мужчиной или нет.

И всё же структура в нижней части мужской психики по-прежнему тверда, как оно было двадцать тысяч лет назад. Современный мужчина просто получает очень мало помощи в том, чтобы к ней спуститься.

Глубинная структура, которую я вижу, создаётся взаимодействием или переплетением старых знакомых энергией, семи фигур, существ, светящихся энергий. Мужчина находит одну или две из них в себе в качестве дара; затем он должен получить помощь в развитии других.

Мы знаем, что воды в женской душе также сильно взбудоражены сегодня. И я считаю, что структура психики женщин также включает в себя переплетение существ, некоторые из которых общие с мужчинами, а некоторые — её собственные.

Учителя и терапевты часто имеют сильного Повара, Мифолога или Мага внутри. Но если учитель не развил Дикаря или Дикарку, он будет тем странным человеком, кого мы зовём "академиком", и чья любовь к стандартам восхищает во всех отношениях, но кто отфильтровывает дикущую природу из Торо или Эмили Дикинсон, или Г.Д. Лоуренса, даже когда он или она учит их. Не все учителя, слава богу, таковы, но университеты скрывают внутри себя

много именно таких.

Если психотерапевт не ныряет навстречу Дикарю или Дикарке, он или она пытается излечить словами. Целебная энергия, хранящаяся в водопадах, деревьях, глине, конях, псах, дикобразах, ламах, выдрах, относящихся к области Диких Людей. Терапевты поймут это, когда будут настаивать на том, чтобы проводить терапию с коровой в комнате.

Горестный мужчина без Дикаря может потеряться в лабиринте детства. Горестный мужчина может влюбиться в метафору и символ, как это сделал Кольридж, и не связываться с горами, скалами и цветами, на чём настаивался и кормился Вордсворт.

Когда мужчина наследует великую энергию воина, но не включает Дикаря или Дикарку, он может принести в жертву других, но не знать, кому он должен быть принесён в жертву. Он может бороться за Государство, но не за Космос, используя условия выдвинутые Джоном Уэйром Перри.

Когда Дикарь не является сильной частью Трикстера, Трикстер может развернуть все потоки, но не иметь своего собственного. Мы знаем, кем он не является, но не знаем, где его глубина. Он, так сказать, стреляет из-за дерева, но сам не присутствует в пейзаже.

Если Любовнику не хватает Дикаря, он не может дать достаточно диких цветов. Он может заниматься любовью в помещении слишком долго, быть слишком солидным, отсутствующим, что Йейтс назвал “глупостью”, желать выброситься из дома или с земли для женщины. Грануаль, как мы помним, вогнала нож в бедро Диармуда и оставила его там, когда рассердилась на него. Отказ вытащить нож был необычным выражением его любви, и это было убедительным для неё.

Король без достаточного Дикаря будет королём для человеческих существ, но животные, океан и деревья не будут иметь никакого представительства в его Сенате. Мы чувствуем, что это верно для президента Трумана. И Рейган, мы помним, сказал: “Если вы видели один красный лес, вы видели их все”.

Епископы и Папы традиционного испытывают недостаток Дикаря; они серьёзно относятся к церковной доктрине, но не к экологии земли.

Часть 9: История: Свадебный праздник

Теперь мы готовы вернуться к последней сцене нашей истории, в которой мужское и женское наконец собрались. Настоящие отец и мать тоже присутствуют. Это свадебная церемония, прерванная странным событием.

Отец и мать юноши были в числе приглашённых на свадьбу, и они пришли, и были в большой радости, потому что уже потеряли надежду когда-либо снова увидеть своего дорогого сына.

Пока все гости сидели за столом для брачного пира, музыка внезапно прервалась, огромные двери распахнулись, и вошёл баронский Король, сопровождаемый процессией из множества слуг.

Он подошёл к молодому жениху и обнял его. Гость сказал: “Я — Железный Джон, чарами превращённый в Дикаря. Ты освободил меня от этой зачарованности. Отныне все мои сокровища принадлежат тебе”.

Когда мы оглядываемся на историю, то понимаем, что Дикарь постепенно поднимался по

ступеням, в гармонии с медленным спуском юноши.

В одной шведской версии нашей истории главным героем, инициатором, на самом деле является животное, называемое “уродливым животным”. Он убегает, даёт мальчику лошадей и так далее. Когда наступает время свадьбы, он приезжает и проползает под стол, где сидят жених и невеста, и оттуда говорит юноше, что делать. В нужный момент жених прикасается к “уродливому животному” ржавым мечом, и животное превращается в короля, пропавшего в этой области давным-давно. Размещение животного под столом — это великолепная вариация на тему: презируемое и смиренное становится почитаемым, существо по всей видимости примитивное, становится королём.

Мы привыкли видеть Дикаря влажным, сырым, лесным, невежественным, покрытым листвой, и всё же он связан со священным разумом и солнечным сиянием — он Король.

Энергия, скрытая водой, тёмная, лежащая на спине среди камыша, становится сияющей силой. Как мы видим, огромные двери свадебного зала открываются, и входит баронский король со многими хорошо одетыми слугами.

Когда мы слышим или читаем эту последнюю сцену, мы с некоторым шоком говорим: “Чья это история?”

Мы предполагали, что это история мальчика; но мы видим, что это может быть и история Дикаря. И есть кое-что, о чём мы не знали. Некоторая невидимая сила, о которой мы ничего не знаем, положила изощрённую энергию этого существа в примитивную форму и очертание, словно в клетку.

Тогда наша работа как мужчин и женщин не только в том, чтобы освободиться от семейных клеток и группового разума, но и освободить трансцендентальное существо от тюремного заключения и транса. Это то, что история говорит в конце.

Я думаю, мы сказали здесь о Дикаре столько, сколько нужно. Некоторые люди не любят само слово “Дикарь”. Оно скорее подстрекательское, и я сам не отношусь к нему с нежностью. При первом слушании оно обещает слишком многое. Кроме того, я боюсь книг как-сделать-это о Дикаре. “Я съел булочку с отрубями и обрёл Дикаря.” “Я практиковал мифологическое мышление в течение десяти минут и Дикарь запрыгнул в моё окно.”

Нам нужна деликатность вокруг Дикаря и Дикарки, так что мы причёсываем их кончиками крыльев наших мыслей. Было бы катастрофой набросить на них сеть или успокоить их жаргоном, и отвезти их домой в наш частный зоопарк.

В обычной жизни наставник может направить юношу через различные дисциплины, помогающие вывести его из детства во взрослую жизнь; что в свою очередь связано не с построением тела, но с построением эмоционального тела, способного выдержать более чем один вид экстаза.

Кроме того, мы знаем, что такие посвящения не могут произойти в любой момент или лишь единожды. Они происходят снова и снова. Австралийский абориген сказал что-то вроде этого: “Я делаю посвящения юношей в течение сорока лет, и я думаю, я начинаю понимать себя”.

Путь посвящения в нашем рассказе включает в себя восемь сегментов, но другая история может взять другие слова и заковать нас в них. Мы все боимся коробок, и это правильно.

Многие мужчины говорят мне, что они буквально не знают ни того, что означает слово

мужчина, ни того, являются ли они мужчинами или нет. Когда более старый мужчина рискованно называет некоторые мужские качества, которые он видит, то более молодой мужчина может увидеть, как далеко он находится от этой точки, в каком направлении он находится, и хочет ли он вообще идти в этом направлении. Простое присвоение имён человеческим качествам не помогает такому мужчине. Я уже упоминал, что некоторые современные женщины-психологи также верят в то, что называние женских качеств может сделать бессознательную женщину сознательной. Всякое обозначение качеств опасно, потому что имена могут заключать в коробки. Но мы надеемся на лучшее по сравнению с прошлым.

Я не верю, что это внимание к посвящению мужчин заставит мужчин и женщин расти дальше друг от друга. Мужчина, чей Воин или Любовник был сокрушён (и остался таковым) уже находится далеко от женщин. Он не может быть дальше.

Некоторые люди считают, что “мужская работа” важна только для некоторых мужчин — “чувствительных”. “Ну, весь этот мифологический материал прекрасен для чувствительных мужчин, они, вероятно, нуждаются в этом. Но я вижу, как строители едят свой обед с другими мужчинами — у них нет никаких проблем с их маскулинностью. Они даже не думают об этом. Они — настоящие мужчины..

Но действительно ли двадцатishестилетние журналисты, мужчины и женщины, которые это говорят, полагают, что синие воротнички не стыдятся

быть мужчинами? Они воображают, что детство этих “мужских мужчин” не было испорчено? Всякий раз, когда мужчина делает оскорбительные замечания женщинам, проходящим мимо, он обычно испытывает двойную неуверенность в том, что он не испытывает стыда.

Деление мужчин на “чувствительных мужчин” и “строителей” не имеет смысла. Синие воротнички и лесники, участвовавшие в конференциях, что я видел, были такими же вдумчивыми и чувствительными, как и любой профессор, руководитель компании или специалист. Так что я думаю, мы можем сказать, что стыд за эти три процента и гордость за эти три процента принадлежат всем предлагающим те же этапы, но в другом порядке, или совершенно другие этапы. Я восхищаюсь порядком обучения “Железного Джона”, но я не думаю, что есть какой-то один правильный порядок посвящения. Мы идём сквозь круг опыта снова и снова — сначала поверхностно, потом, становясь старше, более глубоко.

Этап, который мы думаем, что пропустили, мог иметь место, хотя мы и не осознаём его. Например, рана ноги, давшая нам второе или сострадательное сердце, могла произойти, и нам нужно больше воображения, чтобы понять, когда и как это произошло.

Мужское посвящение продолжается, женское посвящение, и человеческое посвящение. Мужчины и женщины делят сложное посвящение в человеческое тепло, не имеющее отношения к полу. Наша история не говорит об этом напрямую. Определённые посвящения, в сущности, принадлежат человеку, некоторые феминности, некоторые маскулинности. Очень важно иметь возможность произносить слово маскулинность — не думая, что мы говорим сексистское слово.

Генетики недавно обнаружили, что генетическая разница в ДНК мужчин и женщин составляет чуть более трёх процентов. Это не много. Однако разница существует даже в клетках тела.

Мы знаем, что многим современным мужчинам стало стыдно за свои три процента. Некоторым становится стыдно за историческое прошлое, за репрессивный патриархат, безумные войны, жестокость. Другие мужчины, не видевшие своих отцов, не могут быть верными маскулинности

и её ценностями, не хотят быть мужчинами. Но они мужчины. Я думаю, что в этом столетии и в этот момент важно подчеркнуть разницу в три процента, делающая человека мужчиной, не упуская из виду девяносто семь процентов, общие для мужчин и женщин.

Некоторые говорят: “Ну, давайте просто будем людьми, и не будем говорить о маскулинности и феминности.” Люди, говорящие это, воображают себя занимающими высокие моральные позиции. Я говорю, что мы должны быть немного мягче здесь, и позволять словам маскулинность и слово феминность быть сказанными, не боясь, что какой-нибудь нравственный плотник положит современных мужчин в коробочку.

Наше обязательство — и я включаю в “наше” всех женщин и мужчин, пишущих о гендерных вопросах — это описывать маскулинность таким образом, чтобы не исключать маскулинности в женщинах, но всё же задевать резонирующую струну в мужском сердце. Никто не говорит, что в женском сердце нет резонирующих струн, но в сердце мужчины есть низкая струна, которая заставляет всю его грудь вибрировать, когда о качествах маскулинности говорят правильно.

Наше обязательство состоит в том, чтобы описать феминность таким образом, чтобы не исключать феминность в мужчинах, но заставлять резонировать большую струну в сердце женщины. Какая-то струна в сердце мужчины тоже будет резонировать, но я подозреваю, что в сердце женщины есть низкая струна, которая заставляет её грудь вибрировать, когда о качествах феминности говорят правильно.

В то же время все мы знаем, что в действительности помимо этих двух состояний, “феминность” и “маскулинность”, есть всевозможные степени, промежуточные состояния, союзы, комбинации, гениальные исключения и т.д.

На данный момент есть мужчины и женщины, кто прошёл через дверь скорби в своё детство, и история, пересказанная нами, говорит лучше всего. Они смогут использовать эту историю и другие подобные ей, благословенно сохранившиеся благодаря культуре памяти, в которой жили наши предки вплоть до времени её написания.

Мы все осознаём некоторые священные моменты, когда пересекаются внешние и внутренние миры, когда пересекаются вертикальное и горизонтальное время. Этот момент произошёл, когда люди Короля ранили всадника. Даже несмотря на то, что он остался на коне, его шлем упал, и золотые волосы упали на плечи. В этот момент его истинная личность может быть раскрыта, а вскоре и истинная личность Дикаря.

Руми сказал:

Важно обратить внимание на имя, что Святой дал вещам.
Мы называем всё в зависимости от числа имеющихся ног
Но Святой называет всё согласно тому, что внутри
У Моисея был штандарт. Он думал, что его имя “жезл”;
Но его внутреннее имя было “медный змей”.
Мы думали, что имя “Омар” агитирует против священников,
Но внутри его имя было “Тот, кто верит”
Никто не знает нашего имени, пока наше последнее дыхание не погаснет.
Версия Р.Б.

Юноша в нашей истории спускается со двора в пепел, из пепла к земле, потом к коням под землёй, и так далее. Дикарь проходит его путь наверх, поднявшись из-под воды во двор, затем к

своему священному источнику, затем к Мастеру Лошадей, и наконец, к королевству.

Часть Дикаря в каждом мужчине, что когда-нибудь была в контакте с дикой природой и с дикими животными, спустилась ниже воды ума, вне поля зрения, ниже человеческой памяти. Теперь он покрыт волосами как если бы был животным. Дикарь в нашей свадебной сцене говорит по сути: “Мощная сила чарами заставила меня жить под водой, пока не появился юноша, который был готов пройти дисциплину, пройти страдания, через которые ты прошёл. Теперь, когда ты это сделал, я могу проявиться как я — Господь”.

Эпилог: Дикарь в античной религии, в литературе и в народной жизни

Часть 1: Эра охотников

Рост образного видения, приведший к образу Хозяина Зверей, частично человека, частично бога, частично животного, мы можем с полным правом считать великим религиозным событием. Древние женщины в отдельном и параллельном событии видели своим внутренним зрением сострадательное, питающее, изобильное, безжалостное существо, Рождающую Мать и Могильную Мать, блестящую за сбивающим с толку зрелищем стареющих тюленей, светлых глаз младенцев, почек и сухих листьев, пескарей и китов, девочек и крон.

В каждом случае древние мужчины и древние женщины видели сквозь завесу крепкое невидимое существо на другой стороне экрана природы.

Хозяин Зверей или Освободитель Зверей в своё время перешёл черту с животной стороны вещей на человеческую сторону, и обратно. Рассказы о Хозяине Зверей или Мастере Охоты присутствуют в средиземноморской, африканской, сибирской, аборигенной, китайской, североевропейской и африкано-индийской культурах. Черноногие, например, рассказывают о ранних временах голода, когда старик обратился к буйволу. Вождь буйволов отвечает, прося человеческую невесту. Дочь старейшины переезжает в лагерь буйволов и в ответ десятки буйволов скачут по скале, чтобы накормить племя. Отец, через некоторое время посетивший стойбище буйволов, чтобы встретиться с дочерью, обнаружен и затоптан насмерть. Его дочь в конечном счёте воссоздаёт его из одного позвонка. Но ясно, что и отец, и дочь теперь почувствовали безличную власть в реальности буйволов, и был разработан какой-то вид договора, который интеллект не может понять полностью.

Эта история и сотни ей подобных свидетельствует о том, что когда-то между человеческой и животной реальностями был заключён договор, и это соглашение кажется жёстким, обеспечивая обязательства и права каждой из сторон. Более того, мы видим, что съеденный бизон скачет в ущелье в следующем году; буйвол, принесённый в жертву вскоре вновь возрождается. И человеческое существо переходит на их сторону, когда один из них переходит на нашу.

К каменному веку Освободитель Зверей появляется как Мастер Сущностей в великолепном танце на стенах пещер Дордони. “Волшебник”, нарисованный высоко на стенах святилища Труа-Фрер, считается этим Богом. Многие учёные, изучающие тот период палеолита, теперь верят, как сообщает Джон Пфейфер в своей книге Творческий Взрыв, что пещеры, датируемые примерно 12 000 годами до Н.Э., были не только местами для ритуалов бесплодия или охоты, но и камера для посвящения юношей.

Если это так, то Дикарь, или Хозяин Зверей, был связан с посвящением юношей в течение, по

меньшей мере, четырнадцать тысяч лет. Через посвящение Дикарём мужчины учатся поклоняться животной душе, и то древнее поклонение и по сей день вызывает у занятого взрослого человека скорбь животной жизни, горе всей природы, “слёзы вещей”, сознание между и между, и наконец, оно пробуждает в шамане способность переходить в сознание гор, камней, вод, деревьев и демонов. Прежде всего, поклонение умирающим животным, вызывает в памяти знание жертвы, и того, что жертва может означать.

Когда животное умирает в присутствии охотника, имеет ли место добровольная жертва, или всё это сон? Мы задаём себе этот вопрос, когда святой мужчина или святая женщина жертвует собой. Вопрос и ответ лежат в области знаний Мастера Охоты.

Здесь не место для длинного эссе о палеолитических мистериях. Всё, что мы хотим здесь сделать — это торжественно заявить, что волосатый мужик, появившийся под водой в начале нашей истории, имеет иное место в верхней реальности, населённой богами. Он бог глубины, раны и жертвы. Мирча Элиаде сказал, что считает Мастера Охоты “самой божественной фигурой во всей предыстории”, и таким образом прототипом всех последующих богов. В нашей индустриальной системе мы игнорируем Великую Мать, и мы также игнорируем Хозяина Зверей. Мы одни из первых людей в истории, кто пытается жить, не почитая его и его глубину, и его раненность, и его знание предназначения жертвы. В результате наши жертвы стали бессознательными, регрессивными, бессмысленными, неизбирательными, саморазрушительными и массовыми.

Часть 2: Сельскохозяйственная эра

Что случилось с Хозяином Зверей, когда люди перешли от охотничьей культуры к культуре охотников-собирателей, а затем к сельскохозяйственному обществу? Точное утверждение о трансформации богов никогда не может быть сделано, потому что боги включают в себя друг друга, обмениваются туда и обратно, создают сбивающие с толка союзы, оставляющие мифологию далеко позади.

Уточнив это ограничение, мы также можем с уверенностью заявить, что на индийском субконтиненте Хозяин Зверей трансформировался в Шиву.

В Дравидийской культуре Южной Индии, преобладавшей до индуистской культуры, Хозяин Зверей получил имя Пашупати, а его компаньонка Повелительница Горы — имя Парвати. Учёные отследили эту пару до раннего Бронзового Века и Неолита. Колоссальное философское и религиозное движение вокруг Хозяина Зверей и Повелительницы входит в классическую индийскую культуру как Шиваизм, слившийся с более ранним анимизмом, и являющийся источником множества более поздних религий. Дравидийский язык на юге Индии является основным носителем шиваитской энергии, и Ален Даниэлу замечает в своей книге Шива и Дионис, что он разделяет много слов с шумерским, баскским и грузинским языками. Танец Шивы Ананды Кумарасвами даёт прекрасные подробности о религии Шивы; а Гэри Снайдер упоминает, что Шива по-прежнему бог с самыми живыми поклонниками на этой планете.

Шива — это расцвет или развитие Дикаря, чрезвычайно ясно выраженного. Шива сохраняет дикий аспект — его последователи идут голыми и не стригут волосы — но также и аскетический аспект, супружескую сторону и разъярённую сторону или сторону Бхайрава.

Хозяин Зверей в районе вокруг Кавказа, Фессалии, Греции и Крита расширяется и развивается в бога по имени Загрей, Зан, или, на Крите, Зевс.

Древняя критская культура называла Хозяина Зверей — Загреем, а Повелительницу Горы —

Кибела. Бык, змея и фаллос говорят за Загрея или Зана, или Зевса, а тигр и лев говорят за Кибелу. По мере развития критской культуры ритуалы рождения младенца Зевса на горе Иде и горе Дикти стали сливаться с ритуалами вокруг младенца Диониса. Напомним, что Дионис появился прямо из бедра Зевса.

После того, как средиземноморские народы стали фермерами и виноградарями, Дионис шагнул вперёд, чтобы нести энергию старого Животного Бога, а Повелительницей Горы стала Ариадна, что означает просто Священная Женщина. Ритуалы вокруг Диониса ясно показывают, как — когда человечество движется к таинству растений — может измениться Хозяин Зверей, сохраняя при этом свою жертвенную сущность. Дионис, как мы говорили раньше, представляет собой гроздь винограда, который будучи разорванным, растоптанным и окружённым тьмой воловьей кожи, даёт каждому в сообществе экстаз, то есть вино. “Ничто не может быть единственным или целым / То не было разрывом”.

Продолжение Хозяина Животных в форме Диониса принесло огромные дары нашей собственной культуре, в форме греческого трагического театра и всей концепции трагедии. Слово трагедия означает песню (жертвенной) козы. Дионисийское наследие также даёт нам то, за что мы уважаем темноту, солнце под землёй, экстаз вина и тишину, что лежит внутри мужчины, знающего горе. Дионис несёт знание, приходящее к душе, когда она вынашивает плач и разрыв.

Дикарь продолжает своё существование на протяжении кельтских сообществ древней Европы, где он фигурирует под именем Кернунн, или Комель, или Корнелиус, корневым слогом подчёркивая рога оленя. В некоторых кельтских землях он известен как Херн-Охотник, чьи охотничьи собаки белые с красными ушами.

Прекрасная визуализация Кернунна сохранилась в котле, найденном в Ютландии, известном как Котёл из Гундеструпа, и датированном I веком до н.э. Кернунн виден сидящим в позе йога, держа в одной руке змею, а в другой — шейное кольцо Повелительницы или “tore”, позволяя оленьим рогам и листьям восставать из своей головы. Вокруг него компания, состоящая из дельфина, газели, льва и собаки. Кельтская Артуриана, появившаяся в XII-XIII веках, сохраняет воспоминания о нём, например, в Ивейне, где он назван Хозяином Зверей и Хранителем Фонтана. У женского компаньона Кернунна много имён, среди которых Артио — чей корень совпадает с Артуром — что означает “медведица”.

Тогда слово Дикарь, которое кажется глупым, когда мы впервые его слышим, и которое так легко путается с безответственным или грубым человеком, несёт в себе огромное количество исторической информации.

Когда мы смотрим в прошлое, удерживая у глаз телескоп Дикаря, многие размытые образы попадают в фокус, среди которых Иоанн Креститель — Дикарь, крестивший Христа и Марию Магдалину. Мария Магдалина несёт в себе какое-то чувство света, спрятанного в темноте, который мы связываем с Софией. И София, и Дионис содержат в своих легендах тайну солнца, светящего не как солнце вниз, но скорее солнца в глубине земли, сияющего изнутри вверх.

Хозяин Зверей раннего каменного века, превратившийся затем в Пашупати, Шиву, Диониса и Кернунна, сохраняет и развивает исходную энергию. Он помещён внутри обширных религиозных и мифологических садов, где он расцветает. Но сады заканчиваются на Западе. С сожалением приходится констатировать, что Лесной Бог резко останавливается около 1100 года н.э.; конечно, эту дату можно установить раньше, в первом веке до н.э., когда Цезарь вторгся в Галлию. Как бы то ни было, ясно, что Хозяин Зверей не вносит свою долю влажности и энергии в наши религии. Конечно, как Дикаря его помнят в литературе и в народной

фантазии.

Часть 3: Дикарь в античной литературе

Первый раз мы видим Хозяина Животных как полностью развитого эпического персонажа в шумерском эпосе о Гильгамеше, записанном около 700 г. до н.э., но нарисованном с гораздо более раннего материала. Великие города-государства уже существуют. Когда молодой король Гильгамеш, золотой, раздутый, жадный до удовольствий, начинает приносить проблемы, старейшины говорят, что единственное решение — дать ему соприкоснуться с мужчиной по имени Энкиду.

Всё его тело было волосатым, а его пряди были как у женщины или как у богини зерна. Более того, он ничего не знал об устоявшихся полях или человеческих существах и был одет как божество стад. Он ел траву вместе с газелями, толкался с дикими зверями у водопоя и был доволен такой жизнью... Когда Гильгамеш узнал о чуде: “Иди, мой охотник” — сказал он, — “Возьми с собой проститутку из храма, и когда он придёт к водопою со зверями, пусть она сбросит с себя одежду, раскроет свою наготу, и когда он увидит её, он приблизится к ней; и звери после этого покинут его, выросшие вместе с ним на равнине”.

Охотник и храмовая проститутка отправились в путь, и через три дня добрались до водоёма. Один день они сидели; два дня; и на следующий день пришли звери, среди них был Энкиду, питающийся травой с газелями....

Женщина сделала, как сказано: обнажила грудь, обнажила свою наготу. Пришёл Энкиду и завладел ею. Она не испугалась, но отложив в сторону одежду, поприветствовала его пыл, и в течение шести дней и семи ночей Энкиду продолжал спариваться с храмовой девой, после чего повернул голову и сделал движение к зверям. Но увидев его, они убежали, и Энкиду был поражён. Его тело напряглось, колени замерзли — животные убежали. Это было не так, как раньше.

Энкиду повернулся к женщине и, усевшись у её ног, посмотрел ей в лицо; и когда она говорила, его уши внимали. “Ты так прекрасен Энкиду, будто сам бог”, — сказала она ему. “Почему ты бегаешь с животными по равнине? Пойдём, я отведу тебя к крепостной стене Урука, священного храмового города Ану и Иштар, где Гильгамеш, не имеет себе равных, как дикий бык он властвует над людьми.” И пока он слушал, его сердце светлело. Он приобрёл друга. “Очень хорошо” — сказал он. “И я брошу ему вызов.”

Затем Энкиду идёт в город и знакомится с Гильгамешем; в двух схватках Энкиду побеждает, и эти двое становятся неразлучными друзьями. Энкиду появляется здесь как волосатая тень нового цивилизованного городского короля.

Читавшие Ветхий Завет вспомнят Исава, волосатого мужика в семитских легендах, приносящего дикое козье мясо своему слепому отцу Исааку в подарок. Мы уже знаем, что коварные фермеры придут на смену религиозным охотникам по всему Ближнему Востоку, и не удивляемся, когда Иаков, подделав звериную шерсть на тыльной стороне ладоней, выигрывает благословение отца, по праву принадлежащее Исаву. Так это происходило в сельскохозяйственном мире. Из истории Исава следует, что в определённый момент в истории Ближнего Востока волосатый мужчина был выслан или лишён гражданских прав.

Часть 4: Дикарь в европейском средневековье

Дикарь занимает очень яркое место в фантазии и народной жизни европейцев в Средние Века.

В Германии, Австрии, Голландии и соседних странах проводились ежегодные конкурсы или народные представления, в которых он был главным героем. Сцены из этих конкурсов были любимыми для художников Северной Европы.

Примером может служить Питер Брейгель старший, нарисовавший сцену фламандского конкурса, которая затем была скопирована в 1566 году, как гравюра неизвестного художника. Эта гравюра сохранилась. Мы видим деревенскую площадь в тот момент, когда Дикарь выходит из леса. Деревенские игроки ранее вышли в лес, одели юношу в какой-то костюм из рыбьей кожи, и дали ему лозы, усики которых запутали в волосах и бороде. Другие усики связаны вокруг его талии, и он несёт дубинку, повторяющую дубинку, принадлежащую великану из Серн-Эббас, вырезанному на склонах Дорсет в Англии. На площади его встречают три актёра, представляющие устоявшиеся или цивилизованные державы. Актёр, представляющий Священную Римскую Церковь и Императора, показывает ему земной шар, увенчанный крестом, чтобы напомнить Дикарю, что его время закончилось. Военный мужчина имеет заряженный арбалет, из которого целится в Дикаря. Третий персонаж, женщина, носит в нескольких изображениях этого спектакля любопытную конусообразную шляпу. В своём платье она похожа на монахиню и протягивает ему золотое кольцо. Кольцо является святым кольцом сексуального союза, которое храмовая жрица предложила ему в Шумере 2200 лет назад. Несколько лет назад Метрополитен-музей опубликовал книгу под названием Дикарь в средневековом мифе и символизме, где воспроизводится эта гравюра на дереве. Редактор Тимоти Хасбенд подводит итог предложению жрицы следующим образом: “Символизируя союз с женщиной, кольцо соблазняет Дикаря священной и законной связью брака, из которого он исключён. Солдат и Император со своим мечом, нарисованным в картине Брейгеля, преследовали Дикаря, готовые нанести ему удар за его преступления против цивилизованного порядка.”

Дикарь игнорирует все эти угрозы и отказывается от предложений; он отказывается бросить свою лесную жизнь. Гравировка показывает, что танцы и дикие торжества начинались в тот момент, когда Дикарь входил в город, и это, кажется, было началом Марди Гра. Он покидает город под приветственные возгласы юношей и под буйный танец влюблённых.

Но маскарад, по всей видимости, заканчивался более зловещим событием. Через милю или около того, горожане встречали его. Они одевали костюм Дикаря на соломенного человека и бросали его в озеро или пруд, таким образом, ритуально его казнив. Деталь увлекательна по отношению к нашей истории, в первую очередь потому, что в ней мифологически объясняется, как Дикарь оказался на дне пруда. Мы также можем видеть в этом ритуальном событии остатки реальной экзекуции, которая, вероятно, исполнялась в более ранние времена.

Тимоти Хасбенд также воспроизводит манускрипт, показывающий Александра Великого, который отделяет Дикаря от его жены, а затем бросает его в огонь. В других картинах мы видим Дикаря, поднятого перед церковными властями для суда. Сжигание Дикаря на несколько сотен лет предшествовало сожжению ведьм на костре, и исходило из того же страха и гнева.

Дикарь также выполняет и другие функции в Средневековых фантазиях: он был известен как друг влюблённых. В традиции куртуазной любви заложен Дикарь. Некоторые витражи из фамильных часовен, например, показывают Дикарей штурмующих стены замка. Они заменили куртуазных рыцарей “штурмующих Замок Любви”. Хасбенд замечает:

Девы в замке — прелестные соблазнительные создания — кажется, подбрасывают цветы больше для поощрения, чем для их отражения. Молодые дикари, зная о характере своего дела, отказались от оружия и брони. Легендарная сексуальная доблесть дикаря в сочетании с

готовностью девиц создаёт образ чистой бессмыслицы. Став крепостью чистоты, замок становится место чувственности, а штурм замка приравнивается к удовлетворению физического желания.

Немецкий художник Швайгер создал около 1515 года чудесный рисунок чернилами “Магдалина как Дикарка”. Он рисует её так, как художники традиционно рисовали дикарок: полностью покрытую волосами кроме сосков, локтей и коленей. Три задрапированных и один пернатый ангел возносят её на небеса. Этот рисунок демонстрирует значительную привязанность к Дикарке.

Затем Дикарь и Дикарка занимают сложное место в народном и аристократическом воображении Средневековья. Иногда их хвалят за спонтанность и сексуальную энергию, но чаще наказывают, изгоняют или убивают за это.

Мы должны восхищаться средневековой культурой за сохранение Дикаря в сознании. Понятно, что Марди Гра в Новом Орлеане, например, происходит от деревенских маскарадов, но в нём забыт персонаж Дикаря. Базель всё ещё сохраняет эту связь, а их Фастнахт, проводимый ежегодно, остаётся верным настроению, и множество масок Дикаря является частью представления.

Часть 5: Угроза от дикаря в Европе

Мы могли бы спросить, почему Северная Европа почувствовала такую угрозу со стороны Дикаря. Я не думаю, что ответ станет сюрпризом. Дикарь является родственником, возможно, дядей Пана, греческого бога, чьё имя означает “всё”, и косвенно означает саму природу. У Пана были волосатые ноги, принадлежавшие, можно сказать, той самой козе, которую так любил Исаа, и которую Церковь оклеветала, отдав её ноги Сатане.

Аскетические установки или популярное желание подавить либидо, так сильно выросшее в конце языческой эры, соединившись в римской культуре с опасениями относительно либертарианских акцентов Великой Матери, сформировали антисексуальный фронт.

Друг однажды рассказал о своём посещении древнего монастыря на горе Афон в Греции, традиции которого относятся к самым ранним дням христианства. Однажды вечером он сидел рядом со старым монахом и смотрел на горы и море. Он не знал греческого языка, но хотел поговорить со стариком о духовных вопросах. Старый монах, должно быть, почувствовал это и сказал, наконец, английскую фразу: “Женщины — зло”. Вот и всё. Мысль подразумевает, что всякая сексуальность — это зло. Мы можем ощутить тёмную сторону средневековой культуры в этой истории, и из этого случая вывести, как мало поддержки аскетическому крылу Христианства, Ислама или Сикхизма дали бы волосатая Магдалина или Дикарь.

Мощные социологические и религиозные силы действовали на Западе в пользу урезанного, гладкого, интеллектуального, неинстинктивного и лысого. Блейк сказал:

Жрецы в чёрных рясах гуляют кругами,
И связывают шиповником мои радости и желания.

Женская сексуальность очень сильно пострадала и до сих пор страдает от этого произвола лысого, аскетичного и интеллектуального. Богиня Афродита, живущая внутри женского тела, оскорблялась изо дня в день.

Те же силы свели мужскую сексуальность к банальности, профанности и ужасной практичности. На контрасте, развитие Дикаря через призму индийского воображения в Шиву чтит сексуальную энергию. Мы видим статуи Шивы в великом сексуальном великолепии, сидящим рядом с Парвати, чья сексуальная энергия излучается каждым дюймом её тела. У Иисуса не было жены или детей, и причина его общения с Марией Магдалиной не сохранилась в Евангелиях. В христианстве именно Павел положил начало ненависти к сексуальности, сказав в Первом послании к Коринфянам: “Пусть живут те, у кого есть жёны, как будто у них нет”. Ориген кастрировал сам себя. Иустин сообщает, что христиане в его время, во II веке до н.э., умоляли хирургов удалить их яички; в то время многие монахи на горе Афон приняли кастрацию, а позже Григорий Нисский сказал: “Брак, таким образом, есть последняя стадия нашего отделения от жизни, что вела в рай; женитьба — первое, что нужно оставить позади”. Августин сказал: “Мужчина по самой своей природе стыдится сексуального желания”, и он, хотя в молодости был распутником, изменился, когда стал христианином. Позже в жизни, он сказал, что его член встаёт, хочет он этого или нет. Он назвал это “движением непослушания”, которые показывает, что “человечество со времён Адама полностью развращено”. Дикарь воспримет это событие, как очаровательное свидетельство спонтанности.

Мы знаем, что внутри христианства, как и внутри иудаизма и ислама, были и остаются противоположные течения, защищающие сексуальную любовь. Среди христианских групп мы знаем о Братстве Любви, Катарях, трубадурах и Братьях Свободного Духа, для которых Босх рисовал свои жертвенники. Но эти чувственные движения не смогли изменить узаконенное движение христианства, направленное на то, что сексуальность препятствует духовному росту.

Я перехожу на эту почву не для того, чтобы атаковать аскетизм, имеющий свои достоинства, но чтобы напомнить нам о тех сложных чувствах, которые испытывали деревенские жители в Европе — когда они видели, как Дикаря ведут для ритуальной казни.

С мыслителями уровня Августина на нашей стороне, удивительно, что мужчины вообще могут заниматься любовью. Юноши в современной культуре быстро заключают, что их сексуальный инстинкт неприятен, навязчив, странен и враждебен духу.

Снисходительные отношения такого рода часто выбирают редактора Playboy, полностью пропуская сражение, потому что Playboy предполагает, что мужская сексуальность является светской, своего рода пьесой, подходящей для плейбоя.

Когда Церковь и культура в целом уронили богов, говоривших за божественный элемент в мужской сексуальной энергии — Пана, Диониса, Гермеса, Дикаря — в забвение, мы как мужчины потеряли огромную часть. Средневековое западное воображение не переносило Хозяина Зверей или Дикаря в хорошо развитого Шиву или Диониса, и эротическая энергия мужчин утратила способность к движению, как говорится в музыке, к следующей октаве.

Здесь мы закончим эту краткую историю места Дикаря в религии, литературе и народном воображении. Однажды я услышал лекцию Марии-Луизы фон Франц о Дикаре, и она выбрала исторического дикаря в средневековой Швейцарии, который отправился в лес на много лет, и чьи советы были очень популярны, как у правителей, так и у простых людей. Она заметил, что за последние десятилетия она замечала в снах и мужчин, и женщин фигуру, бывшую духовной, но также и покрытой волосами, своего рода волосатого Христа. Она верит, что то, о чём душа просит сейчас — это новая фигура, религиозная фигура, но покрытая волосами, в контакте с Богом и с сексуальностью, с духом и с землёй.

История Железного Джона

Части этой главы могут быть найдены в главах указанных в скобках.

(1)

Жил однажды Король, и возле его замка был дремучий лес, в котором водилась разная дичь.

Послал раз Король туда своего егеря, чтоб убить косулю, но егерь назад не вернулся.

— Видно, с ним какое-нибудь несчастье случилось, — сказал Король и послал на другой день двух егерей на поиски его; они тоже назад не вернулись.

Тогда созвал Король на третий день всех своих егерей и говорит:

Однако из тех егерей домой никто не вернулся, а из своры собак, которых они взяли с собой, ни одной больше не видели. С той поры больше никто ходить в тот лес не отваживался, и стоял он в глубокой тишине, одинокий, и видно было только, как пролетал иногда над ним орел или ястреб. Так продолжалось долгие-долгие годы.

Но явился однажды к королю неизвестный охотник, он хотел поступить на службу и вызвался отправиться в тот страшный лес. Но Король согласия своего давать не хотел и сказал:

— В этом лесу нечистая, сила водится; я боюсь, что и с тобой случится то же, что и с другими, и ты назад из него не вернешься.

Охотник ответил:

— Король, я уж рискну; я ничего не боюсь. — И он отправился со своею собакой в тот лес.

Прошло некоторое время, и напала собака на след дичи, и начала было за нею гнаться, но только пробежала она несколько шагов, видит — раскинулось перед ней глубокое болото, дальше идти нельзя, и протянулась из воды голая рука, схватила собаку и потащила ее на дно. Увидел это охотник, воротился назад и привел с собою трех людей; они пришли с ведрами и начали вычерпывать воду. Вот уже показалось дно; и видят они — лежит там Дикарь, тело у него все рыжее, как ржавое железо, а волосы висят до самых колен.

Связали они его веревками и привели в замок. И немало там удивлялись Дикарю, и велел Король посадить его в железную клетку в своем дворе и под страхом смертной казни запретил открывать дверь той клетки, а ключи поручил хранить самой королеве. С той поры каждый мог ходить в тот лес спокойно.

Был у Короля сын восьми лет. Играл он раз во дворе, и во время игры попал его золотой мяч в клетку. Подбежал мальчик к клетке и говорит:

— Кинь мне мой мяч назад.

— Нет, — ответил Дикарь, — я его не отдам, пока ты не откроешь мне дверь.

— Нет, — сказал мальчик, — я этого не сделаю, это Король запретил, — и убежал.

На другой день пришел он опять и стал требовать свой мяч. А Дикарь говорит: «Открой мне дверь», но мальчик опять отказался.

На третий день король выехал на охоту, а мальчик подошел снова к клетке и говорит:

— Если бы даже я и хотел тебе дверь открыть, то все равно бы не смог, у меня нет ключа.

— Он лежит под подушкой у твоей матери, — сказал Дикарь, — ты его можешь достать.

Мальчику очень хотелось вернуть свой мяч, он позабыл про всякую осторожность и принес ключ. Дверь открывалась с трудом, и мальчик прищемил себе палец. Как только дверь открылась и Дикарь вышел наружу, он отдал мальчику золотой мяч, и сам стал быстро уходить.

Сделалось мальчику страшно, и он крикнул вдогонку:

— Ах, Дикарь, не уходи отсюда, а не то меня побьют.

Дикарь вернулся, поднял его, посадил себе на плечи и быстрыми шагами направился в лес.

Вернулся король домой, увидел пустую клетку и спросил королеву, как все это случилось. Королева ничего не знала, начала искать ключ, но его не оказалось. Стала она звать мальчика, но никто не отвечал. Разослал тогда король повсюду людей на розыски мальчика, но они его нигде не нашли. Тогда король догадался, что случилось, и великая печаль воцарилась при королевском дворе.

(2)

А Дикарь вернулся снова в дремучий лес, снял там мальчика с плеча и сказал ему:

— Отца и мать свою ты больше не увидишь, но я буду о тебе заботиться, потому что ты меня освободил и мне тебя жаль. Если ты будешь исполнять все, что я тебе скажу, то будет тебе хорошо. А драгоценностей и золота у меня вдосталь, больше чем у кого-либо на свете.

Он устроил мальчику подстилку из мха, и тот уснул; а на другое утро Дикарь привел его к источнику и говорит:

— Видишь этот золотой источник? Он чист и прозрачен, как хрусталь; ты должен будешь около него сидеть и следить, чтоб ничего в него не упало, а не то он станет нечистый. Каждый вечер я буду приходить и смотреть, выполнил ли ты мой наказ.

Сел мальчик на краю источника, и ему было видно, как мелькала в нем то золотая рыба, то золотая змея, и он следил, чтоб ничто не упало в источник.

Когда он сидел, вдруг заболел у него палец, да так сильно, что мальчик невольно сунул его в воду. Он быстро вытащил руку назад и вдруг увидел, что весь палец стал золотой; и какие он старания ни прилагал, чтоб стереть золото, все было напрасно.

Вечером вернулся Железный Джон — так звали Дикаря, — посмотрел на мальчика и сказал:

— Что случилось с источником?

— Ничего, ничего не случилось, — ответил мальчик и спрятал палец за спину, чтоб Дикарь не мог его увидеть.

Но тот сказал:

— Ты погрузил палец в источник; на этот раз я, так уж и быть, прощаю тебе, но смотри,

берегись, чтоб больше ничего в него не попало.

И вот на ранней заре сидел мальчик снова у источника и его сторожил. Но заболел у него опять палец, и он провел рукой по голове, и упал невзначай один волос в источник. Он быстро вытащил его оттуда, но волос стал весь золотой.

Явился Железный Джон, он знал уже все, что случилось.

— Ты уронил волос в источник, — сказал он, — я прощаю тебе и на этот раз, но если это случится и в третий раз, то станет источник нечистый, и тебе нельзя будет у меня оставаться.

Сидел на третий день мальчик у источника и уж пальцем не шелохнул, а он болел у него еще очень сильно. Стало ему очень скучно, и он начал разглядывать себя в водяном зеркале. При этом он все больше и больше наклонялся вниз; захотелось ему заглянуть себе в глаза; и вдруг упали его длинные волосы в воду. Он быстро поднялся, но все волосы на голове стали вдруг золотыми и засияли, как солнце.

Можете себе вообразить, как бедный мальчик испугался! Вытащил он из кармана платок и обвязал им голову, чтоб Дикарь ничего не заметил. Но Железный Джон пришел и знал уже все и сказал:

— А ну, развяжи платок.

И рассыпались золотые волосы у него по плечам, и как мальчик ни оправдывался, ничего не помогло.

— Ты испытания не выдержал, и оставаться тебе здесь больше нельзя. Ступай странствовать по свету, и ты узнаешь тогда, как в бедноте живет. Но так как сердце у тебя не злое и я желаю тебе добра, то я позволю тебе вот что: когда попадешь ты в беду, то ступай в лес и кликни: «Железный Джон!», и я приду к тебе на помощь. Могущество мое велико, больше, чем ты полагаешь, а золота и серебра у меня вдоволь.

(3)

Покинул мальчик лес и пошел по дорогам и нехоженным тропам все вперед и вперед, пока, наконец, не пришел в большой город. Стал он искать там работы, но найти ее никак не мог да и обучен он ничему не был, чем мог бы прокормиться. Наконец отправился он в замок и спросил, не возьмут ли его там на работу. Придворные не знали, к какому делу можно бы его определить, но мальчик им понравился, и они велели ему остаться. Взял его, наконец, к себе на работу повар и велел ему дрова и воду носить да золу выгребать.

(4)

Однажды, когда под рукой никого не оказалось, велел повар ему отнести кушанья к королевскому столу. Мальчику не хотелось показывать своих золотых кудрей, и он своего поварского колпака не снял. А к Королю в таком виде никто еще ни разу не являлся, и он сказал:

— Если ты являешься к королевскому столу, должен свой колпак снять.

— Ах, господин мой Король, — ответил ему мальчик, — я никак не могу, у меня вся голова в стручках.

Тогда велел Король позвать повара, выбранил его и спросил, как же он смел такого мальчишку принимать к себе на работу; и приказал его тотчас прогнать.

(5)

Но повар мальчика пожалел и обменял его на садовничьего ученика.

И должен был теперь мальчик в саду деревья сажать, поливать их, мотыжить, землю копать и терпеть стужу и зной. Однажды летом работал он один в саду, а день был такой жаркий, и вот снял он свою шапочку, чтоб на ветру освежиться. Но засияло солнце на его волосах, и они так засверкали-заблестели, что упали лучи в спальню дочери Короля, и она вскочила, чтоб поглядеть, что это такое. Увидала она юношу и окликнула его:

— Паренек, принеси мне букет цветов.

Надел он второпях свою шапочку, нарвал простых полевых цветов и связал их в букет. Когда он подымался по лестнице, его встретил садовник и говорит:

— Как ты смеешь нести дочери Короля такие плохие цветы? Скорей нарви других, да самых красивых, душистых.

— Ах, нет, — ответил юноша, — полевые цветы пахнут сильнее, они ей больше понравятся.

Вошел он в комнату дочери Короля, а она и говорит:

— Сними свою шапочку, тебе негоже передо мной в шапке стоять.

А он опять-таки отвечает:

— Мне никак нельзя, у меня голова в струпьях.

Тогда дочь Короля схватила шапочку, сняла ее, и рассыпались его золотые волосы по плечам, и глядеть на них было так приятно.

Он хотел убежать, но она удержала его за руку и дала ему целую пригоршню золотых. Он взял их, но на золото никакого внимания не обратил, принес золотые садовнику и говорит:

— Я дарю их твоим детям, пусть они ими играют.

На другой день дочь Короля кликнула его снова и велела принести ей букет полевых цветов, и когда он с ним явился, она тотчас схватила его за шапочку и хотела снять, но юноша крепко держал шапочку обеими руками. Дочь Короля дала ему опять пригоршню золотых, но он оставлять их у себя не захотел, а отдал их детям садовника вместо игрушек. На третий день случилось то же самое, — королевна не могла снять с него шапочку, а он никак не хотел брать у нее золота.

(6)

Вскоре началась в этой стране война. Собрал Король свой народ, и не знал, сможет ли он отразить натиск врага более сильного, у которого имелось большое войско.

И говорит тогда садовничий ученик:

— Я уже вырос и хочу тоже идти на войну вместе с другими, дайте мне только коня.

Но над ним посмеялись и сказали:

— Вот когда мы уедем, ты и лошадь себе подберешь: мы оставим тебе одну на конюшне.

Выступили они в поход, а юноша пошел на конюшню и вывел оттуда лошадь, она на одну ногу хромила, была заморенная и на ходу похрипывала: «гуп-гуп.» Но он все-таки сел на нее и двинулся в дремучий лес. Подъехал юноша к опушке леса и трижды крикнул: «Железный Джон!», да так громко, что разнеслось по всему лесу. И вмиг явился лесной человек и спросил:

— Что требуешь ты?

— Я требую сильного коня, собираюсь ехать на войну.

— Будет у тебя конь, и ты получишь еще больше, чем требуешь.

Вернулся Дикарь в чащу, и в скором времени вышел оттуда конюх, он вел коня. Конь фыркал, храпел и его еле можно было удержать. А за ним следовал большой отряд воинов, закованных в броню, и мечи их сверкали на солнце.

Отдал юноша конюху свою хромоногую кобылу, вскочил на коня и поехал впереди войска. Когда он подъехал к полю сражения, к тому времени большая часть королевских солдат была уже перебита, и еще бы немного, и пришлось бы оставшимся обратиться в бегство. Тут налетел юноша со своей железной ватагой, обрушился на врагов, как гроза, и перебил всех, кто ему на пути попадался. Пришлось врагам обратиться в бегство, но юноша гнал их по пятам

и до тех пор не останавливался, пока не осталось в живых ни одного человека.

Но вместо того чтобы вернуться назад к Королю, юноша повел свой отряд окольными дорогами опять в лес и кликнул Железного Джона.

— Что требуешь ты? — спросил Дикарь.

— Возьми своего коня и свой отряд назад и верни мне назад мою хромоногую лошадь.

Исполнилось все, что он потребовал, и поехал юноша на своей трехногой кобыле домой.

Вернулся Король снова в свой замок, вышла к нему навстречу его дочь и стала поздравлять его с победой.

— Это не я одержал победу, — сказал король, — а один неведомый рыцарь, подоспевший со своим отрядом к нам на помощь.

Захотелось дочери Короля узнать, кто этот незнакомый рыцарь, но король сам этого не знал и сказал:

— Он погнался за врагами, и с той поры я больше его не видел.

Спросила дочь Короля у садовника про его ученика, а тот засмеялся и говорит:

— Да он только что вернулся домой на своей трехногой кобыле. И все, посмеиваясь, кричали ему: «Вот и подъехала наша заморенная кобыла!» И спрашивали: «А за каким это плетнем ты отсиживался да спал?» Но он отвечал: «Я совершил подвиг, и без меня плохо пришлось бы». Но над ним еще больше смеялись.

(7)

Сказал Король своей дочери:

— Я велю устроить большой праздник, он должен будет длиться три дня, а ты будешь бросать золотое яблоко, — может, тогда незнакомец явится сюда, чтоб его поймать. И вот, когда был объявлен праздник, юноша вышел в лес и кликнул Железного Джона.

— Чего требуешь ты? — спросил Железный Джон.

— Чтоб поймал я золотое яблоко дочери Короля.

— Это легко, — считай, что оно у тебя уже в руках, — сказал Железный Джон, — но ты получишь еще вдобавок красные доспехи и будешь ехать на статном рыжем коне.

Вот наступил назначенный день, и прискакал юноша во весь опор, стал между рыцарями, и его никто не узнал. Вышла дочь Короля и бросила рыцарям золотое яблоко, но никто не поймал золотого яблока, кроме юноши, — только он его и поймал и вмиг ускакал прочь.

На другой день Железный Джон снарядил его доспехами белого рыцаря и дал ему белого коня. Снова только один юноша поймал яблоко, но, схватив его, тотчас умчался.

Рассердился Король и сказал:

— Этак не годится: он должен явиться ко мне и назвать свое имя.

И отдал Король приказ: если рыцарь, который поймает яблоко, ускачет опять из замка, то надо броситься за ним в погоню, а если он по доброй воле назад не вернется, следует на него накинуться и ударить его мечом.

На третий день получил юноша от Железного Джона черные доспехи и вороного коня и снова поймал яблоко. Но когда он помчался из замка, королевские слуги бросились за ним в погоню, и один из них подскочил к юноше так близко, что ранил его острием меча в ногу. Юноша все-таки ускакал, но конь его мчался так быстро, что у рыцаря свалился шлем с головы, и все увидели, что у него золотые волосы. Слуги поскакали назад и доложили обо всем Королю.

(8)

На следующий день дочь Короля спросила у садовника про его ученика.

— Он работает в саду. Этот чудной парень был тоже на празднике и только вчера под вечер воротился домой. Он показывал моим детям три золотых яблока, которые он выиграл.

Тогда Король велел позвать юношу к себе. Он явился, и у него на голове, как и прежде, шапочка. Но дочь Короля подошла к нему и сняла ее с него, — и вдруг упали его золотые волосы на плечи, и это было так красиво, что все изумились.

— Не ты ли тот рыцарь, что каждый день являлся на праздник, облаченный всегда в разные доспехи, и поймал три золотых яблока?

— Да, — ответил юноша, — а вот и яблоки эти, — и он достал их из кармана и подал королю. — Но если вам нужны еще знаки доказательства, то можете посмотреть на рану, нанесенную мне вашими людьми во время погони за мной. А к тому ж — я тот самый рыцарь, что помог вам одержать победу над врагами.

— Если ты можешь совершать такие подвиги, ты, видно, вовсе не садовничий ученик. Скажи мне, кто же твой отец?

— Мой отец — могущественный король, и у меня много золота, столько, сколько я захочу.

— Я вижу, — сказал король, — что должен тебя отблагодарить. Могу ли сделать я тебе что-нибудь приятное?

— Да, — ответил королевич, — конечно, вы можете это сделать, если отдадите мне дочь вашу в жены.

Засмеялась дочь Короля и сказала:

— Он говорит все напрямик, и я по его золотым волосам уже догадалась, что он вовсе не садовничий ученик, — и она подошла к нему и его поцеловала.

На свадьбу прибыли отец и мать королевича, они были в великой радости, ведь они потеряли всякую надежду увидеть когда-нибудь своего милого сына. Когда все сидели на свадебном пиру, вдруг музыка умолкла, распахнулись двери, и вошел статный король с большою свитой. Он подошел к юноше, обнял его и сказал:

— Я — Железный Джон, я был обращен в лесного человека, но ты меня расколдовал. Все богатства, которыми я обладаю, отныне будут твои.

Переведено Робертом Блаем из истории Якоба и Вильгельма Гриммов в Grimms Marchen (Zurich: Manesse Verlag, 1946)

[Железный Джон: мужчины и мужественность](#)